

МО
ССА
ЛИТ
С
К
И
Й

BAZAR

№ 2 (20) 2016

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

*Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.*

*Все жанры хороши,
кроме скучного.*

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора

О чудесах

Каждый раз, возвращаясь с дачи, мы заправляемся на одной и той же заправке. Заправка как заправка, ничего особенного, топливо достаточно высокого качества. Расположена она как раз на трассе между Москвой и Сергиевым Посадом. Удобно. С одной стороны Дмитровское шоссе, а с другой глухой длинный забор, сделанный из металлических секций – отгораживает заправку от жилой местности. Забор, как и положено нормальному русскому забору, естественно, с дырками. Иногда через эти дыры на заправку проникают загадочные личности, видимо, чтобы купить что-нибудь в заправочном магазинчике, – я наблюдала их, когда заправляла машину. Потом они там же исчезают.

Честно говоря, меня никогда не интересовало, что там, за забором. Я предполагала – общественный туалет, поскольку туалет на заправке вечно закрыт либо по причине неисправности, либо там большая очередь.

И тут, в очередной раз свернув на заправку, мы оказались в хвосте большой очереди и, чтобы как-то размять косточки после дальней дороги, решили с дочерью прогуляться и посмотреть, наконец, что же там, за забором.

И вот мы – не столько из любопытства, сколько чтобы просто скоротать время – проникли за забор, не ожидая увидеть там ничего хорошего. А там... Чудо! Мы оказались на высоком, поросшем травой и мелким кустарником крутом обрыве, а далеко внизу блестели три небольших озерца, залитые латунным светом заходящего солнца, – заброшенные песчаные карьеры, затопленные водой. Накатанная дорога разделяла водоемы, ставшие похожими на озера. На берегу одного из них виднелись крохотные фигурки рыбаков, а по другому плыла выдра, оставляя за собой тонкий дрожащий след. Это был совершенно иной мир, параллельная реальность: с одной стороны от автозаправки шум машин, заправочная суета, огромные скорости, выхлопные газы, а с другой – тишина, покой, заходящее солнце и лес темной стеной с острыми пиками старых елей. И как все просто: пролез через дырку в заборе, и ты в сказке. А золотой ключик от этого волшебного мира есть у каждого. И вот странно, большинство проезжающих так никогда и не узнает об этом чуде, ограничившись заливкой топлива в бак. Так и будут каждый раз проезжать мимо.

А чудеса, оказывается, рядом. Просто мы не подозреваем об их существовании. Не верим. А они есть – за неприглядными с виду заборами, за крутыми поворотами дорог, за камышовыми зарослями или за неприветливыми дверьми городских подъездов, а может, на пыльных чердаках старых дач. Ждут своего часа, когда же, наконец, мы отопрем волшебные двери, ключи от которых звенят в кармане каждого из нас. Стоит только прислушаться...

Друзья мои, я желаю вам этим летом услышать этот таинственный звон и распахнуть двери в волшебный мир чудес, где все мы обязательно будем счастливы.

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

Московскому BAZAR'у 5 лет – поздравляем!

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЖУРНАЛУ «МОСКОВСКИЙ BAZAR» ОТ
НАДЕЖДЫ ГУСЕВОЙ (МОССАЛИТ, Москва)

5

АРТ-КАФЕ

ИНТЕРВЬЮ С ХУДОЖНИКОМ СВЕТЛАНой СИНЁВОЙ: «Прикоснуться
к тайне цвета – одна из огромных духовных радостей жизни...»

7

ПРОЗА

ФЕДОР АБАДЖЕВ (Армения, Ереван)

- ВЕЗУНЧИК

ДЖОН МАВЕРИК (Германия, Саарбрюккен)

- ЗЕЛЕНый ЗАКАТ

ДМИТРИЙ ВОРОЖЦОВ (Шадринск, Курганская обл.)

- ФАЛЬШИВый АНГЕЛ

КОНСТАНТИН ПРОХОРОВ (Омск)

- ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

НАТАЛЬЯ НОВОХАТНЯЯ (Молдова)

- ПРОПАЖА

АЛЕКСАНДР СОРОКОВИК (Украина, Одесса)

- КАТЕНЬКА

16

21

30

36

43

47

ПОЭЗИЯ

ОЛЬГА УВАРКИНА (МОССАЛИТ, Москва)

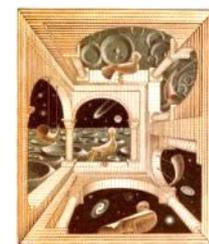
АРКАДИЙ ЛЯХОВЕЦКИЙ (Германия)

НАДЕЖДА ЦЫПЛАКОВА (Липецк)

ИВАН АНДРОЩУК (Украина)

ЮЛИЯ СОРОКИНА (Москва)

СЕРГЕЙ ГАМАЮНОВ (ЧЕРКЕССКИЙ) (Кисловодск)

53

57

62

65

68

76

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

АЛЕКСАНДР БАЛТИН (Москва)

- ВАСИЛЕК И ВОДЯНОЙ

ДАНИИЛ ПЕТРОВИЧ (Москва), 12 лет

- РАССКАЗЫ ПРО ДЕВОЧКУ ДОМУ

ЮЛИЯ СОРОКИНА (Москва)

- СТИХИ

80

95

102

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет **АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)**

- **СТОЛИК У ОКНА, или МИР ПОНАРОШКУ**

103

В оформлении журнала использованы репродукции картин
С. А. Виноградова, М. К. Эшера, А. Оливьера, С. Синёвой, Н. Виллон.

На обложке репродукция картины
Сергея Виноградова¹ «Крым. Цветущий май»
(источник <http://gallerix.ru/storeroom/637749369/>)

С. А. Виноградов. На даче. 1932 г.

¹ **Сергей Арсеньевич Виноградов (1869–1938)** – русский художник, живописец, действительный член Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств (1916). С 1880 года учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, его учителями были В. Е. Маковский, В. Д. Polenov и И. М. Прянишников. В 1889 году стажировался в Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств у Б. П. Виллевалде и К. Б. Венига. Присвоено звание классного художника в 1888 году. В 1889 году был принят в Товарищество художественных передвижных выставок. В 1903-м стал одним из организаторов и впоследствии руководителем Союза русских художников (СРХ), организации, программа которой характеризовалась демократической направленностью, интересом к русской природе, самобытности народной жизни. Особое место в творчестве Сергея Виноградова занимал пейзаж. Наиболее интересны его работы, выполненные в стилистике СРХ, в которых художник стремился уйти от саврасовско-левитановской пейзажной традиции, усвоить уроки импрессионизма.

Принимал участие в выставках в Дюссельдорфе (1904), Париже (1906), Берлине (1907), Мюнхене (1909, 1913), Праге (1914), Нью-Йорке (1924), Риге (1925, 1935, 1936, 1937).

Работы Сергея Виноградова представлены в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Тверской картинной галерее, в других крупных музеях России.

Источник: http://artpoisk.info/artist/vinogradov_sergey_arsen_evich_1869/

5 ЛЕТ Московскому BAZAR'у!

Надежда Гусева

(МОССАЛИТ, Москва)

Посвящение редакции журнала «Московский BAZAR»

Журнал – любимое дитя
Судариковой Светы;
Редактор – ее главная и
первая примета.
На сайте Света – штурман, это два,
и оттого она всегда права.
И за «BAZAR»,
в BAZARный день
как на духу ответит.
Всего отраднее
Светлане, в-третьих, –
сновать кометою
в бурлящем интернете,
круша набеги волн веслом,
а буйство ветра подолом.
Запрыгнуть в Сакраменто
и обратно,
и в Тель-Авив,
и в Вену многократно,
и, обойдя глухую темень сёл,
домой вернуться
через Питер иль Орёл.
И набросать статью
о краже черепов
у гениев известных
в погоне за отмычкой
к тайне их умов.
Взглянув на факты
с меркой ироничной,
преподнести их
в форме лаконичной,

чтобы читатель
не завял от блуда слов
и чтение не сменил
на колку дров.

Тут мы, как говорят,
вернемся вновь
к своим баранам.
И к бережно пасущим их
милейшим дамам.

Меж тем за поисками
новенького в свете,
Светлана подключает
моссалитовский магнит,
в котором зоркий глаз
Грушевской Оли зрит
и плотоядной искоркой горит,
отыскивая новых гениев приметы.
Вот дух Конфуция,
прочтя Бурдонова заметы,
открывши рот, стоит,
застыв, как неофит,
и о былом величии грустит.
А мы, оставив духа,
вместе вспомним Моссалит.
Откуда взялся и на чем стоит?

Отец и мать всего проекта – Оля,
ну разве с этой фишкой
кто поспорит?!
От самых первых дней
дороги длинной
мы с нею, словно
в связке пуповинной.
В ней и здоровый
Олин позитив,
и стойкий
неуемный креатив.
В том вовсе
масла масляного нет,

тут лишь неполного
портрета силуэт.

Но о созвездье
моссалитовских талантов
пришлось бы этот спич
мне слишком долго вить.
И я веду к развязке
вольной вязи нить,
вручая дань
редакторским атлантам –
тревожной
повседневности гигантам,
держущим Слово
в поднятых руках,
чтоб Божий дар
не обернулся в прах.
Чижова,
Народицкая,
Кокорина –
большая и отдельная
история.
Я, помнится, в 13-м году,
у девушки-спецкора
на виду,
под мелодичный
перезвон бокалов
здравный гимн
в их честь
уже слагала.
И ныне, не входя
в подробности деталей,
любой из них я б выдала
набор медалей.
Иным журнал
спасение несет.
На том сегодня
пафосное всё.

Весна, апрель 2016 г.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

АРТ-КАФЕ

В этой рубрике мы знакомим читателей с творчеством современных художников: здесь пьем кофе и разговариваем о живописи, графике, рисунке и художественных перспективах.

СВЕТЛАНА СИНЁВА: «Прикоснуться к тайне цвета - одна из огромных духовных радостей жизни...»

Художник Светлана Синёва

Краткая справка

Родилась в Москве в 1970 году. В 1996 году окончила Московское академическое художественное училище памяти 1905 года по специальности художника-реставратора икон.

Занималась реставрацией икон. Участвовала во многих групповых выставках от Московского союза художников. С 2015 года проводит свои персональные выставки.

Член Московского союза художников с 2009 года.

Работы находятся в частных коллекциях россиян.

Занимается преподаванием живописи, рисунка, композиции.

Московский BAZAR (МВ): Светлана, в марте в литгостиной библиотеки имени Андрея Платонова проходила ваша персональная выставка, которая,

безусловно, оказалась интересной и богатой по своей жанрово-цветовой гамме. Эта выставка была нашим первым маленьким совместным проектом, первым знакомством, и после таких выставок мы всегда беседуем с художником, чтобы узнать его чуть ближе.

Светлана, вы – профессиональный художник. «Художник» в вашей жизни это стечение обстоятельств или призвание?

Черёмуха цветёт. 2015 г. Оргалит, масло

Красные ягоды. 2015 г. Оргалит, масло

Светлана Синёва (СС): Наверное, призвание. Рисунок и живопись меня всегда волновали – с юности, если не с детства. С 10 лет я училась во Дворце пионеров и школьников на Ленинских горах в изостудии, а в пятом классе поступила в художественную школу № 1 на Кропоткинской, которую успешно окончила. Далее поступила в Московское академическое художественное училище памяти 1905 года на отделение реставрации и получила диплом художника-реставратора икон.

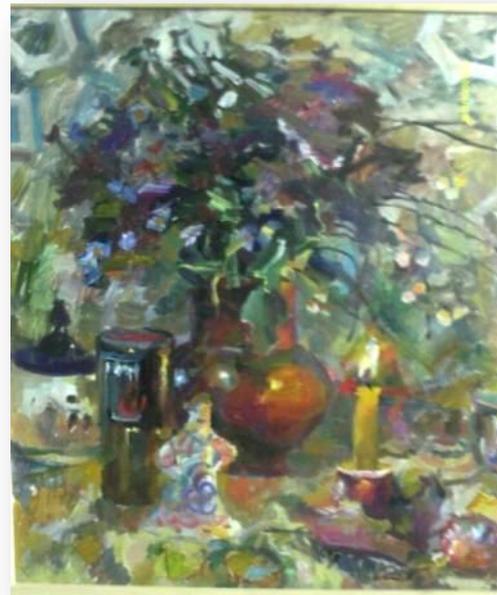
МВ: Художник-реставратор... такая большая ответственность, наверное. Это не просто художник, отражающий на холсте свое мировосприятие и создающий собственные образы. Как раз наоборот. Реставрация ведь подразумевает погружение в прошлое, соприкосновение с огромным пластом общекультурных, концептуальных стереотипов и норм определенного исторического периода. При этом такое погружение обременено субъективным восприятием действительности конкретного художника. Вы занимались реставрацией икон, и в связи с этим возникает вопрос: процесс реставрации – это процесс творческий? Он обогащает вас как художника или все-таки распыляет вашу индивидуальность?

СС: Да, безусловно, творческий... Старинная икона, как правило, это взрыв цвета. Или нежность цвета, или тихость цвета, но именно по цвету она очень красива. И реставратор надолго в этот цветовой центр погружается, созерцает этот кусочек мира, и ему хорошо. Прodelывая какую-то скрупулезную работу, он обогащает себя, свои глаза (потому что глаза от цвета радуются), свою душу тем, что пасется в богатом саду иконы.

МВ: Что ж, давайте перейдем к вам именно как к художнику. Вы активный художник? Много работаете, пишете?

СС: Уже пять лет пишу очень активно; до этого растила дочку и писала мало.

Была суровая зима, в которой прикосновение к цвету стало жизнью, теплом, цветком папоротника. Его ищешь все снова и снова и бежишь за чудом.

*Натюрморт со свечой. 2013 г.
Оргалит, масло*

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Чудо согревает одинаково как ребенка, так и взрослого. Чудо – безвозрастно. С тех пор пошла в моей жизни череда удивлений и «обыкновенных чудес». Хотелось писать все: и портрет, и пейзаж, и натюрморт, и композицию. Началось очень веселое время, потому что ненаписанные вещи кричали: «Нету!» Нету ночи, нету церковки с весенней листвой, нету портрета дочки, нету натюрморта со свечами...

И приходилось троечке лететь, и приходилось писать все это...

Ручей. 2015 г. Оргалит, масло

СС: Могу сказать только о себе. Да, есть. Для меня в центре такой эмоции находится, как вы правильно сказали, любовь. И любовь эта – к цвету. Что бы там ни было, а цвет драгоценен, он должен петь, звучать, звенеть, бить в набат, переживать тишину. Возможность прикоснуться к тайне цвета – одна из огромных духовных радостей жизни.

МВ: Духовная радость сравнима с духовным очищением, и где-то здесь – совсем тепло-тепло – счастье. Вы испытывали ощущение счастья в процессе работы над картиной?

Одна дама, покупавшая мои картины, сказала: «Что же вы расхваливаете каждую свою вещь...» А я ответила: «Конечно. Я ведь влюбляюсь в каждую, чтобы ее написать. Если влюблюсь не искренне, то не напишу...»

МВ: Значит, все-таки любовь! Значит, в каждой вашей картине – в самой ее основе – заложена любовь! Светлана, что, на ваш взгляд, для художника самое важное? Есть что-то такое, что постоянно подпитывает творческую эмоцию художника, держит его вдохновение в напряжении?

Снежок выпал. 2014 г. Оргалит, масло

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

СС: Безусловно. Счастье быть... Счастье писать... Счастье расслышать портрет, зажечь свечу в натюрморте, прожить невзрачную серую проталинку на этюдах... Подсолнух, жахнувший цветом, как шальная птица. Свеча, согревавшая художника не раз. Мечтательный тихий снежок, как настроение... Может быть, кто-то из зрителей тоже переживет что-то подобное...

МВ: *Что есть цвет для художника? Вот осенний кленовый лист. Для большинства людей он – простое свидетельство того, что лето кончилось, что можно делать красивые букеты из опавших листьев. Охра, красные оттенки, воспоминания о лете... Что есть цвет для вас как для художника?*

*Последний снег. Сосны. 2015 г.
Оргалит, масло*

*Первый ручей. 2015 г.
Оргалит, масло*

СС: Знаете, мне не приходилось рассуждать о цвете, потому что кругом есть эти уголки и узелки цвета, которые надо «проявлять» и писать. Цвет и настроение...

Цвет в жизни везде и повсюду. Он подстерегает, как игривый котенок. Цвет воспитывает каждого, даже вовсе не художника.

Когда ты кидаешь взгляд на гжельскую вазу, цвет ждет, чтобы удовольствие от простого сочетания синего и белого проник в тебя и зажег даже самые усталые глаза. Как любой русский промысел... А после ты уже сам зажжешь в себе сочетание снега и неба за окном.

Раскрыть душу каждого этюда – о чем хотела бы сказать рыже-черная осенняя ночь, блистающий торжеством апрельский ручей, летящий в золоте подсолнух...

И удивляться при взгляде на каждый живописный узелок, переживать каждую работу как самую-самую...

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

МВ: Хорошо. Вы так красочно говорите, что перед глазами встанут ваши работы: натюрморты, пейзажи, такие сочные и при этом сбалансированные, не кричащие, а проникновенные – именно благодаря вашим взаимоотношениям с цветовой палитрой. А как быть с портретом? Там другие правила?

СС: Портрет – особая статья. В портрете – все на Боге. Потому что каждый мазок кисти настолько должен быть тонким, чтобы схватить неповторимое дыхание образа. Тут даже чуть ли не случайно все, до того этот мазок должен быть благоговейным...

Портрет Ани с фиалками.
2015 г. Оргалит, масло

Рождество. 2016 г. Оргалит, масло

МВ: Что сегодня вас привлекает – какой жанр? Чему-то вы отдаете предпочтение сегодня, когда за спиной такой богатый опыт?

СС: Ближе к сегодняшнему дню захотелось писать уже что-то развернутое, сюжетное, рассказывающее. К таким работам можно, например, отнести «Рождество» (девочка под елкой).

МВ: У вас есть какая-то особенно любимая работа? Или работа, с которой связана особая история?

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

СС: Есть работа под названием «Скоро весна». Она такая тихая, невзрачная. Сидит кукла с горящим взглядом на окне, прислонясь к горшку с желтыми нарциссами, а за окном зима. Было много выставок, и все люди как один «западали» на эту работу. Очень интересно было видеть, как совершенно новые люди неизменно реагируют на эти желтые цветы.

Скоро весна. 2015 г. Оргалит, масло

МВ: Светлана, вы художник, реставратор, преподаватель. Но вы ведь еще создатель своего собственного жанра, который образовался на стыке ремесленничества и живописи, правильно? Расскажите об этом.

СС: Так получилось, дочка долго болела, и нужно было какое-то обновление души. И появились у нас поделки из бересты. Благо рядом лес. Это достаточно распространенный вид ремесла: туюски, подсвечники, серьги. Мы занимались этим, а потом я придумала свой «жанр» – картинки-аппликации, гуаши с разными вкраплениями бересты. Рамочки, фрагменты, детали. Очень красиво получалось, вскоре окончательно стало понятно, какими должны быть изображения – народные какие-то, близкие, может, созвучные таинственным росписям прялок. Сказочные, декоративные получались работы. Так появился «Домик черной розы»: сине-черно-зеленые птицы на цветах, белый кот, спящий на снегу, квадрат бересты в обрамлении глазастой реки... Интересно получилось...

*Зимний кот. 2015 г.
Бумага, гуашь, береста*

*Птицы. 2013 г.
Бумага, гуашь, береста, фольга*

*Цветы и птица. 2013 г.
Бумага, гуашь, береста, древесные грибы*

МВ: Как у настоящего высокого художника у вас есть ученики. Вы ведь преподаете. Процесс передачи знаний увлекателен для вас, не останавливает ли он вас в движении вперед?

СС: Нет, нисколько. Я очень люблю преподавать. Иду на эту работу, как на праздник. Прыгаю вокруг ученика, пока он не поймёт, что такое видеть в цвете, лепить форму. Особая появляется щедрость что-то дать другому – то, от чего можно так радоваться самой.

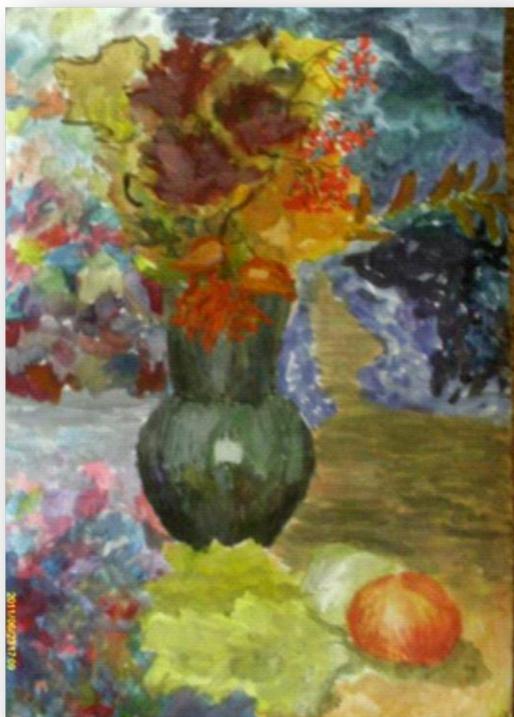
Анна Большакова, дочь художника

МВ: *Насколько нам известно, ваша дочь Анна серьезно увлекается живописью. Это ваших рук дело? (Улыбаются.)*

СС: Конечно моих. Аня рисует с детства.

В нашей семье нельзя не сидеть за мольбертом. Это святая традиция. Представьте, я устроила Ане выставку в клубе в 3 годика. Каляки-маляки, в которых угадывается Дед Мороз, это так важно!

Ей сейчас 13 лет. Поскольку она ходит в музыкальную школу, я заменила ей школу художественную. Она занимается со мной дома, и у нас получается.

*Анна Большакова.
Осенний натюрморт.
2013 г. Бумага, гуашь*

*Анна Большакова
Ночной пруд.
2013г. Бумага, гуашь*

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

МВ: Светлана, спасибо вам за интересную беседу. Вы ведь, как и любой Художник с большой буквы, еще пишете стихи и прозу. Что бы вы хотели пожелать нашим читателям и особенно людям, у которых душа творческая?

СС: Насчёт прозы — есть написанные мной хорошие книги по наброску, композиции, живописи. Говорю «хорошие» не из бахвальства, а потому, что много халтуры выходит на эту тему. Нужен спонсор, чтобы это выпустить. Читателям пожелаю творить. Хорошие мысли, эмоции, позитивное настроение — это прекрасно, а при занятиях творчеством все удваивается. Это лекарство против усталости, бытовухи, уныния. В конце концов, таланты нам советовали не закапывать...

Рекомендую творчество!

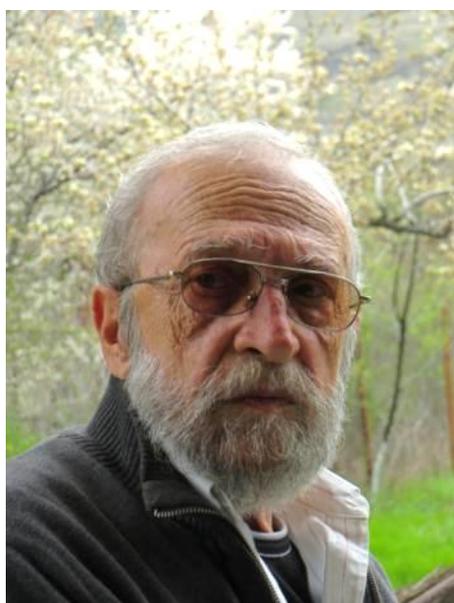

*Светлана Синёва.
Выставка в библиотеке № 188.
Москва, 2016 г.*

ПРОЗА

Федор Абаджев
(Ереван, Армения)

ВЕЗУНЧИК

Об авторе

Родился в 1943 г. в Батуми (Грузинская ССР). В 1950 г. семья переехала в Ереван. Окончил русскую среднюю школу и поступил в Ереванский политехнический институт на химико-технологический факультет. По окончании работал в различных НИИ и на химкомбинатах.

С 1989 г. участвовал в боевых действиях по защите Карабаха.

Несколько раз был ранен. Имеет полтора десятка орденов и медалей.

Светлой памяти Гарегина Шарояна посвящается

Ночь, тягучая и липкая, осязаемо тяжело давит на грудь, затрудняя дыхание. Гулко стучит сердце, тщетно пытаюсь разогнать, растворить боль, жестоким обручем сдавливающую голову. С трудом меняю положение тела на измятой постели в надежде найти более удобное. Напрасно. Видимо, для меня уже удобных положений нет. Значит, опять, как и все последнее время, придется вести поединок с этой изнуряющей беспощадной болью и лишь под утро удастся забыться, погрузившись в кошмары, калейдоскопически перемежающиеся взрывами, вспышками, грохотом, воем и предсмертными стонами.

Дрожащей рукой включаю ночник у изголовья и сажусь в постели; нашарив сигареты и зажигалку, закуриваю. Свет неприятно слепит, и я отворачиваю ночник в сторону. Несколько раз жадно затянувшись, откидываюсь на подушку и осматриваюсь.

До мельчайших подробностей знакомая обстановка – письменный стол, кресло, книжный шкаф, полки, телевизор, эстампы – в полутьме приобретает какую-то таинственность и необычность. Мой взгляд останавливается на белом пятне, высвеченном на стене ночником, и после бездумного созерцания начинаю внимательно вглядываться. Это небольшой набросок карандашом на листе ватмана, бережно заключенный в простенькую деревянную рамку.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

На меня смотрит лицо пожилого бородатого мужчины в берете. Несколько скупых линий говорят о том, что на нем тельняшка и афганка.

Рука художника очень тщательно выписала глаза, а все остальное превратила в фактуру, в фон для этих глаз. Глаза жили самостоятельной жизнью, они притягивали, они общались, они рассказывали, они генерировали и излучали импульсы отрывочных событий, которые яркими и живыми фрагментами проецировались в моей памяти.

...Конец лета, специальный батальон с гордым именем «Арцив»², спешно сформированный из ветеранов-ополченцев, в траурном молчании выстроен на участке пантеона «Ераблур». Здесь похоронены добровольцы, отдавшие жизнь за Родину в этой проклятой, навязанной нам войне. Могильные плиты укрывают от нас бойцов, с которыми большинство из нас были связаны узами дружбы, и не только фронтовой. Им мы поклялись: «Стоять насмерть...»

...Ночной скрытный марш-бросок, вышли на участок фронта, где противник сконцентрировал ударные силы и оголтело рвался вперед. Оборона – в основном небольшие отряды местных жителей – несла значительные потери и с трудом сдерживала натиск. Возможность прорыва становилась почти неизбежной, что резко ухудшило бы общую ситуацию и открыло бы доступ врагу к населенным пунктам с мирными жителями. Мы заняли позиции и окопались. Тут нам предстояло сдержать клятву...

Светает, звенящая тишина насыщена безмолвной угрозой, даже птицы молчат, а может быть, их здесь и нет вовсе, может быть, они отсюда улетели: ведь никто в природе не в состоянии вынести весь этот ужас, изобретенный человечеством для самоуничтожения, любовно и настойчиво совершенствуемый по мере развития цивилизации, эту какофонию войны, обильно сдобренную кровью, болью и всепроникающим запахом разложения, запахом смерти. Хотя нет, вижу деловито снующих муравьев – видимо, в их микромире эти макрособытия воспринимаются примерно так же, как человечеством воспринимаются взрывы сверхновых звезд где-то в галактике.

Вдруг что-то неосознанное заставляет насторожиться, все органы чувств по-звериному напряглись, впитывая тишину и отлавливая из нее что-то нарушившее ее. Мозг, переработав скудную информацию, выдает однозначный ответ: гул моторов бронетехники. И тут же от дозорных по цепи передается: «Внимание, танки!».

Клубы пыли, возникшие вдалеке, постепенно превращались в клин из одного танка и двух боевых машин пехоты (БМП). Уже невооруженным глазом можно различить густо облепившие броню фигурки и цепь пехоты, развернувшуюся за ними. Танк и бронемашины на ходу открыли беглый орудийный огонь, нащупывая линию обороны.

Наши позиции безмолвствовали, подпуская противника на дистанцию действия

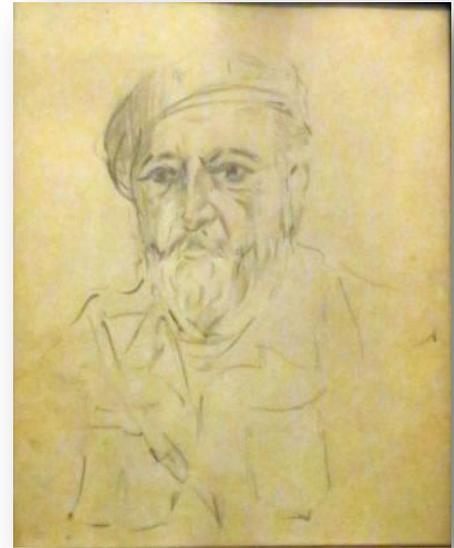

Рис. Г. Шарояна

² Арцив – орел (арм.).

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

«фаготов», снаряды которых, имевшиеся у нас, накрывали расстояние до двух километров.

К пушкам противника присоединились крупнокалиберные пулеметы, грохот и огневой шквал неумолимо приближались, и казалось, ничто не остановит этот лязгающий и изрыгающий смерть бронированный плуг, способный беспрепятственно разрезать тонкую линию защитников. Вот зачастили автоматные очереди – это пехота неприятеля вступала в бой, насыщая партитуру симфонии бога войны Марса.

Дальше все пошло уже по нашему сценарию. Отлично сработали «фаготчики», и монстры из брони и стали превратились в неподвижные дымящиеся кучи металлолома. Наши пулеметы и автоматы довели дело до логического завершения.

Понеся неожиданно непривычно большие потери в живой силе и технике, противник отступил. Нашим радистам удалось выловить из эфира обрывки донесений, причем передавались они открытым текстом, что уже красноречиво говорило о том, что там творилось: «...здесь мясорубка... все перебиты... что за войска здесь стоят... помогите... они отлично вооружены... техника здесь не пройдет... шлите подкрепление...»

Пауза после боя заполнилась оказанием помощи раненым (потерь у нас не было), обсуждением деталей и подробностей, обменом впечатлениями, и все это разгоряченно, взволнованно, с блестящими глазами, ожесточенной жестикуляцией и много громче, чем необходимо. Быстро пополнив опустошенные магазины и ленты и наскоро перекусив, занялись приведением в порядок окопов и траншей.

И тут началось. Наши позиции стала уютить вражеская артиллерия.

Установки «Град», гаубицы и минометы с закрытых позиций с такой щедростью сыпали на нас снаряды и мины, что создавалось впечатление неиссякаемости их запасов. Оглохшие, задохнувшиеся от дыма и засыпанные землей, мы ждали. Наконец затишье. Первые потери этого дня, комок в горле, сжатые кулаки, искаженные ненавистью лица живых и глаза, в которых читался неотвратимый приговор врагу.

...Будни, монотонные и одновременно насыщенные острым динамизмом событий, наполненные большим горем утрат и маленькими фронтовыми радостями.

Установки «Град», гаубицы, минометы и орудия танков и БМП регулярно проводили многочасовые «агротехнические работы» на наших позициях и настолько успешно перепахали кукурузное поле и заросли кустарников, что, окажись здесь местный землепашец, ни за что не узнал бы родных угодий.

А мы буквально вгрызлись в землю, прорыв такие хитроумные и глубокие норы (благо созидать и строить – национальная черта армянского народа чуть ли не на генетическом уровне), что только прямое попадание, да и то не всегда, превращало эти укрытия в братские могилы; в остальных случаях родная земля сохраняла нас невредимыми. Ребята посмеивались: «Птенцы “Арцива” – по совместительству кроты».

Длительность артобстрелов приучила многих из нас безмятежно засыпать под эту канонаду в своих укрытиях, уповая при этом лишь на Бога и Судьбу, трезво рассудив, что чему суждено быть, того не миновать. Канонада убаюкивала, а наступающая тишина мгновенно прерывала сон и буквально катапультировала нас к брустверам траншей и окопов. Это означало, что противник в очередной раз, уверовав в высокоэффективность пропашки, попытается атаковать наши укрепления.

И вновь короткий бой, яростный и беспощадный, и вновь, неся большие потери, оставшиеся в живых бегут. Но мы тоже несем потери, правда, наши потери в основном от артобстрелов, так как подавить артиллерию противника нам практически нечем.

Бывают и благодатные минуты затишья, когда ни обстрелов, ни атак. Тогда мы выползаем из своих нор, сбиваемся в небольшие уютные кучки и травим байки. Быстроногая молодежь

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

добывает какое-либо лакомство: то плоды дикой груши с опрокинутого взрывом дерева, то недозрелые початки кукурузы, то плоды боярышника, то съедобнее травы, которыми изобилует здешняя плодородная земля.

А Гарик достает из планшетки бережно хранимую папку для бумаг с листами ватмана, карандаш, ластик и делает наброски с ребят. Работает он увлеченно, споро и с какой-то поразительной легкостью переносит на бумагу образы и характеры. Гарик обещает по возвращении домой все эти эскизы превратить в настоящие портреты, возможно, даже в масле.

Так и я оказался запечатленным на листе бумаги...

Иногда мне кажется, что аллегория смерти в образе костлявой старухи с ржавой косой – это устаревшая модель опытного бойца с пулеметом Калашникова (ПК), так как на поле боя при хорошей позиции и достаточном боеприпасе пулеметчик косит вражескую пехоту с таким высоким КПД, какой и не снился конструкторам современных сенокосилок.

Пару дней назад выбыли из строя наши радист и пулеметчик, к счастью, получив только ранения. Чут (так мы его ласково называли) – самый молодой из нас, но уже опытный пулеметчик, общий любимец, вечно улыбающийся, неунывающий и отчаянно храбрый, перед отправкой в госпиталь, строго глядя мне в глаза, сказал:

– Отдаю свой пулемет тебе лично, но на время. Через пару дней вернусь и заберу обратно, береги себя и его. Договорились?

... И опять артиллерийские обстрелы чередуются с атаками пехоты.

На огневой позиции мы с Гариком рядом. Наш пулемет очень удобно расположен, отличный обзор и широкий сектор обстрела делают нашу оборону практически неприступной для живой силы противника, и за пулеметной точкой ведется настоящая охота. То пуля щелкнет рядом – работает снайпер, то гаубица очень тщательно кладет снаряд за снарядом. Чувствуется, что огонь корректируется наблюдателем-разведчиком. Пора менять точку: пристрелялись, а это чревато. Ухо чутко реагирует на оружейные выстрелы и при определенном навыке безошибочно определяет: недолет, перелет, наш.

Вот гулко ухнула гаубица сто двадцать второго калибра, пауза и уверенное "Наш!" бросает нас ничком на дно окопа. Вспышка, грохот, какой-то звериный рык рвется из сдавленной груди, и наступает черное ничто. Мгновенно возвращается сознание – жив. Окликаю Гарика, рядом шевеление, поднимаемся, отряхиваемся, абсолютная тишина, правая сторона тела саднит, правая рука висит плетью, афганка справа набухает от крови. Всматриваюсь в Гарика – у него из ушей, носа и рта струится кровь. Ощупываю свое лицо левой рукой – то же самое. Понятно: взрывная волна, отсюда и глухота. Гарик выглядывает из окопа и что-то говорит, по артикуляции догадываюсь: «Атака». Жестом показываю, что с пулеметом одной рукой не справлюсь. Понимающе кивнув, Гарик раскапывает засыпанный землей ПК. Помогаю установить, заправить в казенную часть ленту, удобно разместить коробку. Откапываю автомат и подсумок с рожками. Выглядываю. Цепи атакующих приближаются короткими перебежками.левой рукой скупыми очередями прицельно бью по наступающим. Поведение и движения на уровне рефлексов, и лишь одна пульсирующая мысль контролирует стрельбу: «Спокойно, спокойно, надо беречь патроны...»

А тут и пулемет ожил в руках Гарика, сразу отбросив поредевшие цепи пехоты на исходные рубежи. Словом, отбили. Небольшая передышка – и очередная атака.

Только после захода солнца мы попали в прифронтовой полевой (скорее уж лесной) госпиталь, где нам оказали необходимую помощь.

У меня оказались множественные поверхностные осколочные ранения правой стороны тела (медсестра насчитала восемьдесят четыре штуки), которые тут же – почти все по живому –

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

были удалены молодым сноровистым врачом, причем обезболивалась процедура шутками и веселым подбадриванием. У Гарика ни одного осколка, но мы оба очень прилично контужены. Нас раздели, уложили, и мы выключились часов на тридцать – давно не приходилось раздеваться и укрываться одеялами. Очнувшись ото сна, нас накормили, мне сменили повязки, удобно подвесили правую руку, и мы, прихватив свои автоматы и перевязочные пакеты, сбежали из санчасти к своим на передовую, твердо зная, что там каждый ствол – на вес золота.

Ребята встретили нас радостно, рассказали о прошедших сутках и по-доброму подшучивали над Гариком, дескать, как он умудрился избежать даже царапинки, все просили показать на практике технику отбивания осколков на соседа, и в конце концов окрестили Везунчиком. Гарик добродушно отмахивался и обещал при первом же удобном случае устроить показательные выступления...

Дни летели за днями. Нам удалось переломить хребет этому наступательному порыву противника, из глухой обороны мы перешли в контрнаступление и заняли господствующие высоты, позволяющие полностью контролировать местность. Нам придали артиллерию, правда, со снарядами у нас было не густо, но и этого было достаточно, чтобы батареи противника не чувствовали себя совершенно неуязвимыми, как прежде. Наш батальон, изрядно потрепанный и поредевший, собирались заменить свежими подразделениями, а нас отвести на отдых и пополнение.

Паузы между боями опять заполнялись кучкованием с перекурами и шутками, мечтами и планами на будущее. Вот и на этот раз вдруг стало тихо и мирно, никаких выстрелов и взрывов. Мы выбрались из укрытий и группами расположились на большой зеленой поляне (кроме дозорных, разумеется), наслаждаясь тишиной и табачным дымом.

У одиноко стоящего ветвистого и дуплистого красавца-дуба, немало повидавшего на своем веку, уютно расположилась группа из нескольких человек, мы с Гариком в их числе. Закат и покой действовали умиротворяющее, и не верилось, что война просто затаилась в ожидании своей очередной кровавой жертвы.

Мы с одним из бойцов поднялись и медленно пошли к близлежащему роднику умыться и набрать во фляги свежей воды. Не прошло и минуты, как раздался характерный хлопок со стороны противника. «Миномет», – определили мы вслух, и тут же своеобразный свист мины подсказал: наша и большого калибра. Мгновенно распластавшись на земле, переждали взрыв, визг осколков и вскочили на ноги.

Мина, одна-единственная, какая-то шальная, выпущенная безжалостной рукой злого рока, упала рядом с дубом и отняла жизни двоих ребят, а троих ранила.

Так не стало нашего Везунчика...

Современный бой – это наглядная демонстрация на практике жуткой смеси из баллистики и акустики, теории вероятности и пиротехники, биохимии под напором адреналина и физиологии, электроники и оптики и многих других наук, теорий и высоких технологий, но основной и решающей составляющей этого дьявольского замеса, определяющей исход боя, является человеческий фактор.

Любое преимущество в вооружении, боеприпасах, снаряжении – ничто перед людьми, наделенными беззаветной отвагой и стремлением освободить свою Родину, и тому тысячи примеров в истории человечества. Эта истина, довольно тривиальная, не раз звучавшая с экранов, со страниц художественных произведений, в скупых строках военных мемуаров, становится глубокой и поразительно емкой, когда постигаешь ее на поле брани...

Светает, вот и закончилась постылая мучительная ночь, боль немного ослабляет свою беспощадную хватку, впереди день... А потом? Опять поединок с болью?

Смотрю на свой портрет, мысленно адресуя ему эти вопросы, глаза отвечают спокойствием и пониманием, излучая сопереживание и еще что-то...

Значит, я не один, значит, у меня есть союзник, значит, отобьемся.

ПРОЗА

Джон Маверик

(Германия, Саарбрюккен)

ЗЕЛЕНЫЙ ЗАКАТ НАД ХОНФЛЁРОМ

Что и в какой момент испортило их с Луиком дружбу, Свен не знал, хотя задумывался над этим все чаще. Он вообще был склонен к излишней рефлексии, что делало его болезненно уязвимым, злым и несчастным. Нет в мире большей муки, чем ежечасно и ежеминутно раскладывать по полочкам собственные эмоции, анализировать каждую мысль, искать объяснение любому, даже самому бессмысленному своему поступку.

Как получилось, что его искренняя симпатия к Луику, сострадание к несчастному и другие, красивые и благородные, чувства вдруг переродились во что-то совсем некрасивое? Может быть, всему виной зависть? Но глупо завидовать инвалиду. И ладно бы успешному, богатому и хоть кем-то любимому... Нет – одинокому получателю социального пособия. Такого жалеть надо.

Но то, что испытывал Свен, думая о Луике Ноэле, не было жалостью. Скорее ощущением некой вселенской несправедливости, обиды на весь мир, за то, что вот кому-то, нищему и убогому, дано выйти за свои границы, а ему, Свену Краузе, нет. Он бьется о них уже двадцать один год, как бабочка о стекло, но только обломал себе крылья, а ничего не достиг. И не так важно, рассуждал Краузе, границы эти шире или уже, главное, способен ли ты их раздвинуть.

Луик родился слепым. Лет до полутора он просидел в кровати, монотонно качаясь, словно пытался размашистыми движениями тела очертить и заполнить темное пространство вокруг себя. Как маятник, вперед-назад. Мать и отец не понимали, что происходит с мальчиком, и не знали, как с ним общаться. Его мир оставался для них закрытым. Ребенок и на слова реагировал неохотно. Не впитывал жадно, как обыкновенно делают незрячие, а словно отмахивался от них, как от надоедливых мух. И слушал – все время прислушивался к чему-то, не слышимому для других. Качался и слушал и пощелкивал языком. Прикосновений дичился, но потом, держась за мамин палец, понемногу начал вставать, а к двум годам – пошел.

Вот тут-то и проявилась его странность. Сперва медленно и шатко, а затем все ловчее маленький Луик перемещался по квартире. Он ходил, слегка волоча ноги и широко расставляя ступни, замирал у препятствий, цокал, как бельчонок, и сам вытягивался столбиком – рыжие вихры торчком, как беличьи уши, – и, не коснувшись стола или шкафа, поворачивал обратно. Еще через пару месяцев он уже гулял во дворе. Бродил по детской площадке, не натываясь на качели и горки, осторожным полукругом огибал песочницу.

– Он видит! – захлебываясь волнением и надеждой, говорила Элька Ноэль, урожденная Краузе, на приеме у врача.

Офтальмолог качал головой и – в который раз – направлял сначала в левый, а потом в правый глаз Луика тонкий, как иголка, луч. Зрачки малыша не реагировали на свет, а значит, видеть он не мог.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Он гуляет сам, без поддержки, и дома не задевает предметы, – спорила Элька. – Как будто знает, где они находятся. Если не видит, то как он их чувствует? Луик, пройдишь!

Мальчик послушно делал несколько шагов и останавливался у стола или стула или обходил их по неширокой дуге.

«Ваш сын ориентируется по звуку, – объясняли Эльке врачи. – Как летучая мышь в темноте, при помощи эхолокации. У слепорожденных, как правило, слух развит сильнее, чем у зрячих, а Луик, очевидно, способен издавать и улавливать звуки очень высокой частоты».

Такая была у него удивительная способность. Все необычное притягательно для людей, а чужое уродство или мутация вызывают, кроме того, нездоровое любопытство. На Луика тарасились на улице, потому что двигался он чудно и выглядел чудно. Его даже приглашали в ток-шоу, и множество телезрителей прилипли к экранам, наблюдая за гибким, как прутик, мальчуганом с тонкой шеей и смешными вихрами на макушке, действительно чем-то похожим на летучую мышь. Острая мордочка, блестящие круглые глаза не мигают и не щурятся. Пока Элька Ноэль распиналась перед камерами, он вертелся у нее на коленях, как самый обычный ребенок, и все время щелкал языком. Эта его нелепая, звериная какая-то привычка могла бы раздражать, но люди знали: малыш таким образом осматривает студию. Им чудилось, что рыжие вихры топорщатся, наостряясь, как уши. Им казалось, что Луик напуган и отчаянно цепляется за мать, тогда как на самом деле он чувствовал себя в съемочном павильоне точно так же, как в любом другом месте. Они умилялись и чуть не плакали, потому что мальчишка выглядел трогательно и жалко.

Так и рос Луик: в мире не теней даже, потому что не бывает тени без света, а расстояний и размеров, твердых и мягких поверхностей и расплывчатых контуров. Он с трудом описывал словами формы и, разумеется, не имел ни малейшего понятия о цветах. Так бы он и провел жизнь в своей лишенной красок вселенной, если бы однажды не случилось чудо.

Один профессор из Гавра предложил семье Ноэлей операцию. Он не давал никаких гарантий, напротив, подчеркивал, что эффект может оказаться непродолжительным. Но в любом случае они теряли только деньги. Ребенок все равно слепой и при самом плохом раскладе останется слепым. Родители Луика немного поспорили – а вернее сказать, поспорили они крепко – и согласились.

Когда с глаз ему сняли повязку, мальчик закричал. Сжимая ладонями голову, как человек с картины Мунка, он заходился криком, настолько яркими, невероятно выпуклыми и жгучими были ворвавшиеся в мозг картины. Они заполнили его внутренний мир до краев, вытеснив оттуда все – звуки, запахи, прикосновения. Затопили красками бесцветный ночной ландшафт его души. На несколько жутких минут сознание Луика вышло из берегов, как река в половодье.

Понемногу он пришел в себя и, раньше чем повязку успели вернуть на место, затих, покорно отдавшись удивительной трансформации. Словно в темной комнате отдернули шторы и впустили солнечный полдень – так отчетливо высветились в ней не только все предметы, мебель и ковер на полу, но и каждый штрих на обоях, и каждая пылинка в воздухе. Все стало другим. Свет привнес понимание и ясность, так что теперь, сколько ни погружай комнату во мрак, уже не забудешь, какая она и что в ней находится.

Гавра Луик почти не запомнил, разве что уголок больничного сада с чахлым розовым кустом да тусклые больничные коридоры. По пути домой он задремал в машине, привалившись к теплomu маминому боку, и не видел, как въехали они на знаменитый Pont de Normandie, под паутинную арку самого красивого в Нормандии моста. Мальчик спал, не зная, что внизу широкой лентой искрится Сена и впадает в туманный голубой простор. Он не видел ни песчаной отмели, похожей на расплесканный по блюдцу кофе, ни чаек в ослепительно синей

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

пустоте, ни блестящих на солнце, словно игрушечных автомобильчиков, съезжавших по мосту, ни густых пятен зелени, ни маленьких, словно карманные зеркальца, озер. Зато сны ему снились красочные. Не расстояния, голоса и смутные формы, а первые в жизни «зрячие» сны, пусть и не такие прекрасные, как дорога от Гавра до Хонфлёра.

Pont de Normandie... Птица с ажурными крыльями. Серебряный змей в полете, легкий и гибкий, дерзко выгнувший спину. Сколько раз Луик представлял его летучим голландцем, дрейфующим по сизому морю облаков! Сколько раз любовался сквозь него закатами!

Мальчик обожал Хонфлёр – единственный город, который ему посчастливилось узнать. Это была любовь с первого взгляда – и на всю жизнь. Он любил его слегка размытые акварельные пейзажи, узкие разноцветные домики, опрокинутые в темное зеркало залива, и яхты с высокими мачтами. Тесные улочки с нарядными витринами. Пальмы в кадках вдоль обочин. Открытые летние ресторанчики – столики и стулья, расставленные прямо на тротуаре под разноцветными тентами. Скованная бетонной набережной Сена. Расплывчатость красок в том месте, где ее легкая, серо-голубая вода вливается в темно-синюю, плотную воду Ла-Манша. Высокие нормандские приливы и отливы, такие, что кажется, море ушло, оставив после себя бескрайние просторы мокрого песка, еще ребристого от волн, лужицы с мелкой рыбешкой, водоросли и студенистых, умирающих на солнце медуз, – ушло, и уже никогда не вернется.

Жаль, мама не пускала его одного на пляж. Он совсем еще маленький, а море коварно. Если бы Элька знала, как мало у него остается времени. Ведь должна была знать! Разве не об этом говорил ей профессор из Гавра?

Луик и не догадывался, как хрупко его чудом обретенное зрение, но почему-то все равно торопился – смотреть, ощущать, наслаждаться светом. Он гулял без устали, разглядывая дома, и деревья, и легкомысленно одетых туристов, толпящихся у киосков с открытками и сувенирами. Удивлялся каждой чайке в небе и каждому муравью под ногами. Он даже начал рисовать, сперва – цветными мелками на брусчатке, потом – на ватмане. Карандаши Луику не нравились: тонкие грифели царапали шершавый лист, разве что растолочь их камешком в цветную пыль, а затем растереть пальцами... Если аккуратно втирать грифельное крошево в бумагу, получится равномерный фон – морской или небесный. Но морю надо еще придать текучесть и блеск, а небу – глубину. И снова окунаются пальцы в синий порошок, затем – в белый и в золотистый, и ложатся темные штрихи поверх голубизны, и снежно пенятся гребешки волн, и тонет солнце в прозрачной лазури. Мальчик с упоением экспериментировал. Видя его рвение, родители купили сыну краски и записали его в художественную студию.

Луик успел взять несколько уроков у настоящего художника, и это было для него огромным счастьем. Все равно что научиться говорить, только не на убогом человеческом языке, а на правильном, гармоничном языке вселенной. Только сейчас Луик понял, что несколько лет жизни провел не только слепым, но и немым. Теперь он наверстывал упущенное, как пчела, собирая красоту с каждого цветка и наполняя ей невидимые соты в своей душе.

Не зря... потому что зрение стало быстро гаснуть. На это раз, увы, необратимо. Болезнь наступала, стремительно возводя между Луиком и миром высокую стену мрака, но душа, однажды прозревшая, не желала возвращаться во тьму.

Ему по-прежнему снились «зрячие» сны, а днем то, что не видели глаза, восполняла память. Она у Луика оказалась поистине феноменальной. Все хранилось в ней – от камня до бабочки, от разноцветных купальников в хонфлёрских магазинчиках до церкви Святой Кaterины. Мальчик снова начал цокать языком, возвращая себе расстояния и формы, которые – теперь уже сам – щедро наполнял красками. Уверенно шагая по улицам, он видел их немного другими, не такими, как на самом деле, но живыми и яркими. Вокруг него расцветало все то же солнечное царство – теперь наполовину воображаемое, но что это меняло?

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

И правду сказать, Хонфлёр как стоял, так и стоит, и все в нем по-старому. Ничего не переменялось. Та же брусчатая мостовая – и что ей сделается? Та же лавочка с бижутерией... Ну пусть бусы на прилавке – другого цвета. Пусть модная одежда в этом году не зеленых, а красных оттенков, а туристы обзавелись какой-то новой моделью фотоаппарата. Те же – или почти те же – люди и те же дома, и море все так же то приходит, то уходит. И тают на солнце медузы, словно кусочки льда на лотке мороженщика, растекаются мутными лужицами и впитываются в песок.

Луик продолжал рисовать. Ла-Манш, Сену, фонтанчик в парке и над всем городом парящий, ажурно-крылатый Pont de Normandie... Вода и небо – две извечные стихии, как две сестры-близняшки, одинаково чистые и бездонные, нежно заключают Хонфлёр в свои ладони. Их можно без усталости писать красками – акварелью, или маслом, или пастельными мелками, и все будет мало, и ни одна картина не повторит другую.

Луик не мог больше заниматься в художественной студии, но звонил пару раз по телефону своему учителю. Спрашивал, как делать то или это. Хвастался новыми идеями. Учитель не знал, что его ученик ослеп.

Первый класс Луик Ноэль отучился в Хонфлёре, в школе для слепых. Потом его родители развелись, и Элька увезла сына в свой родной город Саарбрюккен. Мальчик с трудом выдержал переезд. Два дня в низкой металлической коробке, которой ему представлялся автомобиль, духота и непонятная тряска. Протекающих за окном пейзажей он видеть, конечно, не мог и, не ощущая движения, мучился тошнотой и необъяснимым страхом.

– Где мы? – спрашивал он поминутно у мамы, и усталая Элька терпеливо отвечала:

– Мы едем домой, сынок.

– Но где мы сейчас?

– Проезжаем березовый лес, – принималась рассказывать Элька, и Луик понемногу успокаивался, – наверное, искусственный – деревья выровнены, как по линейке... а сейчас озеро, блестящее и круглое, один берег пологий и песчаный, другой зарос камышами... бензоколонка, яблоневый сад, пастбище – коровы щиплют траву под деревьями, пьют из корыта... «Макдоналдс»... виноградники... дома с балконами... большие магазины...

Она едва успевала описывать окрестности и следить за дорогой. Мальчик хмурил тонкие белесые бровки и пытался все это себе представить. Что-то получалось лучше, как настоящее, а что-то – хуже, мелькало бледным, расплывчатым фантомом.

В Саарбрюккене Элька сперва поселилась в доме своих родителей, а потом сняла для себя и сына крошечную двухкомнатную квартиру, без кухни, но с кухонной нишей в гостиной. Тесновато, зато место хорошее. Пять минут пешком до парка на берегу Саара, десять минут до центра. А Луик... он так и остался жить в Хонфлёре. Ведь никакого другого города он не знал, а значит, и увидеть не мог. Бодро поцокивая, он вышагивал по Банхофштрассе и чувствовал, что она раздалась вширь, и здания по обеим ее сторонам подросли и оделись стеклом, и откуда-то появились фонтаны, и скамейки, и какие-то люди, сидящие у обочин с собаками. И все-таки это была знакомая ему Хонфлёрская улица, запруженная разнопёрой толпой туристов, которых яркие тенты над летними ресторанчиками приглашали пообедать в уютной тени.

Он бродил по набережной Саара, изжелта-черного, зеркально отражающего высокие берега, а видел перед собой мутную, серо-голубую Сену. Чайки над его головой кричали вороньими голосами, а городской шум вполне мог бы сойти за рокот прибора, но...

Однажды Луик прошел дальше обычного, до конца парка. В этом месте набережная кончалась, и тропинка сбегала к песчаному пляжу. Голому в часы отлива – потому что после полудня как раз начинался отлив, – еще хранящему зыбкие отпечатки волн. Пахнущему йодом и водорослями, сплошь усеянному ошметками медуз. В предвкушении Луик раздул ноздри – и остановился, растерянный, зацокал громче, завертел головой. Море исчезло, а вместо него

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

была какая-то стройка. Лязг, пыль, жаркая духота, много вонючих машин. Снова, как пару месяцев назад в тесной коробке автомобиля, Луика охватила паника. Он не понимал, где находится. Вернее, понимал, но не мог принять.

Да, ему говорили, что в Саарбрюккене моря нет, но всю последующую ночь он ворочался без сна, размышляя, куда оно делось? Ведь не бывает на свете таких мест, где за парком не открывается мокрый пляж, блестящий лужицами и медузами, и где вместо прохладной соленой голубизны клубится душная пыль. Их не должно быть и не может – как не бывает рек, не впадающих в моря. Его била дрожь, и разрастался в груди мерзкий холод, и весь его продуманный и логичный маленький мирок грозил рассыпаться, словно карточный домик.

Больше Луик не гулял по набережной, а вместо этого распаковал забытые на дне чемодана мелки и краски и, словно одержимый, принялся рисовать. Сперва на бумаге, акварелью. Затем – красками на холсте. Каждый день, приходя из школы, он торопливо заглатывал обед и уединялся в своем творческом уголке. В художественной студии его научили грунтовать холст и натягивать его на подрамник, и мать помогала, как умела, а потом еще и кузен объявился – сын Элькиного брата. Свен Краузе. Высокий, тощий паренек на два года старше Луика, он жил по соседству в почти такой же, как у Ноэлей, съемной квартире. Правда, с отдельной кухней. Учился Свен в обычной школе, но не очень успешно. Учителя считали его не то чтобы глупым, но неорганизованным и ленивым, скучным и лишенным каких бы то ни было талантов, а одноклассники недолюбливали и не то чтобы обижали, а просто смотрели на него как на пустое место.

Пустым местом он себя и чувствовал, пока в его жизни не появился Луик. Ущербный. Слабый. Беспомощный. Мальчик, которому можно протянуть руку и на его фоне ощутить себя добрым и сильным. Рядом с которым легко забыть о собственной ничтожности. В первый же день знакомства Свен Краузе взял над ним шефство. Он помогал младшему кузену во всем – буквально во всем, до чего мог дотянуться. Разогреть оставленный в холодильнике обед. Сложить посуду в посудомоечную машину или повесить куртку в шкаф. Искать в квартире разные вещи. Раскладывать краски и промывать кисточки. Луик и сам бы справился, ведь справлялся же раньше, но Свен отстранял его с добродушной улыбкой, словно говоря: «Я сделаю. Для тебя это проблема, а мне не трудно». Он прибегал к Ноэлям сразу после школы и торчал у них до самого вечера, пока не приходила с работы Элька.

– Я немного присмотрел за Луиком, – говорил ей застенчиво и, едва дождавшись дежурного «спасибо», отправлялся домой. Он очень гордился собой.

Иногда они с Луиком выходили погулять, и тогда Свен держал кузена за руку, предусмотрительно оповещая его о поворотах дороги, лестницах и фонарных столбах. В эти минуты ему очень хотелось встретить кого-нибудь из знакомых, чтобы все видели: он заботится о родственнике-инвалиде. Луик, хоть и досадовал в душе, вел себя смирно. Он вообще был покладистым и никогда ни с кем не спорил. Вдобавок он верил в искренность двоюродного брата и принимал его дружбу, как растение принимает дождь, с тихой благодарностью и в то же время как нечто естественное, не отделимое от обычного хода вещей.

Мальчики росли, и росло самое главное в них. Вместе со Свеном Краузе выростала его никчемность. Не видная глазу, она сидела у него внутри и становилась очевидна каждому, с кем юный Краузе пытался заговорить. Вроде обычный паренек и даже как будто неглупый, но... стоило ему открыть рот, как сразу же ощущался недостаток чего-то, какая-то неправильность, почти уродство, которое отличало его от остальных. Будь он и в самом деле уродом, не имея руки или ноги, все было бы по крайней мере понятно и объяснимо, и не оставался бы после каждой попытки сблизиться с себе подобными тягостный осадок обиды. До чего же больно и страшно, и ужасно несправедливо уродиться таким: вроде бы нормальным человеком, с

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

которого мир спрашивает, как с нормального, а вроде бы и нет. Из всех школьных предметов Свену нравилась география – наука интересная сама по себе, но совершенно бесполезная в плане профессиональном. Стоит ли удивляться, что он так ничего и не добился и, окончив школу, работал асфальтоукладчиком. Это было именно то, что он больше всего ненавидел – физический труд, жара, горячий пот, льющийся по спине, и асфальтовый дух в лицо.

Вместе с Луиком Ноэлем росли глубина и прозрачность Хонфлёрского неба и полноводность Сены, и яркой бирюзой загорались волны Ла-Манша, а Pont de Normandie истончался, делаясь еще ажурнее, и сверкал на солнце, как паутина, такой же серебряный и невесомый. Он парил над облаками, не касаясь опорами земли, и нерукотворная, птичья его природа угадывалась теперь с первого взгляда.

Картины Луика становились многомернее, объемнее, шире. Наполнялись воздухом и светом. Как правило, почти монохромные – синева вверху и синева внизу, – они играли множеством оттенков, тончайшими переходами цвета, тем более удивительными, что наблюдать их собственными глазами Луик не мог. Значит, переливы эти шли из сердца, из его внутренней вселенной, которая понемногу созревала, наполняясь новыми красками.

Он, как и его кузен, не преуспел в жизни. Полотна со скромной подписью «Луик Ноэль» никто не покупал. А они были чудо как хороши! Но известно ведь, что художника делает другое: умелый пиар или вовремя случившийся скандалчик, способность держать нос по ветру, связи, наконец, а вовсе не хорошие работы. Один из рисунков, застекленный набросок мелками, – красно-белая лодка и ее отражение в воде – согласился взять чиновник биржи труда для украшения своего кабинета. И то – в подарок. Но Луик не отчаивался. Он и не ведал, что это такое – отчаяние. Мир казался ему прекрасным, а люди в нем – искренними и чуткими. Он же не видел их лиц, не видел гримас презрения и злости и каждого встречал такой доверчивой улыбкой, что голоса невольно смягчались. А Луик мог судить о человеке только по голосу.

Он и представить себе не мог, как брезгливо кривятся губы его любимого кузена, когда тот смотрит ему через плечо на готовую картину. Нет, Свен, конечно, не завидовал – не было в нем благоговения перед талантом. Да и рисовать он не любил. Разве что географические карты, да и те – не рисовать, а раскрашивать. Но было во всем этом что-то неправильное. Какой-то вызов – ему, здравому смыслу, всему миру. Ладно, талант, воображение... но художник без глаз – это противоестественно, богомерзко. Хотя при чем тут Бог? И тут Свен, человек отнюдь не фанатично религиозный, пожимал плечами. Разве не Бог создал Луика слепым? То, что он рисует и пишет красками, и даже то, что разгуливает по городу без полосатой палочки и без трех черных на желтом фоне точек на рукаве, не бунт ли это против Всевышнего? Не уступка ли темным силам, которые когда-нибудь да потребуют с него плату за все эти вольности? Не то чтобы Свен тревожился о душе ближнего. Он и своей собственной не очень-то задумывался. Разве что как о чем-то отвлеченном, абстрактном, что, может быть, существует, а может, и нет. Просто, как любой нормальный человек, он испытывал здоровое отвращение ко всему, выходящему за пределы нормы. Во всяком случае, так он себе это объяснял.

Краузе мыл кисти и расставлял в определенном порядке баночки с красками и, вслух восторгаясь картинами, болезненно морщился, но речь его текла – сладкая, как мед. Он, как и раньше, готов был по первой же просьбе кинуться что-нибудь искать, убирать на место, складывать одежду в шкаф или разогревать обед. И Луик ни о чем не догадывался. Он, как в детстве, принимал доброту кузена за чистую монету. Подобно многим инвалидам, Ноэль не сумел повзрослеть и так по-настоящему и не узнал жизни. Он идеализировал себя и других.

Так и писал бы Луик Ноэль никому не нужные приливы и отливы, рассветы и закаты, если бы им снова не заинтересовались на телевидении. Там планировали снимать передачу о людях с необычными способностями, и слепой художник как нельзя лучше вписывался в сценарий.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Сначала он хотел отказаться, потому что не любил суету и плохо себя чувствовал в незнакомой обстановке. Но потом вспомнил, как сидел в студии на коленях у мамы, и по сердцу словно прошла теплая волна. Эльки к тому времени уже не было в живых, но детское воспоминание пахло теплом ее рук. Да и студия казалась не такой уж страшной.

Так что Луик подумал и согласился, спросил только, что ему нужно делать.

– Рисовать в прямом эфире, – ответили телевизионщики. – А мы будем снимать вас за работой. Возьмите с собой краски и все, что может понадобится. И тросточку захватите, и наденьте черные очки.

– Я хожу без очков и тросточки, – возразил он.

– Все равно. Для нас главное – образ. Трагедия и талант. Ведь как мыслит зритель? Стереотипами. Значит, все должно быть наглядно.

Конечно, серьезную картину за сорок минут не напишешь. Эскиз разве что или фрагмент эскиза. Как получится. Но Луик решил постараться и произвести хорошее впечатление. Ради мамы, и Свена, и далекого, оставшегося в Хонфлёре отца, и своих учителей. Ради всех, кто в него верил.

Он и сам не понимал, чем важна для него эта передача, но почему-то очень волновался. Все, что Луик хотел и надеялся донести до людей, это что он зрячий. Несправедливо и обидно, когда тебя считают слепым, а ты живешь посреди такой красоты.

Красоту – вот что он собирался им показать.

– Я напишу закат над Сенной, – поделился он с кузеном накануне съемки, – и Ла-Манш вдалеке. Золотой и туманный, как мед с молоком, так что не разберешь, вода там или облака, или все вместе. А Сена блестит, как медное зеркало. И Pont de Normandie на переднем плане, а вровень с ним – чайка. Мост слегка расплывчатый, а птица – четкая и темная на багровом фоне, и на крыле у нее сверкает солнце. Как ты думаешь, им понравится?

Свен пожал плечами.

– Почему бы и нет? Скучно только – закат, река, мост...

Им овладело почти непреодолимое желание сказать другу что-нибудь неприятное.

– А что же делать, – забеспокоился Луик, – чтобы не было скучно? Пожалуй, я напишу домик на берегу. Белый, с шиферной крышей и высокой трубой. Я видел его в другом месте, но это ведь не страшно. В искусстве можно фантазировать. И человека у крыльца поставлю... ну, например, женский силуэт с раскинутыми в сторону руками. Как бы летящий по ветру. Только в масштабе он получится маленьким.

– И зачем он тогда?

– Ты не поверишь, – оживился Луик, – чтобы уравновесить чайку. Крылатый силуэт в правом верхнем квадрате, и почти такой же – в левом нижнем...

– Ну, делай, как считаешь нужным, – покривился Свен.

Он уже ненавидел эту картину – еще не рожденную, но такую выпуклую и живую.

«Хоть бы у него ничего не получилось, – мелькнула стыдная мысль где-то на задворках сознания, но раздраженный Краузе не спешил прогнать ее. – Хоть бы у него от волнения руки дрожали или споткнулся, что ли...» – подумал Свен и нетерпеливо прошелся по комнате. Он представил себе Луика, как тот цепляется ногой за какой-то кабель и падает, роняя ящичек с красками. Все, конечно, кинутся ему помочь... вот только никто, кроме Свена, не знает, как правильно расставить баночки. Это их с Луиком система. И как же слепой кузен будет рисовать, если он понятия не имеет, где какой цвет?

Замечтавшись, он сам споткнулся и больно ударился коленом о стул. Баночки полетели на пол.

– Ой, черт! Прости. Я соберу.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Ничего страшного, – улыбнулся Луик. – Спасибо.

Вроде бы оттаяло что-то внутри от этого простого слова, и улыбка кузена выманила на его губы ответную улыбку. Но обуяла Свена какая-то неожиданная лень, а может быть, рассеянность. Он сгреб краски и вывалил их в ящичек – кое-как, без всякого порядка. Это всего лишь глупое шоу. Стоит ли из-за него хлопотать? Все равно передачи потом монтируют, даже те, которые якобы идут в прямом эфире. Так успокаивал он себя, потирая ладонями горячие щеки.

В студии Луику не понравилось. Не ощущалось теплой, расслабленной атмосферы, как на съемках того наполовину забытого ток-шоу из его детства. Наоборот, все было пропитано нервозностью, все куда-то бежали, говорили сердито и громко, кричали друг на друга и на растерянных, сбившихся в кучку героев передачи. К счастью, Луика быстро вывели из общей толпы и усадили на стул за полотняной ширмой. Он не видел направленных на него камер. Голоса гудели вдалеке – не очень внятно – и совсем не мешали. Так что можно было не обращать внимания на остальной балаган.

Он «огляделся» и почувствовал себя в безопасности. Ему принесли подрамник с натянутым на него холстом, кисти, мольберт, ящичек с красками... Ведущий бодро представил самодеятельного художника Луика Ноэля и попросил рассказать немного о себе. Луик молчал, потому что не знал, что ответить. Тогда ему стали задавать вопросы. Чем занимается, где учился, слеп ли он от рождения, откуда родом, где живет...

– В Хонфлёре, – не задумываясь, выпалил Луик, но запнулся, решив, что для людей в студии это ложь, и поправился. – То есть нет, в Саарбрюккене.

Привыкший всегда говорить правду, он покраснел от стыда. Тут что ни скажи, все будет враньем, хотя бы наполовину. Но как объяснить им, что в Саарбрюккене живет только его тело, а память и душа – в Хонфлёре?

– Как вы рисуете, если не можете видеть? – спросил ведущий.

– Сейчас покажу, – улыбнулся Луик. – Я ведь для этого здесь, правда?

Он углубился в работу. Закат... алый, золотой. Тон картины будет теплым. Для золотого цвета нужно взять десять частей желтой, три – оранжевой и одну часть красной краски. Рука потянулась к баночкам, на мгновение, только на мгновение беспомощно зависла, словно ощутив подвох, и выбрала нужные. От усердия Луик закусил язык и больше не цокал. Расстояния исчезли. Смазались формы, еще больше отдалились голоса, музыка, восклицания, чей-то смех. Осталось небо, словно облитое яркой оранжевой глазурью, рваный лоскут зелени, приютивший хрупкий домик, и белые перистые крылья моста. Высокие песчаные берега. Сена, текущая в туман.

Иногда к нему кто-нибудь приближался со спины и махал раскрытой ладонью перед глазами. Луик не обращал внимания. Он явился на передачу без темных очков, потому что терпеть не мог, когда что-то давит на лицо, и чувствовал себя виноватым.

А еще он очень торопился, чтобы успеть, не зная, дадут ли ему закончить картину после передачи. Оставить ее незавершенной, все равно что для женщины родить недоношенного, мертвого ребенка. Больно и тоскливо. Так он думал и, хоть и не знал на самом деле, что испытывают женщины, любил скороспелый эскиз мучительной, почти материнской любовью. Как и все свои картины.

К финалу съемок из-под кисти Луика выползло нечто странное и страшное. Даже не уродливое, а прекрасное какой-то жуткой, неестественной красотой. Ведь на месте алой краски оказалась зеленая, вместо желтой – черная, и вообще все перепуталось, все находилось не там, где надо.

«Закат над Хонфлёром» – такое скромное имя дал картине художник, но это был скорее закат на другой планете, в другом измерении, где угодно, только не в маленьком французском

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

городке. Черная лента реки, которую язык не повернулся бы назвать Сеной, блестящая и скользкая, как гадюка. Изумрудное зарево во весь небосклон – то ли северное сияние, то ли восход зеленой звезды. Кроваво-серые пески и крохотный железный человечек, вскинувший руки навстречу огромному крылатому ящеру, каким почему-то предстал в этом диком ландшафте Pont de Normandie. Луик испугался бы такого пейзажа. Хорошо, что он видел его золотым и теплым, самым обычным закатом в его родной Нормандии.

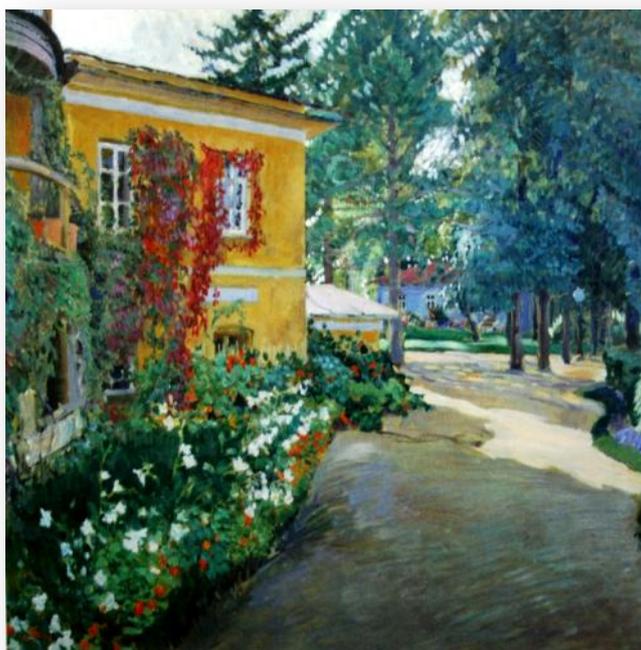
Передача, конечно, не шла в прямом эфире. Ее показали по немецко-французскому культурному каналу три недели спустя, и, не успела трансляция окончиться, как в студию позвонил некий коллекционер и заявил, что желает приобрести картину Луика Ноэля. Он предложил за нее неплохие деньги. Этим бы все и кончилось, но историей заинтересовался журналист из «Саарбрюккен Цайтунг».

«Слепой художник прозревает суть вещей», кричал газетный заголовок. «Молодой незрячий француз обнажил холодную сущность цивилизации, – говорилось в статье. – В его последней работе прошлое, аллегорически представленное ожившим скелетом динозавра, вступает в жестокую схватку с будущим...» Свен давился от смеха, читая подобную галиматью, но кузену о газетной публикации рассказывать не стал.

С тех пор дела у Луика пошли в гору. Его скромные пейзажики вдруг полюбились очень многим, а толстосумы заказывали модному художнику Ноэлю свои портреты. «Слепые видят сердцем, – отмахивались они от возражений Луика, – вы нарисуете наши души, а не лица, а это нам и нужно. Лица каждый способен изобразить. Уж если так приспичит, то можно и сфотографироваться».

Луик не хотел их огорчать и рисовал милых, симпатичных людей, потому что других он просто не успел разглядеть за короткое время своей «зрячей» жизни. «Так вот что я за человек на самом деле!» – удивлялся какой-нибудь толстосум, и, восхищенный портретом своей души, изо всех сил пытался ему соответствовать, и сам делался чуть-чуть добрее.

Так понемногу на Земле воцарялся чудесный, Луиком Ноэлем нарисованный мир.

С. А. Виноградов. В усадьбе. 1910 г. Холст, масло

ПРОЗА

Дмитрий Ворожцов
(Шадринск, Курганская обл.)

ФАЛЬШИВЫЙ АНГЕЛ

На крыше мрачного шестиэтажного дома, на самом краю, сидел парень лет двадцати четырех, свесив ноги с бетонного парапета. Заурядная внешность: среднее телосложение и неброские черты лица европейца. Правой рукой парень держался за поручни проржавевшего ограждения, а во второй сжимал телефон. На ребре ладони виднелась татуировка «U.S. Army». Взгляд незнакомца устремлялся вдаль, к горизонту, словно он старался там что-то рассмотреть, пронзив пространство. Отчаянного экстремала звали Марвин Луз. Так гласила надпись на бейджике, висящем на груди, на синей безрукавке «Волмарт», надетой поверх легкого джинсового костюма цвета индиго.

Марвин – обычный парень, каких сотни тысяч по всей стране. Типичный представитель среднего класса, для которого мечта о светлом будущем навсегда останется мечтой. За его плечами неоконченный второсортный колледж и служба в морской пехоте с последующей демобилизацией из-за тяжелого ранения в Ираке.

Он поднял голову. В его карих глазах отразилось нависающее над ним мертвенно-свинцовое небо без единого солнечного просвета. Словно поблизости опять проснулся огненный Сент-Хеленс³ и выплюнул из жерла тысячи тонн черного вулканического пепла. По унылой серости небес едва плелись облака. Парню казалось: еще чуть-чуть – они остановятся и рухнут на несчастный Сиэтл под грузом собственной тяжести. В их жутком чреве зарождались молнии, которые с треском и шипением вырывались на волю и тотчас разбивались о земную твердь. Сумасшедшие раскаты грома, извещавшие об их смерти, еще долго терзали слух Марвина, забивая уши нестерпимым грохотом. Воздух светился от электрических разрядов, опьяняя свежестью.

Внезапно налетел колючий, промораживающий до самых костей ветер и растрепал зализанную дождем прическу, оголив ужасный шрам на половину головы. Марвин поправил волосы и посмотрел вниз, где по сырому асфальту проносились редкие автомобили, поднимая фонтаны брызг из-под колес. Прохожих почти не осталось. Они попрятались, устав бороться с безумством стихии. Лишь длинноволосая блондинка в красном платье, трепещущем, как флаг, отчаянно сражалась с ураганным ветром под деревом на аллее, пытаясь сложить вывернувшийся наизнанку зонт. Она показалась ему знакомой, чем-то похожей на жену...

Но неведомая сила бушевала не только вокруг него. Внутри Марвина раскаленной магмой kloкотала ненависть. Безрассудная, неистребимая, свирепая... Она испепеляла разум дотла.

³ Активный стратовулкан, расположенный в округе Скамания штата Вашингтон, США, в 154 км к югу от Сиэтла и в 85 км от Портленда.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Раздирала в клочья грудную клетку. Заставляла бурлить кровь, отдаваясь в висках ударами молота о наковальню. Он с трудом сдерживался, чтобы не взорваться от ярости. Парню хотелось выть в полный голос от безысходности. Каждая клетка разгоряченной плоти взывала к мести. Его сжигала жажда уничтожения. Марвин ненавидел мир, в котором жил. Ненавидел себя. А в первую очередь ненавидел Кэролин... Нет! Даже не так... Он всем сердцем желал обхватить руками ее хрупкую шею, сжать пальцы и услышать божественный звук – хруст ломающихся позвонков.

«Эта сука предала меня! Гребаная стерва! – пронеслась, словно неукротимый торнадо, в его голове мысль. – Надругалась над моими чувствами!»

Марвин вспомнил сегодняшнее утро. Он проснулся в изумительном настроении. Нежно поцеловал спящую Кэролин в белоснежную щечку и без лишнего шума выбрался из-под одеяла. На работу парень не опаздывал – договорился за полсотни баксов с напарником, чтобы тот подменил. На сегодня у Марвина были другие планы – хотел приготовить сюрприз для любимой жены. В этот день, одиннадцатого августа, ровно три года назад они соединили свои сердца.

Парень умылся, оделся как на работу, чтобы не вызвать подозрений, позавтракал хлопьями с молоком и отправился по делам. Вначале мотнулся на своем красном «кадиллаке» в Чайна-таун и выкупил букет, который заказал для Кэролин еще в мае. Восхитительные цветы, срезанные полчаса назад. Все так, как он и просил, ровно сто одна красная роза метровой высоты. Там же парень приобрел целый пакет лепестков. Ими планировал украсить ванную и супружеское ложе для создания романтической атмосферы.

Затем Марвин добрался до супермаркета и прихватил со склада упаковку ароматических свечей с запахом роз. Не то чтобы у него не хватало фантазии на другое, просто Кэролин очень любила аромат этих цветов, а он не мог ей отказать в такой мелочи.

Следующий шаг – Даунтаун. Здесь парень забрал в итальянском ресторане ужин и прикупил на вечер бутылочку десятилетнего вина «Шардоне Карнерос» из долины Напа. Кэролин как-то заикнулась, что хотела бы его попробовать. Оставалась малость – выбрать в подарок золотые сережки с изумрудами. Марвин без тени сомнений отдал за них целое состояние в «Турджен-Рейн» на Пятой авеню. Они стоили дороже, чем его древний «кадиллак», доставшийся от отца.

Счастливый и довольный, Марвин вернулся домой в пригород Сиэтла и открыл дверь... На журнальном столике в гостиной увидел откупоренную бутылку и два наполненных красным вином бокала. Сначала просто удивился тому, что супруга дома, но потом на несколько секунд впал в ступор. До него дошло, что изумляться стоило вовсе не этому. Марвина бросило в жар, сердце отчаянно заколотилось в предчувствии чего-то неприятного. Парень сделал несколько шагов и остолбенел. В проеме кухни разглядел силуэты. Его ненаглядная богиня повисла на незнакомом мужчине в парадной форме морского пехотинца, обхватив обеими руками шею. Кэролин подняла голову и начала целовать ухмыляющееся лицо военного. Щеки, губы...

Пространство вокруг поплыло. Марвин потерял равновесие и ухватился за дверную ручку, пытаясь смять ее, как бумажную салфетку. Яд злобы растекался по жилам, душа разлеталась в клочья, в мыслях творился хаос. Сердце замерло. Он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Шокирующая правда ударила по голове, словно обухом.

В глубине души он, конечно, подозревал, что Кэролин ему изменяла... Марвин не мог не ревновать по естественным причинам. Его жена была первой красавицей в школе, отличницей, звездой чирлидеров футбольной команды «Стальные титаны». Голубоглазая блондинка. Марвину неслыханно повезло, что она выбрала его... К своему стыду, в первые месяцы семейной жизни он регулярно проверял ее страничку в «Фейсбуке» и тайком читал сообщения

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

в айфоне, но никогда не находил ничего подозрительного. К тому же она с такой искренностью уверяла его в своей любви день за днем. Кэролин усыпила его бдительность, а Марвин повелся. Достаточно было один-единственный раз вернуться пораньше, и все рассыпалось как карточный домик.

Вначале он винил не жену... Себя... Считал, что недостаточно сильно любил Кэролин. Уделял мало времени, постоянно мотаясь по подработкам, хоть и делал это ради того, чтобы сделать ее счастливой. Но чем больше Марвин себя накручивал, тем чаще появлялась мысль о том, что виновата во всем «подлая неблагодарная шлюха». Так он теперь ее называл. Она беззастенчиво лгала ему прямо в глаза...

Марвин уже не мог контролировать злость, вернее даже ненависть. Он желал одного... Убежать до того, как превратится в зверя, не ведающего ни жалости, ни сострадания, ни угрызений совести. В того, кто не способен прощать. В того, кто оторвет головы обоим голубкам голыми руками. Марвин не хотел очнуться у холодного трупа Кэролин. Ведь он по-прежнему ее любил. Но больше всего не желал нарушать клятву, которую дал себе в госпитале после войны: никогда не причинять страданий живому существу...

Он сам не помнил, как оказался в машине. Марвин мчался по автостраде куда глаза глядят, совершенно не контролируя скорость и не соблюдая элементарных правил безопасности. Вскоре добрался до Сиэтла и остановился у первого приглянувшегося здания достаточной для задуманного высоты. Сбавил все подарки для «любимой супруги» смердящему бездомному. Тот шатался неподалеку, ковырялся в мусорных баках в подворотне. Ключи от машины Марвин тоже вручил бродяге, а сам полез по пожарной лестнице вверх. В ту минуту он мечтал лишь об одном – сдохнуть... Так же, как и его отец, который не смог забыть и простить измену любимой супруги, – прыгнул с крыши...

«Ничего... Осталось немного, – подумал Марвин, вынырнув из болота отвратительных воспоминаний. – Отпустить руку, оттолкнуться – и через полторы секунды на тротуаре будет кровавое месиво. Неподвижное, безмолвное и равнодушное ко всему. Пусть эта шлюха будет довольна, больше я не буду ей мешать! А вдруг я выживу? – закралась в его голову сомнения. – Останусь никчемным калеккой? Или гадящим под себя овощем? Может, все-таки стоит забраться повыше? В Сиэтле предостаточно других зданий, прыгнув с которых, я умер бы без мучений».

Обведя взглядом возвышающиеся над ним черные глыбы из стекла и бетона, он твердо решил остаться на месте.

«Нет! Я же неудачник, по-другому быть не может. Я обязательно разможжу череп о тротуарную плитку, и он разлетится на куски, как переспелый арбуз. У меня нет шансов...» – убедил себя Марвин, представив в деталях жуткое зрелище.

На самом деле мотивы крылись глубже – парень до жути боялся высоты, с самого детства. Сидеть здесь для него уже было запредельным подвигом. И лишь по этой причине Марвин все еще не сиганул вниз...

Где-то совсем близко послышался надрывный кашель. Парень от неожиданности дернулся и еще сильнее прижался к ограждению.

– Ну, ты все? Повспоминал плохое? Давай, прыгай! – раздался хриплый мужской голос, и в нос Марвина ударила ядреная смесь запахов: чеснока, табачного дыма и алкоголя. Не то чтобы перегара, еще свежака.

Марвин медленно повернул голову вправо, расширил глаза и закричал, заикаясь:

– Кто... Кто ты, мать т-т-вою, т-т-такой?!

В полуметре от парня на парапете сидел афроамериканец лет сорока. Худощавое болезненное лицо, приплюснутый мясистый нос, впалые глаза, свисающие на плечи ухоженные

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

дреды. Брючины и рукава белоснежного костюма закатаны до половины. Ворот белой рубашки расстегнут на две пуговицы. Развязанный галстук лимонного цвета закинут на плечо, на ногах ни обуви, ни носков. В руках мужчина держал каменные четки с серебряным крестом. Незнакомец пристально смотрел на Марвина и ехидно улыбался.

– А тебе какая разница? Ты же прыгать собрался. Зачем мертвяку эта информация?

– Мне есть разница, черт тебя дери! Говори, я сказал! – выругался парень, угрожая чернокожему телефоном, словно лезвием кинжала.

– Ладно тебе... Не закипай, – спокойно произнес незнакомец. – Я... М-м-м... Я твой ангел-хранитель. Называй меня Гавриил. Не слишком пафосно?

– Какой на хрен ангел? Ты же долбаный нигер!

– Я афроамериканец, – без злобы поправил мужчина. – Снежок, ты думаешь, что у белых не может быть чернокожего ангела-хранителя? На небесах нет расизма. Перед Богом все равны.

– Да откуда я знаю, что может быть, а что нет... – в растерянности пробурчал парень. – Я никогда не видел ангела. Но я точно знаю, что они не бухают и от них не разит, как от пропойцы.

– Кто вам всем навязал эти стереотипы? – протянул собеседник. – Еще как бухают! Литрами заливают. И курят... Только ничего при этом не испытывают. Такая роскошь доступна только живым...

– Зачем тогда пьют, если не испытывают при этом ничего?

– Наверное, ностальгия по лучшим временам...

– Идиотизмом пахнет... Хотя пофиг! Где тогда крылья, мать твою? Я их не вижу, – не унимался Марвин, хотя выглядеть он стал намного спокойней, словно начал верить мужчине.

– Марвин, ты же не так глуп, как хочешь казаться. Ответь сам на свой вопрос.

– Они невидимые?..

– Молодец! Стоило постараться – и все получилось, – прохрипел ангел. Гавриил достал пачку «Лаки страйк», прикурил от зажигалки сигарету, глубоко затянулся и тут же несколько раз кашлянул. Затем повернулся к Марвину и заговорил:

– Раз уж мы разобрались, кто я... Давай, прыгай! Сколько можно ждать?

– А разве ты не должен меня отговаривать? – округляя глаза, откликнулся парень.

– Я? Должен? – переспросил ангел и жутко рассмеялся. Через пару секунд подавил смех и, не скрывая отвращения, процедил: – Да плевать я на тебя хотел! Мне глубоко нас...ть на твою тупую жизнь. Знаешь, сколько у меня таких, как ты? Даже не догадываешься! Сегодня у Гавриила нет настроения никого спасать... Нет для этого никаких мотивов. Депрессия, черт подери!

– Ты не можешь так говорить...

– Я все могу! – повышая голос, перебил Гавриил. – Я на хорошем счету... Ну, подпортишь ты мне немного статистику. Будет у меня коэффициент выживших не восемь и одна десятая, а восемь и ноль девяносто девять в периоде. Что-то изменится? Я буду плохо спать и терзаться? Премии не дадут? Да нас...ть мне... Прыгай!

– Ты даже не хочешь узнать, почему я здесь?

– Марвин, я все о тебе знаю. Ты же неудачник. Колледж бросил. Из армии списали по непригодности. Шесть дней в неделю ходишь на работу, которую ненавидишь. Продолжать? Мы же с тобой команда! Я всю жизнь провел рядом.

– А почему ты не помог мне в Ираке? – покраснев от злости, прорычал Марвин.

– Помог... – тяжело вздохнув, проронил Гавриил. – Я всегда помогаю. Иначе мы бы сейчас здесь не сидели.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– А почему...

– Хватит, Марвин! Я все знаю, – выделяя каждое слово, отчеканил он, – ты застучал сегодня жену с любовником. Кстати, красивая, бестия. Я б с такой барышней не отказался развлечься, – заглянув в телефон парня, договорил мужчина. На заставке мило улыбалась голубоглазая Кэролин. Марвин взорвался от ярости и замахнулся на ангела. Рука остановилась всего в пяти сантиметрах от лица афроамериканца.

– Успокойся! Я же образно. Ангелы бесполое существа. Насчет гениталий – чистая правда. Я там как манекен с витрины.

– Стерва! Эта сука предала меня! – закричал парень, но вдруг замер. Марвин скорчил гримасу, его нижняя губа затряслась, и он зарыдал горячими слезами. Гнусавая речь теперь с трудом пробивалась через запруды слюней и соплей: – В такой день... Тварь... Я же готовил ей сюрприз... А она... Прямо на кухне. Висела на его шее. Целовала в губы. Я же все для нее. Луну с неба достать, горы свернуть. Пожалуйста, возьми! Попросит отрубить мизинец... Отх...чу по самый локоть. Все для нее... Лишь бы ненаглядная Кэролин была счастлива. Жил ради нее. Жертвовал всем. Я любил ее больше жизни! – Марвин истерично рассмеялся и затянул дальше: – Придурок! Какой же я дебил! Влюбленный баран. Ничего не замечал.

– Притормози, Марвин! Ты меня заинтриговал, – вмешался Гавриил, растягивая улыбку. – Ты застучал Кэролин, когда она трахалась на кухне у вас дома?

– Нет... – всхлипывая, выдавил Марвин в ответ. – Они целовались...

– Просто целовались?

– Не просто, мать твою! Она *меня* так не целовала...

– Ну и какую сказку эта шлюха тебе рассказала? Поди, наплела о том, что это ее пропавший без вести родственник? – не скрывая издевки, расспрашивал ангел. – А ты... Что ты сделал?

Парень замер, не обращая внимания на происходящее вокруг. Слова ангела теперь ломались наружу через черепную коробку Марвина. Ему казалось, еще чуть-чуть – и им это удастся, а он рухнет замертво.

«Без вести... Без вести...»

Послышался отвратительный шум. В голове Марвина звенело, как в колоколе. Одна из молний ударила совсем рядом, попав в антенну сотовой связи на крыше. Парня накрыл с головой сноп искр, ярких до слепоты и обжигающих, как адское пламя. А еще его потряхивало, как при землетрясении. Мысли съезжились от ужаса. Видения закрутились в безумном водовороте и вскоре с причмоком растворились в сливе разума без следа. Марвин вынырнул из печальных иллюзий в реальность...

Галлюцинации преследовали его с госпиталя, проявляясь во время эмоциональных потрясений. Дело в том, что в голове парня застрял осколок фугаса, который врачи не смогли достать. При повышении внутричерепного давления он на что-то там давил или перекрывал – Марвин точно не знал.

Перед глазами летнее небо, такое же, как всегда – обычное. На самом деле стихия осталась равнодушна к его терзаниям, наплевав на все, что творилось у Марвина в мозгу. Ни спецэффектов, ни апокалиптической картины светопреставления... Беспощадное солнце стояло в зените, пробиваясь лучами сквозь смог. В воздухе витал смрад выхлопных газов и жженой резины. Размеренно гудел город. Даже ненависть понемногу затихала, потеряв подпитку от фантазий. Она перевоплощалась в нечто другое. Недоумение, грусть, раскаянье...

Без изменений осталось одно – Марвин по-прежнему сидел на крыше, свесив ноги с парапета. Как и ангел, который тоже никуда не исчез.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Парень прокручивал в голове прошлое. Четвертое июля. День независимости. Вокруг взрывы умопомрачительного фейерверка. Марвин только что вернулся и узнал от друзей, что его детская любовь тоже здесь, в толпе. Он чудом нашел Кэролин возле Монумента Вашингтона, среди десятков тысяч людей. Девушка дождалась его из армии. Марвин не раздумывая протянул ей обручальное кольцо, которое купил еще до войны. Кэролин ответила: «Да»... Только в глазах ее стояли слезы, и парень чувствовал, что это не от счастья...

«Сегодня пришло письмо. Брат пропал без вести во время операции “Буря в пустыне”... – выдавила Кэролин и тотчас припала к плечу Марвина, больше не сдерживаясь. – Прости... Я не могу улыбаться...»

– Я пойду?.. – спросил ошарашенный собственными мыслями Марвин. – Хочу сам во всем разобраться.

– Иди... Это ведь твоя игра, твои правила, твой выбор. Я никак не могу повлиять, – с печальной улыбкой произнес Гавриил.

Марвин вскочил. Даже не попрощавшись, перепрыгнул через ограждения парапета и побежал к люку на крыше. Вскоре он уже несся по лестнице вниз, и с каждым шагом, приближающим к земле, у него становилось все радостнее на душе...

Афроамериканец посидел еще несколько минут в тишине. Прикурил новую сигарету, опять закашлялся и сплюнул на бетон кровавую слюну. Сегодня ему поставили диагноз – четвертая стадия рака легких. Жить ему оставалось не больше трех дней. А ведь до этого дня он даже не имел вредных привычек.

Он устремил взгляд вдаль и заговорил:

– Наконец-то я спровадил этого неудачника. Теперь мне никто не будет мешать. Жизнь все-таки странная штука... В первый раз за всю свою практику, назло всему, я хотел довести человека до самоубийства, а не отговорить. Но не справился... Не понимаю. Я же интуитивно вычислил все его проблемы. Зацепил... Осталось подсечь. Но нет же... Черт! Пятнадцать лет психоаналитиком псу под хвост. Скажи мне, Господи... почему? Почему спасаешь тех, кто не ценит ни тебя, ни собственную жизнь? Я же исправно каждую неделю ходил в церковь... Почему ты вышвырнул меня, как отработанный материал? Мы же были командой... Я спасал для тебя их никчемные жизни... А ты... Больше не могу. Устал... Устал искать причины для того, чтобы прожить еще хоть час... Прощай, не свидимся...

Фальшивый ангел с трудом поднялся на ноги и выпрямился. С улыбкой посмотрел в аквамариновые небеса и шагнул вперед.

С. А. Виноградов. Летний день. 1917. Холст, масло

ПРОЗА

Константин Прохоров

(Омск)

ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись... пошел и удавился.
(Мф. 27.3-5)

1

Благородный Иосиф Каиафа, первосвященник иудейский, зять влиятельного главы иерусалимского духовенства Анны, неспешно завершил утреннюю молитву. Затем он меланхолично посмотрел на терпеливо ожидавшего его в столь ранний час бедно одетого молодого человека. Тот выглядел взволнованным и был в явном затруднении, с чего начать речь.

– Как тебя зовут? – откинувшись на высоком седалище, с мягкой улыбкой спросил Каиафа, памятуя о своем пастырском долге внимать нуждам простого народа.

– Иуда.

– Вот как? И кто дал тебе столь редкое имя?

Почувствовав добрую иронию в словах первосвященника, гость начал успокаиваться, строгие черты его лица смягчились, и он сказал:

– Сегодня каждого второго на городском рынке именуют Иудой, но у нас в Кериоте в дни молодости моих благочестивых родителей такое имя отнюдь не было обыкновенным.

– Так ты из провинции? – продолжил Каиафа.

– Да, но в Иерусалиме бываю довольно часто.

– И что влечет тебя в столь суетное место?

– Как раз об этом я и хотел поговорить, учитель.

– Надеюсь, ты не станешь меня обременять вашими сельскими жалобами и тяжбами? – поморщился первосвященник.

– Ни в коем случае, господин! Как я и сказал охране, цель моего визита имеет важное государственное значение...

– К чему высокие слова? – продолжал беззлобно подтрунивать над гостем Каиафа, слабо веря, что сможет услышать нечто достойное внимания. – С каким удовольствием, мой друг, я поменялся бы с тобой местами на неделю-другую, уехал в никому неведомый Кериот и наслаждался там неиспорченной сельской жизнью: питался бы здоровой пищей, сонно любовался на местных красавиц, бил мух, вместе со всеми ужасался слухам о столичных ценах да всласть сплетничал о соседях... Ты уверен, что тебе непременно нужно менять эту идиллию на иерусалимскую жизнь? Не боишься вторгаться в сферу политики? Здесь многое для тебя

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

будет в новинку. К тому же все это небезопасно: один неверный шаг – и ты на славной встрече с праотцами...

– Я все обдумал, учитель. Я желаю помочь тебе и святейшему Синедриону!

– Помочь мне? О скромный юноша...

Иуда вновь начал нервничать и, не зная как пробить эту стену иронии и равнодушия, почти прокричал:

– Я близкий друг и ученик Иисуса из Назарета!

Каиафа на мгновение замер, в его глазах вспыхнуло любопытство, но затем голос первосвященника зазвучал на прежней покровительственной ноте:

– Так ты, выходит, государственный преступник, возможно, беглый раб, скрывающийся от хозяев и живущий не в ладах с нашим древним законом?

– Я хочу покаяться, учитель...

– Желание твое, несомненно, доброе, но почему ты избрал для исповеди скромного первосвященника, а не какого-нибудь мающегося от безделья знаменитого раввина, которыми так и кишит сей город? – Каиафа произнес эти слова с едва различимой усмешкой.

– Я хочу не просто покаяться, что ходил с Иисусом, а помочь вам взять Его под стражу! – без тени улыбки взволнованно проговорил Иуда.

Первосвященник с возросшим вниманием всматривался в утреннего посетителя, на первый взгляд обыкновенного простолюдина, буквально на глазах, однако, превращающегося во все более привлекательного и ценного собеседника.

– И чем так насолил тебе Галилеянин, что ты настроен столь решительно?

– Это долгая история, господин... Быть может, ограничимся сказанным, и ты мне просто дашь отряд испытанных воинов? Впрочем, если у тебя есть свободное время, я могу пояснить, что привело меня к такому решению...

– Свободного времени у человека в моем положении не бывает много, к тому же охотничий инстинкт в известных обстоятельствах побуждает действовать незамедлительно, но если Иисус не знает, где ты теперь находишься, и не хватится тебя в течение ближайшего часа, я предпочел бы, пожалуй, прежде выслушать объяснения. Махать мечом для духовного лица – дело последнее...

– В общих чертах я знаю планы Иисуса: Он отнюдь не собирается покидать Иерусалим в ближайшие дни. Напротив, Он всячески стремился сюда на праздники.

– Вот и прекрасно. Расскажи мне тогда, любезный Иуда, что тяготит твое сердце, и мы вместе помолимся Богу отцов наших Авраама, Исаака и Иакова, чтобы Он успокоил и укрепил тебя.

Иуда с благодарностью взглянул на Каиафу, чей ободряющий взгляд вкупе с тронутыми сединой волосами мимолетно напомнили ему отца.

– Вот уже три года минуло, учитель, как я хожу с Иисусом...

– Да, вина твоя тяжела, но нет пределов милосердию Господнему по отношению к тем, кто искренне желает исправиться!

– Все началось с того, что я полюбил девушку по имени Кассия, она была нежна и прекрасна, как тонкорунная овечка из лучшего стада моего отца...

В словах Иуды прозвучала ностальгическая грусть и недвусмысленный намек на то, что не всегда платье бедняка покрывало его плечи. Каиафа мгновенно это про себя отметил, вслух же с улыбкой сказал:

– Не сомневаюсь, что у вас была самая романтическая любовная история на свете, но не лучше ли сразу перейти к сути дела?

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Первосвященник опасался, что Иуда, как это свойственно пылким молодым людям, вот-вот примется подробно описывать бесчисленные достоинства своей возлюбленной.

– О, не беспокойся, господин, я ни на шаг не отклонюсь от главной темы! Итак, моя Кассия была нежна и прекрасна, и когда я открыл ей свое сердце, то она, залившись румянцем, тоже призналась, что давно тайно любит меня...

Каиафа вновь нервно заерзал на своем месте.

– ...И вот тогда-то она мне и сказала, что знает некоего замечательного равви, Иисуса из Назарета, и хочет меня с Ним познакомить...

Тут первосвященник одобрительно закивал головой, подтверждая, что Иуда, наконец, нащупал нужную нить повествования, достойную слушания столь высокопоставленным лицом.

– В наших краях трудно кого-либо удивить чудотворцами или странствующими учителями закона. Едва ли не каждую неделю кто-нибудь из них навещает нас мимоходом, по пути к древним святыням, и напоминает заблудшим овцам о Вседержителе (да будет имя Его благословенно!) Вот только после тех памятных визитов кошельки наши становятся плоскими, как пасхальные опресноки... Уж не знаю почему, но все эти святые люди необыкновенно красноречиво умеют касаться темы вспомоществования ближнему, так что их бывает совестно обидеть, и всякий раз они не преминут ужаснуть сердца простодушных словами о том, что Всевышний зрит с высоты и все видит, включая, разумеется, количество монет в потертых поясах слушателей...

– Золотые слова, дражайший Иуда! Эти бродячие проповедники – постоянная головная боль для Синедриона. Но, пожалуйста, продолжай!

– Я сначала отказался пойти вместе с Кассией, чтобы взглянуть на Иисуса из Назарета. Но она настаивала. А ты ведь знаешь, учитель, как бывает непросто перечить возлюбленной, если она что-либо уже вбила в свою очаровательную головку. По закону они, конечно, должны нам повиноваться, но в жизни почему-то выходит не все так просто...

Каиафа с трудом поборол охвативший его смех, улыбнулся каким-то собственным мыслям, вслух же сдержанно сказал:

– О да, Иуда, я тебя понимаю...

– Итак, в конце концов, я уступил нежному давлению и нехотя поплелся вслед за Кассией в соседнее селение. При этом я благоразумно оставил дома все сбережения и дал себе обещание на сей раз не доверять ничьим витиеватым словам. Однако, как только я увидел и услышал Иисуса, – ты веришь, господин?! – я плакал и смеялся, с наслаждением, как иссушенная зноем земля, впитывал драгоценную влагу Его поучений и притч... За удивительное чувство, пережитое мною тогда, я был бы рад пожертвовать половину имения, но Иисус не взял с нас ни единого кодранта, лишь от какой-то крестьянки с благодарностью принял кувшин козьего молока да несколько лепешек для Себя и учеников...

– Гм, – недоуменно хмыкнул Каиафа, – ты описываешь Галилеянина с такой любовью, как будто это не ты мне только что предлагал помощь в Его аресте.

– Ты тоже Его полюбишь, учитель, если дослушаешь мой рассказ до конца!

– Да, но как это вяжется с необходимостью Его ареста?

– Арестовать Его нужно непременно...

– Ну что же, с логикой эллина Аристотеля, друг Иуда, ты, похоже, не знаком, – рассмеялся первосвященник, – но в любом случае ты меня заинтриговал...

– Я продолжаю, учитель?

– Скажи, каким образом ты стал учеником Иисуса?

– В тот же день, когда я Его впервые увидел, Иисус неожиданно протянул мне руку и, глубоко заглянув в глаза, серьезно спросил, хочу ли я тоже последовать за Ним, как это уже

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

сделали некоторые ищущие Царства Божьего люди... Кассия вскрикнула от радости, не понимая еще той цены, какую мне придется заплатить за подобного рода ученичество. Я же мгновенно представил своих родителей и братьев, наше дело и имущество в Кериоте, возможный скорый брак с Кассией и... согласился.

– Но почему, Иуда? – изумился первосвященник. – Может быть, Галилеянин околдовал тебя Своими чарами и ты просто не был властен отказать Ему?

– Такое трудно объяснить. Какие-то «чары», несомненно, были, однако я не ощущал себя лишенным выбора. Решающим мотивом последовать за Учителем стал, думаю, мой врожденный патриотизм. Иисус с самого начала воспринимался некоторыми мужами как предсказанный нашими древними пророками Мессия. К тому же Он развивал идею нового братства верующих в Бога и мне подумалось, что в Царстве Иисуса – с Его-то силой и чудесами! – не будет уже места ненавистным римлянам...

– О неосторожный юноша! – спохватился Каиафа, не сразу уловивший направление мыслей Иуды. – Ты разве не знаешь, что в Иерусалиме и у стен есть римские уши? Мы почитаем цезаря Тиберия и его наместника Пилата, и нам не нужны осложнения с империей. В этом смысле Синедрион как раз и усматривает большую опасность, исходящую от Иисуса из Назарета, Который безответственно относится к существующей в Иудее власти. Уж не знаем, как сей самозванец творит Свои чудеса, но немалое число простого люда доверяет Ему, бежит за Ним толпами, нарушая общественный порядок. Это легко может спровоцировать столкновение с воинами Пилата и привести к гибели тысяч безоружных наших братьев. А потому следует принять решительные меры.

– К точно такому же выводу пришел и я, господин!

– Это похвально, дорогой Иуда, твои слова свидетельствуют о государственном складе ума. Думаю, Синедрион примет во внимание данное обстоятельство, когда встанет вопрос о твоей награде...

– Хоть я и беден ныне – вся семья от меня отвернулась, как только я ушел из дому, последовав за Иисусом, – однако я не помышляю об иной награде, кроме благоденствия славного моего Отечества!

– Ну хорошо, Иуда, – прервал гостя Каиафа, – здравый смысл требует все же, чтобы мы выставили наблюдение за местом, где прячется теперь Галилеянин. Ты сейчас переоденешься – так, чтобы надежно скрыть лицо, – и укажешь страже дорогу. Мы арестуем Галилеянина ночью, чтобы не привлекать внимания черни...

2

Дело было сделано. К Голгофе неудержимо стекались жители Иерусалима. Оглядевшись по сторонам, Иуда нашел себе подходящее место. Это был холм, поросший редким кустарником, в некотором отдалении от Голгофы. Всем хотелось быть поближе к месту казни, поэтому высота, на которую с трудом взобрался бывший ученик Иисуса, оказалась совершенно безлюдной. Искарот обладал хорошим зрением и, хотя ему практически ничего не было слышно из того, что говорилось у Голгофы (его слуха достигал лишь отдаленный гул), он прекрасно видел всю панораму событий.

Солнце стояло уже высоко. В небесной синеве нельзя было различить ни единого облака. Огромная серая толпа, словно взволнованное море, плескалась и охватывала Лобное место со всех сторон. Но вот красные плащи римских воинов бесстрашно прорезали ее, выталкивая вперед, на высокий каменистый берег, ослабевшего Иисуса. Иуда возбужденно наблюдал за происходящим. «Давай же, Учитель! – то выкрикивал, то страстно шептал Искарот. – Вот,

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

наконец, пришло время Твоей настоящей славы! Сейчас, сию минуту, и не по деревням где-то, а для всей столицы разом, Ты можешь явить Свою великую небесную силу... Еще только одно маленькое чудо, и Ты – признанный всеми Мессия и Царь иудейский... Давай же, не медли, уже пора! От этого теперь зависит не только Твоя жизнь, но и моя...»

Однако Иисус медлил. Он не оказал сопротивления, когда с Него сорвали хитон и обнажили израненное римскими бичами Тело. Он бездействовал и когда безжалостные острые гвозди поочередно пронзили Ему руки и ноги. Ничего Он не совершил и когда солдаты у подножия креста, глумясь, показывали на Него пальцами и бросали жребий об одежде... Иисус, вместе с двумя неизвестными Искарриоту преступниками, был вознесен высоко над толпой. Так прошла бесконечная четверть часа.

«Все кончено, – в отчаянии прошептал Иуда, – значит, Он не сойдет с креста... Если бы Учитель собирался это сделать, то не мешкал так долго: народ уже начинает расходиться, у всех свои дела, – время для чуда безвозвратно упущено!» Бывший ученик разрыдался...

Затем сквозь слезы Искарриот увидел неподалеку от креста группу скорбящих друзей Иисуса: Мать Его, апостолов во главе с Иоанном, молодых учениц, среди которых с бьющимся сердцем различил и Кассию. Иуде вдруг вспомнились слова любимой, что человеку никогда не поздно вымолить у Господа себе прощение... Вот эта возможность открывается теперь: толпа редет, Учитель на кресте еще жив... Искарриот сделал шаг вперед и восторженно воскликнул: «Учитель мой, я иду к Тебе!»

– Далеко ли собрался? – в тот же момент Иуда услышал позади себя чей-то властный и насмешливый голос.

Искарриот в страхе оглянулся. В нескольких шагах от него на камне сидел одетый в богатую иудейскую одежду средних лет человек с темным от загара лицом и короткими, слегка вьющимися волосами.

– Кто ты, господин? – громко спросил Иуда, стараясь побороть постыдный страх, почему-то все сильнее охватывавший его.

– Нам с тобой пора познакомиться поближе, – незнакомец поднялся на ноги и раскрыл объятия для Иуды, – я брат твой по вере и по несчастью, подобно тебе не поладивший с этим упрямым, мучающимся на кресте и все равно не согласным оставить его...

– Ты тоже был учеником Иисуса? Но почему тогда я тебя не знаю? – недоверчиво спросил Искарриот, не решаясь обнять незнакомца.

– О мой милый, – рассмеялся тот, обаятельно улыбаясь и не настаивая на традиционном приветствии, – ты еще не знаешь многих из наших...

– Вот как? Когда же вы ходили за Учителем, еще прежде, чем за Ним пошли мы с Кассией? – недоуменно поинтересовался Искарриот.

– Много-много раньше, друг Иуда, – лицо таинственного незнакомца вдруг сделалось мечтательно-задумчивым, – это было задолго до вашего рождения, причем я имею в виду не только вас с Кассией, но и людей вообще, всех, когда-либо промелькнувших по этой равнодушной к чужой боли земле... Прежде появления на свет старины Адама и сотворения мироздания...

– Так ты – Ангел? – изумился Искарриот.

– Можно сказать и так, – согласился незнакомец, – только самый-самый старший из них...

Услышав эти слова, Иуда тут же пал на землю, желая выразить свое почтение вышнему миру.

– Похвальная набожность, – спустя мгновение услышал он над собой насмешливый голос, – а как же заповедь Моисея: «Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи?»

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Но зачем ты тогда пришел ко мне? – смутился Искарот и, поднявшись с земли, отряхнул одежду и сел на большой камень.

– Чтобы укрепить тебя в мужественном решении сейчас же перейти в лучший мир! – лукавый опустился на камень рядом с Иудой.

– Отойди от меня, сатана! – прошептал Искарот, но не сдвинулся с места.

– Это неостроумно, милый юноша, мы уже давно с тобой обо всем договорились... – дьявол мягко обнял предателя за плечи. – Ты же веришь в загробную жизнь?

– Да, конечно! – Иуда с истовой религиозностью закивал головой.

– А как ты думаешь, справедливо ли, что миллионы душ, не по своей воле родившихся и живших до Иисуса, должны теперь навеки оставаться погибшими, потому лишь только, что не услышали – как вы ее там именуете? – *Благуя весть*... – последние слова лукавый произнес с подчеркнутой иронией.

– Так вот, значит, для чего умирает теперь Иисус?! – бывший ученик восхищенно посмотрел на своего зловещего собеседника.

– Ну конечно, – красноречиво продолжил сатана. – Он, милосердный, хочет попробовать спасти из преисподней кого-нибудь еще. А теперь представь, насколько чудно будет, когда первым его там с распростертыми объятиями встретишь именно ты!

– Я? Но почему это лучше, чем подойти к кресту прямо сейчас и повиниться, покаяться перед Ним в моем грехе?

– Фу, как примитивно! – сморщился лукавый. – А где твоя вера в загробную жизнь и воскресение мертвых? Каждый крестьянин кается *здесь*, почесываясь и зевая. Для этого, заметь, вовсе не нужно никакой веры, достаточно лишь привычки бездумно молиться. А вот чтобы поспешить на встречу со своим Господом туда, нужна истинная вера, которая, как известно, движет горами...

– Хорошо, но как быть с Кассией, ведь мы с ней хотели пожениться? – с болью в голосе спросил Искарот.

– И ты думаешь, она достойна стать твоей женой? – сатана пренебрежительно скривил губы. – Разве это любовь, когда она холодно отвергла твой трогательный призыв пойти вместе с тобой к Каиафе... Во время вашего последнего разговора я попытался вложить в ее сознание умильные слова: «Лучше быть с любимым в аду, чем в раю без него»... Вот где была бы настоящая любовь! Уж я-то, поверь, знаю в этом толк. Сколько раз с восхищением я наблюдал, как влюбленный юноша вызывает на поединок своего лучшего друга, но счастливого соперника в амурных делах, пронзает ему грудь мечом, а потом мучается и рыдает, и тоже готов умереть, и все – из-за великой любви к прекрасной даме. И отважные девушки ведут себя не менее достойно: дабы отомстить ветреному юноше, глотают отравленное зелье и уходят в вечность из-за своей неразделенной любви... А что ответила твоя ледяная Кассия? Готова ли она была умереть за тебя? Она тут же начала мысленно молиться Богу, грубо отталкивая мою помощь, пугаясь того, чтобы хоть раз дать настоящий страстный ответ, исходящий из глубины женского сердца...

– Выходит, она меня не любит? – с грустью спросил Иуда.

– Совсем не любит, – с сочувствием в голосе и даже заблестевшими на глазах слезами нашептал лукавый. – Мне есть с кем сравнивать, ведь я повидал влюбленных по всей земле со времен Адама и Евы... Вот праотец Адам, тот действительно любил красавицу Еву. Так, что даже презрел Эдем, лишь бы только жить с нею вместе. Хотя вполне мог остаться в райском саду один, и, возможно, Бог даже дал бы ему за преданность другую жену, из оставшихся ребер сотворенную, однако Адаму другой не надо было, он любил свою Еву...

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Ты убедил меня, господин, я согласен умереть сейчас же! – с помутившимся рассудком вскричал Искарriot. – Как велишь это сделать?

– Вот это разговор настоящего мужчины! – рассмеялся сатана. – Невежды злословят обо мне, обвиняют в том, будто я кого-то заставляю совершать решительные поступки... Как грубо и нелепо! О нет, добровольцы в очередь у меня выстраиваются, и каждый из них – с превеликим воодушевлением... Так ты готов, друг Иуда?

– Да, господин!

– И никто не принуждает тебя к этому акту веры?

– Я чувствую себя свободным, это желание моего сердца: перейти в мир иной еще прежде Иисуса! – Искарriot вдруг действительно ощутил вожделение поскорее сбросить с себя невыносимый груз всех последних неудач и разочарований...

Никакого оружия или яда у него с собой не было, однако в двух шагах находился обрыв, не слишком глубокий, впрочем, но усыпанный внизу острыми камнями. Бывший ученик с тревогой поглядывал туда, думая, что ему сейчас предстоит прыгать...

– Сними свой пояс, Иуда, – тихо и как бы даже доброжелательно сказал дьявол.

Искарriot недоуменно подчинился: во всей округе не было ни единого дерева, на котором можно было использовать этот пояс.

– Обрати внимание на куст под твоими ногами, – продолжил лукавый, – он достаточно прочен, чтобы привязать к нему петлю...

– Да-да, я сейчас, как мне это самому в голову не пришло? – лихорадочно забормотал Искарriot и трясущимися руками стал привязывать пояс к пышному кусту, нависшему над обрывом.

Потом он всунул голову в наспех сделанную петлю, в последний раз взглянул на Голгофу, тяжело вздохнул и, зажмурив глаза, резко прыгнул вниз. Спустя минуту его жуткий собеседник презрительно посмотрел сверху на раскачивающееся над обрывом тело, затем перевел хмурый взгляд на крест, на котором умирал Иисус, и, ничего не сказав, растворился в воздухе...

«Христос умер за грехи наши... и воскрес в третий день, по Писанию» (1 Кор. 15.3-4).

С. А. Виноградов. Дама в интерьере

ПРОЗА

Наталья Новохатняя

(Молдова)

ПРОПАЖА

Лидия Петровна собиралась на работу. Она с усилием зачихнула свое большое тело в мышинового цвета костюм, старательно навела брови, оживила помадой блеклые губы и уже занялась было взлохмаченными сном прядями, как с досадой обнаружила, что куда-то задевалась щетка для волос. Это было тем более странно, что Лидия Петровна, не выносившая беспорядка, каждой вещи отводила строго определенное место. Так, щетка всегда лежала в первом ящике трюмо, но сегодня ее почему-то там не было.

Прошептав «черт, черт, поиграй да отдай», женщина пошла по квартире. Ее взгляд внимательно ощупывал столы, стулья, полки – в общем, все твердые и мягкие поверхности, на которые она, Лидия Петровна, могла бы ее, щетку, ненароком положить. Потом настала очередь шкафа, ящики которого были бегло осмотрены. Женщина даже заглянула под диван, где щетки не могло быть в принципе, но мало ли. Во мраке поддвинутого тоннеля перламутрово блеснула отскочившая от блузки и уже ненужная (клон был надежно пришит в тот же день) пуговица. Но только не щетка, той не было нигде.

Версию кражи Лидия Петровна отмела сразу. Последний раз она видела щетку накануне вечером. Посторонние в квартиру не заходили, правда, распространяя вокруг себя тяжелый запах, смесь перегара и немытого тела, наведаясь жэковский сантехник. Вытаращив осоловелые глаза, сантехник долго, озабоченно слушал трубы, чем напомнил Лидии Петровне участкового врача с его «дышите – не дышите». Зачем такому женская щетка, ему бы водочки. Так и не найдя пропажи, Лидия Петровна решила воспользоваться старой щеткой, которую все порывалась выбросить, да руки не доходили. С отвычки щетка показалась неудобной, в руку никак не укладывалась и волосы не расчесывала, только драла. Неудивительно, что, когда женщина выходила из квартиры, она в сердцах хлопнула дверь, хотя, если подумать, дверь была уж вовсе ни при чем.

На улице светило солнце, и прохожие, измученные чередой хмурых дней, благодарно улыбались ему в ответ. Но не Лидия Петровна. Та солнца не замечала, все думала о щетке. Вспоминала их первую встречу, как увидела ее, светло-бежевую, с торчащими деревянными зубьями, в заточении стеклянного прилавка. Были там и другие щетки для волос, но эта своими размерами превосходила все, и при взгляде на нее невольно возникала мысль то ли о Щелкунчике в ожидании своей Мари, но больше – о слоне в посудной лавке. Лидия Петровна, с самого детства везде выделявшаяся своей крупностью и очень этого стеснявшаяся, почувствовала в щетке родственную душу.

– Что желаете? – подскочила услужливая продавщица.

– Скажите, а вот эта щетка... – голос Лидии Петровны дрогнул. О чем спрашивать дальше, она не знала. Но спрашивать не пришлось. Продавщица, почуяв потенциальную покупательницу, вцепилась намертво. Точно опытный гипнотизер, глядя женщине прямо в

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

глаза, она произнесла прочувствованную речь, из которой стало ясно, что все счастье Лидии Петровны заключено именно в этой щетке. Да, по цене дороговато, но если не купить...

Лидия Петровна купила. Впрочем, щетка действительно оказалась хорошей. Женщине даже показалось, что волосы стали гуще и приобрели некоторый блеск. Хотя она могла себе это и придумать.

А теперь щетка пропала, и на душе у Лидии Петровны скребли громадные кошки.

Но о кошках вскоре пришлось забыть – к остановке, на которой женщина маялась в толпе, наконец подъехал троллейбус, и Лидия Петровна бросилась на штурм. И победила, втиснувшись в забитое до отказа троллейбусное нутро. Но любое действие, как известно, рождает противодействие, и Лидия Петровна моментально ощутила это на себе в виде тычков чьих-то острых локтей в бок, безжалостного топтания по ногам и даже не совсем цензурного бормотания в свою сторону. Потом троллейбус и вовсе выплюнул женщину, но на остановку позже, и на работу она безнадежно опоздала.

Раскрасневшаяся Лидия Петровна мчалась по бесконечным коридорам университета – именно там, в отделе бухгалтерии, она работала. Огибая пестрые стайки студентов, кивая смутно знакомым преподавателям (это с какой же кафедры, а, неважно), женщина молила лишь об одном: как бы не столкнуться нос к носу с начальством, вернее, с начальницей, суховатой немолодой дамой, которую по причинам совершенно необъяснимого свойства до дрожи боялась. И все-таки столкнулась, и стояла, и мямлила что-то невнятное, про троллейбус, про пропущенную остановку, потому что не про щетку же было рассказывать.

Казнить нельзя помиловать, читалось в ледяных глазах начальницы. Пока без запятой. Потом в воздухе что-то неуловимо изменилось, глаза оттаяли, и запятая скользнула на выбранное место. Нельзя, конечно, нельзя!

Лидия Петровна, спасенная, чудом избежавшая эшафота, но все еще чувствуя на себе его кровавое дыхание, бросилась прочь. Прямоком к неказистой, но такой родной двери с неброской табличкой «Бухгалтерия». К цветущей розовым цветом бегонии, к бубнящей о чем-то своем радиоточке, ладному серебристому компьютеру и, конечно, к цифрам, с которыми так легко и просто, совсем не то что с людьми.

Правда, в отделе вместе с Лидией Петровной работали еще две женщины, но это и не люди вовсе – парки. Именно так с легкой руки одного остряка-доцента прозвали трех сотрудниц бухгалтерии. Доцент потом куда-то сгинул, а прозвище прижилось. И опутывая цифрами всех без исключения, начиная с молодежавшего импозантного ректора и заканчивая распоследним шалопаем-студентом, Лидия Петровна испытывала странное волнение, точно и впрямь распоряжалась чужими судьбами.

Ах, как порхали по клавиатуре пальцы, как послушны были цифры, и почти позабылось про всех щелкунчиков, слонов и кошек на свете, как вдруг компьютер горестно вздохнул, мигнул на прощанье, и мир померк. То есть экран, то есть это одно и то же.

Все попытки реанимировать ни к чему не привели. Впрочем, оставалась надежда на местного компьютерного гения Сергея – тот с небрежностью, свойственной истинным гениям, вскроет компьютерные внутренности, покопается в них минуту-другую – и мир будет спасен. Но! Гений сейчас был в отделе кадров, а значит, во владениях прекрасной Васильевой, и это все усложняло.

– Через пять минут, – совершенно искренне пообещал Сергей в ответ на телефонную просьбу Лидии Петровны, чтобы тут же о своем обещании забыть. Ничего странного: все мужчины, попавшие в поле притяжения Васильевой (и гении в том числе), теряли не только голову, но – что гораздо хуже – ощущение времени.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Сирена, натуральная сирена. Правда, университетские дамы, злобно проталкивая сквозь зубы все ту же свистящую первую букву, произносили совсем другое слово, неприятное, грубое, впрочем, вполне безобидное в отношении собак женского пола.

Да, похоже, гения придется уводить из отдела кадров за белые ручки. Вот только от перспективы встречи с Васильевой Лидия Петровна приуныла. И зависть тут вовсе ни при чем. Красота Васильевой была такого абсолютного, такого непогрешимого свойства, что завидовать не имело никакого смысла. Это как завидовать предметам искусства. И уж конечно, Лидии Петровне не было никакого дела до васильевских романов. (Поговаривали даже о романе с самим ректором – чего только не болтают со злости.)

Нелюбовь Лидии Петровны была совсем особого рода: не любила она не столько саму Васильеву, сколько те трансформации, которые происходили в васильевском присутствии с ней самой. К примеру, костюм, еще недавно выглядевший очень даже прилично, вдруг делался ужасно старомодным, пузырился, причем не в тех местах, где это могло бы украсить его хозяйку, а совсем наоборот. Лидия Петровна, одергивая то задирающиеся вверх полы, то странно укоротившиеся рукава, чувствовала при этом, как желтоватые пятна пота растекаются под мышками, прямо на белоснежной блузке, благо под пиджаком не видно. А прическа, а маникюр... Да что говорить!

Так что, когда позвонил бывший муж, Лидия Петровна даже обрадовалась этой невольной отсрочке. Как оказалось, зря.

Бывший муж, пару лет назад гордо ушедший в другую жизнь, последнее время стал частенько названивать. И что вдруг ему приспичило выяснять отношения, как будто новенькое, еще пахнувшее типографской краской, свидетельство о разводе развязало руки, точнее, рот. Лидия Петровна узнала о себе много нового. Оказывается, она сама была во всем виновата. И вообще она никогда его не любила, иначе не отпустила бы с такой легкостью, тогда как та, вторая...

Их брак с самого начала был досадной ошибкой, безо всякой связи с предыдущим объявил напоследок бывший муж, разом перечеркнув не только расхожий стереотип о странностях женской логики, но и всю совместно прожитую жизнь.

Белокрылая фата упорхнула за горизонт. Старые фото, счастливые, улыбочивые, прощально вспыхнув, почернели, стали пеплом. И главное, сын, красивый, взрослый, выбравший другую страну (ма, па, как только устроюсь, я вас обязательно вызову, я вас очень лю), становился все прозрачнее и прозрачнее, а потом исчез. Совсем.

Но добил Лидию Петровну даже не муж, а Шопен. Выскользнув из радиоточки на волю, он подкрался к женщине одной из своих мазурок и, нота за нотой, как дважды два доказал, что жизнь ее пуста и никчемна, и никому она такая не нужна, и даже щетка...

– Выключите... выключите... это... – только и смогла выдавить Лидия Петровна и разрыдалась.

Конечно, ее стали успокаивать. Вначале парки, оказавшиеся и не парками вовсе, а самыми обычными женщинами, – только они могут так бестолково метаться и горячо утешать одновременно. Хотя сама Лидия Петровна с трясущимися губами, щеками и вообще всем телом на вершительницу судеб походила сейчас еще меньше.

Неизвестно откуда взявшаяся начальница. Та все поглядывала на Лидию Петровну встревоженными глазами и как заведенная повторяла «что же это вы, дорогая, зачем же...» И даже Васильева, стоявшая с таблеткой и стаканом воды наготове. И таким теплом от них от всех веяло, что Лидия Петровна, шмыгая носом, неожиданно стала рассказывать, хотя рассказывать особо было нечего, про мужа да про щетку.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Услышав про щетку, бывшие парки возмущенно замахали руками: это всего лишь вещь, стоило ли так расстраиваться.

– Я куплю вам такую же, – проговорила Васильева.

– Мы купим, – поправила начальница.

А муж... ну что – муж, он просто хочет вернуться. Мужчины. Сначала натворят дел, а потом думают. Не было бы поздно.

Так сказала Васильева. Как странно она это сказала, точно жалела о чем. Лидия Петровна быстро глянула в темные васильевские глаза – сейчас она все узнает, вот сейчас! Но увидела лишь грусть в обрамлении тонких лучиков морщин, больше ничего. Дверь захлопнулась, тайна осталась неразгаданной.

...Потом они пили чай, черный, душистый. С бутербродами, печеньем, конфетами. Словно почуяв, что слезливые грозы миновали, примчался Сергей. Он тоже хотел чаю. Но чаю и всего остального пообещали ему только в случае спасения мира. И он, конечно, спас, он же настоящий гений, а не какой-нибудь безрукий пустозвон. Сытый Сергей сразу повеселел, стал сыпать анекдотами, и все смеялись, и Лидия Петровна тоже. И даже дома губы все продолжали расплываться в улыбке, хотя ни одного анекдота, как ни старалась, женщина вспомнить не могла.

А перед сном нашлась щетка. Лидия Петровна только собралась почистить зубы, уже открыла тюбик, но колпачок, выпрыгнув из рук, закатился под ванну. Женщина полезла доставать и тут увидела ее.

Вытащив щетку, Лидия Петровна долго крутила ее в руках, будто не узнавала. Это всего лишь вещь, всплыли в памяти слова, сказанные кем-то, где-то, может, в другой жизни. Женщина устало зевнула и отложила щетку в сторону.

С. А. Виноградов. Летом. 1909 г.

ПРОЗА*Александр Сороковик**(Украина, Одесса)***КАТЕНЬКА И ГЕРЦОГ****(Золушка-2014)**

Кто-то сказал, что в Новый год сбываются желания, происходят чудеса, случаются волшебные подарки. В это верит большинство детей, но чем старше они становятся, тем меньше остается этой веры. С каждым годом все сложнее загадываются желания, все мельче происходящие чудеса, все обыденнее подарки... И верить-то все еще очень хочется, и кажется, что вот в этот год все наконец и сбудется, состоится самое главное чудо, подарится самый сказочный подарок...

Катеньке девятнадцать. Это обычная девушка, скорее худенькая, чем полная, с милым личиком, стройной, но не модельной фигуркой, темными волосами, стянутыми в «хвостик». Одета Катенька в чистенькую, добротную, но совершенно не гламурную одежду, в маленьких ушках – простенькие золотые сережки. Она давно не верит в новогодние чудеса, и только где-то на самом донышке ее души, в заветном уголке, живет робкая надежда: а вдруг?

Учиться в институте Катенька не может – маминей зарплаты не хватит, да и вообще, надо зарабатывать самой. Она окончила какие-то торговые курсы, но работу найти трудно. Реализатором на рынок идти не хочется – там очень тяжело и не остается времени на учебу, а Кате нужно обязательно поступить на заочный, ведь без образования не пробьешься никуда.

Сейчас Катенька стажировается в большом супермаркете. Она ходит по торговому залу, следит за товаром – поправляет, раскладывает, а если заканчивается, просит вынести новый. Улыбается торопящимся, раздраженным, сердитым покупателям, выслушивает их претензии. Иногда неожиданно перед ней возникает ее начальница – Инга Матвеевна, холеная, высокая, молодая женщина с брезгливо-холодным, всегда недовольным лицом.

Катенька очень боится Ингу Матвеевну – та всегда найдет, за что поругать, и делает она это с каким-то наслаждением. Если Катя хорошо себя покажет, ее возьмут в штат и заплатят за стажировку. Если нет, то могут и не заплатить, просто выставят на улицу. Сегодня – последний день стажировки, к вечеру Инга Матвеевна сообщит свое решение.

А сейчас, пока Катюша переодевается в униформу супермаркета и приводит себя в порядок, мы скромно останемся за порогом девичьей раздевалки и чуть-чуть посплетничаем о Катиней личной жизни, вернее, об отсутствии таковой.

«В чем же дело? Какая причина этого отсутствия?» – спросите вы. А я отвечу: «Почему вот так категорично? Если у молоденькой девушки нет кавалера (или, как сейчас модно говорить, бойфренда), то значит, это ущербная какая-то девушка? Не нужна она никому? А, может, это ей не нужны кавалеры-на-один-вечер, парни-классно-провести-время. Может, ждет она одного-единственного, доброго и мужественного, порядочного и верного, которого сама полюбит, ведь без любви нельзя построить счастье... Да, о чем это я? О причинах, по которым

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

девушка обычной, не модельной внешности, живущая в двухкомнатной квартирке с матерью и старшим братом, не «висящая» на сайтах знакомств и не добивающаяся внимания парней любыми средствами, не может устроить свою личную жизнь... Или не хочет ее устраивать с кем попало».

Но, впрочем, пора переходить к сути. Это же новогодний, рождественский, святочный рассказ, со всеми положенными атрибутами: принцем, балом и, по-современному говоря, хэппи-эндом. Ведь в глубине души Катенька все-таки в это верит! И так...

Катин рабочий день подходил к концу. Тяжелый, суматошный день 30 декабря. Народ в предвкушении новогоднего застолья метался по залу супермаркета, сбивал и давил тележками нерасторопных, искал товар получше и при этом подешевле. Катенька сбилась с ног, пытаясь сохранять порядок, отвечать на вопросы, улыбаться в ответ на хамство, пряча горькую обиду – за целый день один только дядечка улыбнулся ей в ответ, назвал дочкой и пожелал доброго дня.

Вот и сейчас какая-то вредная старуха нудно терзает ее вопросами: какой чай лучше взять? А почему он такой дорогой? А если у нее повышенное давление, может, лучше взять зеленый? Как это – не знаешь? Зачем тогда здесь стоишь? А покажи мне еще вот этот, прочитай, что там написано...

Бабка не унимается, а тут новая беда подоспела – высокая, ухоженная, в богатой шубе, серьги дорожные, надменный ротик скривлен в гримасу неудовольствия. Рассматривает пачку элитного чая, вертит в длинных пальцах унизанных золотыми кольцами. Повернула голову, заметила обслугу, недоуменно ткнула пальчиком:

– Эй... – в глазах непонимание: почему к ней до сих пор никто не бросился?

Катенька пытается подойти, но старуха не отстает, она хочет посмотреть еще вон ту коробку с верхней полки.

– Эй! – уже с гневом, с нарастающим раздражением. – Я долго буду ждать?

– Извините, одну минуточку! – Катя в отчаянии. Обычно в таких ситуациях выручают девчонки из соседних отделов, но сейчас Маринка занята с пожилой супружеской парой, а Анжелки вообще не видно – наверное, опять на перекуре, строит глазки симпатичному менеджеру Артему...

– Это безобразие! Почему меня заставляют ждать! Где администратор?

Старуха наконец отстает, Катенька спешит к богатой выдре, и тут появляется Инга Матвеевна! Она источает сахар и мед, пытается погасить конфликт. Выдра не успокаивается, продолжает злиться, но тут нарисовывается Вадим, молодой начальник отдела, улыбочивый, щеголеватый. Он разливается соловьем, улыбается обворожительно, жестом фокусника достает скидочную золотую карточку, вручает ее покупательнице, прижимает руку к сердцу.

Инга Матвеевна резко поворачивается к Кате и зло бросает ей:

– Где ты шлялась? Почему не подошла сразу к покупательнице? Почему заставила ее ждать? Все, ты уволена!

Катя пытается что-то объяснить, однако ее не слушают. Начальница быстро идет в служебное помещение, но вдруг дорогу ей преграждает высокий светловолосый парень в дорогом пальто.

– Девушка не виновата! – он говорит твердо, уверенно. – Я все видел! Она не могла подойти. Занятая. У нее была другая старуха. Покупатель. Из-за нее не могла! Вы не имеете права ее увольнять!

Инга немного растерялась. Послать бы его подальше, но нельзя – видно, что не простой, на иностранца похож...

Она улыбается ему одними губами и кивает:

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Да, да, конечно, мы разберемся, мы во всем разберемся! Катя, зайди ко мне!

Она скрывается за дверь с надписью «Службное помещение. Посторонним вход воспрещен». Катя покорно идет следом, на пороге поворачивается и улыбается своему защитнику. Улыбка выходит виноватой и грустной: Катенька знает, что его заступничество ни к чему не приведет...

В кабинете Инга Матвеевна сообщает, что стажировку Катя не прошла, она невнимательная, нерасторопная, а такие сотрудницы им не нужны. Деньги за стажировку ей выплатят, но за вычетом штрафов: и за сегодняшний день, и за прошлые прегрешения. Начальница презрительно ухмыляется и добавляет, что деньги Катя получит только после праздников, числа пятнадцатого.

Катя понимает, что говорить больше не о чем. Она, глотая слезы, молча выходит из кабинета, быстро переодевается, выбегает на улицу. Сыро, промозгло, хорошо бы горячего кофе выпить. При мысли о кофе засосало в желудке – ну конечно, весь день на ногах, в холодном торговом зале, не поела ни разу. Пирожок, что ли, купить?

– Катя! – О, защитник из магазина. Неужели ее дожидался, надо же! – Катя, у вас все в порядке? Вас не уволили? Я могу пойти подтвердить, что вы не виноваты... Я спросил у ваших коллег, сказали, что вы сейчас выйдете. Мне нужно знать, что вы не пострадали... Вам холодно? Давайте сядем в мою машину!

Катенька знает, что к чужим в машину нельзя садиться, но ведь она уже большая! А парень такой вежливый, добрый, пытался защитить ее. И ей так сейчас одиноко, холодно, и хочется поесть, и неизвестно, что будет дальше. А впереди Новый год и Рождество, и в глубине души все-таки хочется сказки, а принц – вот он, на белом коне, то есть автомобиле. И пусть сердце не екает, не замирает, не шепчет сладко: «Это – Он»... но в его машине тепло, уютно, пахнет дорогим парфюмом.

Катя устало машет рукой: «Все в порядке, не переживайте!». Она съежилась на переднем сиденье, ей так не хочется выходить в холодную промозглую декабрьскую сырость. А парень словно читает ее мысли, говорит своими короткими, словно обрубленными фразами:

– Катя, вы, наверное, голодная? Устали? Я вас приглашаю вместе поужинать. Я потом вас отвезу куда скажете! – он спохватывается, прижимает руку к сердцу, – О, простите, я не представился, меня зовут Конрад. Я из Австрии.

«Так вот почему он так говорит! Вроде без акцента, но все равно не так, как надо». Кате очень хочется посидеть в уютном кафе, поесть чего-нибудь горячего, забыть свою надменную начальницу и неудавшуюся работу. Она совсем не опасается этого славного австрийца, говорящего короткими фразами, больше половины которых начинаются с буквы «Я». Его не назовешь красавцем – белобрысый, с удлинненным книзу лицом, бледной кожей. Но чувствуется в нем какое-то внутреннее благородство, взгляд прозрачных голубых глаз открыт и честен, напроць отсутствует развязность.

Катенька неуверенно качает головой – она одета в старенькую джинсовую юбку, теплые серые колготки, обычные сапоги. Свитер, правда, нарядный, белый, с вышитыми котятками, но совершенно не парадный. Однако Конрад настойчив. Он и сам одет неброско, буднично, правда, сразу видно, что вещи его, на первый взгляд очень простые, на самом деле хорошего качества и стоят дорого.

Катя знает, что там, у них, одежде не придают большого значения, но все равно, ей немного неловко.

– Только не в ресторан, пожалуйста, в обычную кафешку! – сдается наконец она.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– О да! Конечно, в каф-фешку (это слово дается ему с трудом)! Я знаю одну чудесную каф-фешку тут, очень недалеко! Мы совсем немножко посидим в каф-фешке, и я отвезу вас домой! Вам надо хорошо поесть, выпить горячего!

Он уверенно ведет машину, и совсем скоро они останавливаются у въезда в какой-то двор, перегороженного шлагбаумом. К ним подходит охранник в синей униформе и обменивается с Конрадом несколькими словами. Шлагбаум открывается, они въезжают во двор, останавливаются. Конрад быстро выходит и, пока она ищет ручку, успевает обойти машину и открыть Катину дверцу снаружи.

Они поднимаются по широкой лестнице на второй этаж, заходят в полутемный зал. Катя понимает, что это, конечно, никакая не «каффешка», а хороший ресторан, но ей уже все равно. Никто не косится на ее простенький наряд, здесь все одеты неброско. Официанты, молодые парни и девочки, улыбаются открыто и весело, остается где-то в прошлом шумный, суматошный зал супермаркета, надменная начальница, неудавшаяся работа...

Катенька сидит за столом, ест какие-то очень вкусные вещи, запивает совсем легким красным вином. Рядом с ней – принц, который почти ничего не ест, лишь замороженно смотрит на Катеньку, глаза его сияют... Ну, не совсем принц, всего лишь герцог. Зато самый настоящий!

Да-да, он из старинного герцогского рода, ведь Австрия долгое время была монархией, и весьма могущественной! И королевский австрийский двор был одним из самых блистательных в Европе. У него дома есть все бумаги, с коронами и печатями. Вот когда Катенька приедет к нему в гости, она сама все увидит!

Нет, фамильного замка у них нет, но есть большой особняк. Там он живет с родителями. Мама его – настоящая герцогиня. Хотя официально титулы отменены, но у них есть свое высшее общество, там все как раньше – балы, приемы, Катенька скоро сама увидит! Папа владеет несколькими банками, он недавно открыл в их городе филиал, и Конрад приехал сюда по работе. Он очень любит русский язык, Тургенева и Достоевского, ему всегда нравились русские девушки, а Катя просто поразила его. Она непременно должна приехать к нему, он познакомит ее с родителями, она обязательно им понравится!

Катенька слушает и не знает, смеяться ей или плакать. Она верит ему: у него и вправду повадки аристократа – поворот головы, жесты, взгляд элегантно и отточены. Этому не научишься, это впитывается даже не с молоком матери, а закладывается в генах поколений, не перемолотых кровавой мясорубкой репрессий... и пусть сейчас все эти титулы – чистая условность, но все же, что-то в них есть... Он не обманывает ее, очень этот мальчик чист и искренен.

Золушка! Это же сказка про Золушку! Только что она была замарашкой, выполняя тяжелую работу и ожидая крохи, обещанные ей мачехой–начальницей. И вдруг ее забирает приехавший на дивной белой автокаре настоящий герцог, почти принц! И у нее есть реальный шанс безо всех этих глупостей с потерей и примеркой хрустальной туфельки уехать в далекую сказочную Австрию, в блистательный герцогский дворец-особняк, познакомиться с родителями Конрада, понравиться им, а там... Может, и она станет герцогиней?

Как же титулуют этих герцогов? Сиятельство? Превосходительство? О нет, вообще, кажется – высочество! Это будет звучать как-то так: Ее Высочество, герцогиня Екатерина Мельникова-Зальцбургская!

И ее, нищую безродную девчонку, полюбят мама-герцогиня и папа-банкир, позволят ей жить в дворянском особняке, ездить на балы и светские приемы. Важно шествовать по длинным дворцовым коридорам в пышном бальном платье с драгоценностями. И слышать за спиной сдавленные смешки. И ловить боковым зрением презрительные взгляды...

Катенька очнулась. Конрад внимательно смотрел на нее, ожидая ответа.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Что? – она вернулась в зал, за столик. – Танцевать? Да-да, конечно, пойдём, я немного задумалась, извини ...

И они с Конрадом кружились в плавных вальсах его великого земляка и просто в медленных танцах и прыгали под веселую современную музыку. А в перерывах между танцами он аккуратно вел ее к столику, усаживал, предупредительно отодвигая стул. И говорил о тургеневских девушках, о нежности и чистоте, о любви с первого взгляда... И смотрел на нее влюбленными глазами...

Отчего же ты не весела, маленькая, скромная, усталая девочка? Отчего все реже слышен твой смех, все печальнее твоя улыбка? Отчего не вздрагивает радостно твое чистое сердечко, отчего не кружится от счастья твоя милая головка с перехваченным розовой резинкой хвостиком? А может, ты просто устала, ведь целый день на ногах, да и обида, наверное, еще не прошла?

– Мне пора домой, – тихо говорит Катенька после очередного танца, – я очень устала...

– Да-да, конечно, я тебя отвезу. Я немного выпил, сейчас вызову такси. Мы поедём на такси! – радостно возвещает Конрад.

Он зовет официанта, просит вызвать машину, расплачивается за ужин. Такси уже ждет – они, оказывается, у них на стоянке всегда дежурят.

Он подсаживает Катю на заднее сиденье, садится рядом. Она говорит, куда ехать: Южный проспект, возле рынка. Конрад ведет себя очень благородно – не пытается обниматься, не лезет с поцелуями. Он непременно хочет проводить Катю до квартиры, зайти к ней, познакомиться с мамой. Катенька устало качает головой:

– Нет-нет, у нас так не принято, это потом, я должна маму предупредить заранее!

– Да, конечно, я понимаю! Я провожу тебя до подъезда. Но ты должна обязательно мне позвонить! Прямо завтра с утра! Я буду ждать. Мы вместе уедем в Зальцбург и встретим там Новый год!

Даже сейчас он также вежлив и галантен: открывает ей дверцу, подает руку, ведет себя как джентльмен. Катенька сама тянется к нему, легко целует в щеку, проводит по ней ладошкой и, быстро отвернувшись, убегает в подъезд. Конрад еще минуту топчется на месте, затем поворачивается и идет к ожидающему такси...

Проходит совсем немного времени, дверь подъезда открывается и Катенька, осторожно озираясь, выходит на улицу. Оглядывает пустой проспект и почти бежит к остановке маршрутного такси № 232: «Южный рынок – жилмассив “Северный”». Подъезжает маршрутка? и Катенька садится в нее. Ехать ей долго, около часа.

Но вот наконец ее остановка. Она устало бредет к такой же панельной девятиэтажке, которую покинула на Южном проспекте. Поднимается в лифте на седьмой этаж, открывает своим ключом дверь. Конечно, мама еще не спит, поджидает дочь. Она уже знает про ее неудачу на работе: Катенька звонила ей, предупреждала, что приедет поздно.

Они сидят на кухне за чаем. Брат где-то гуляет, досрочно встречает Новый год. В квартире тихо, уютно.

– Как же теперь ты будешь? Опять надо на работу устраиваться?

– Так уже после праздников, мама. Сейчас-то что толку? Да, и расчет я получу тоже после праздников, там мало будет...

– Ладно, уж как получится... Мне премию небольшую дали, так что перебьемся...А где же ты была? В кафешке с подругами сидела?

– Нет, мам, я была на балу!

– Где-где?

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– На балу! В меня влюбился один принц, то есть, нет – герцог, и пригласил на волшебный бал! Мы веселились, танцевали, потом он хотел увезти меня в свое герцогство, но я убежала домой!

– А туфельку не потеряла? Он не приедет завтра с ней на примерку?

– Нет, мамочка, не приедет. Во-первых, я ничего не потеряла, а во-вторых, он не найдет мой дом, даже если захочет...

Мама внимательно смотрит на свою маленькую, но такую взрослую девочку, печально качает головой:

– Эх, Катюша ты моя, Катюша! Катюша-сочинюша...

...Катенька уже спит. Ее одежда аккуратно сложена на стуле. Она очень устала сегодня. Только и нашла силы после душа, перед сном, порвать на мелкие клочки какую-то картонку и выбросить в мусорное ведро, чтобы мама не видела. Если попытаться сложить несколько клочков, можно прочитать обрывки слов: «...нрад фон Ш...», «...цбург банк» и несколько цифр. Что ж, спокойной тебе ночи, милая маленькая мудрая девочка!

Ну вот вам и сказка. Новогодняя, рождественская, святочная. Есть в ней и Золушка, и принц, и дворец, и бал. Ах, еще и хэппи-энд обещали? А чем, простите, вам не хэппи-энд? Когда еще на нее, бедную серую мышку обратил бы внимание заезжий аристократ, настоящий герцог? Да еще и на бал пригласить изволил! А поездка в Австрию? А жизнь во дворце? А титул и богатство?

Ну и что с того, что поездки и прочего не было? Сама отказалась, глупая девчонка! Ей по-честному предлагали, и никто не виноват, что у нее ветер в голове. Кто ее, дурочку, поймет...

Разве что какой-нибудь аристократ благородных кровей – австрийский, например, герцог. А может, и ты, читатель, поймешь? Может, и тебе знакомы эти слова: Достоинство, Честь, Любовь...

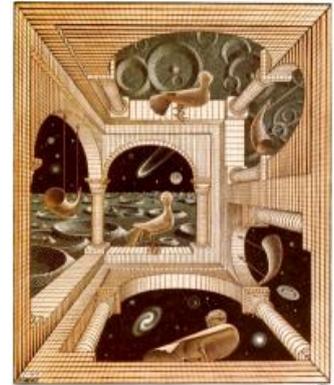

С. А. Виноградов. Усадьбы. 1910 г. Холст, масло

ПОЭЗИЯ

Ольга Уваркина

(МОССАЛИТ, Москва)

Картина

(по картине А. Оливера «Чаепитие в саду»)

Под сенью акаций, хранящих от зноя,
 На столике с ножкой дубовой резною
 Фарфор с позолотой – цветочная гамма.
 За чаем в саду две прелестные дамы...
 С изыском по моде пикантные шляпки,
 В батистовой пене воланы и складки
 Кокетливых платьев, достойных приема
 У лорда и графа, не то чтобы дома...
 Кулоны на шейках в разрезах перкали
 Бликуют на солнце лазурной эмалью,
 И веер изящный французской работы
 Порхает в руке, прикрывая зевоту
 И негу томленья от жаркого полдня.
 Столетье назад, но как будто сегодня...
 Надушенный август за день до Успенья...
 И пахнет... Так пахнет вишневым вареньем!..

Альфред Оливер. Чаепитие в саду

Старый пруд

(по картине Клода Моне «Водяные лилии в пруду»)

Клод Моне. Водяные лилии в пруду

Подернутый рябью и ряской, слегка
От света дрожит переливами...
Там небо купает в воде облака
И шепчутся травы под ивами...

Жемчужные лилии стайкой и в ряд
Колышутся, как в колыбели, и,
Красуясь, пьянща под солнцем горят
Палитрою красок лобелии...

Не спит и не молкнет пейзажная жизнь,
Лягушачьим «ква» оживленная.
Чарующим цветом оттенки свежи
Лилового, желто-зеленого...

Не падая в небо, затеяв игру,
Стрекозы хлопчут в движении...
И тайною дышит недремлющий пруд
То в яви, а то – в отражении...

Там

Там песни соловья кристальны,
В ночи слышней,
И вековые прячут тайны
Узлы корней...

Блестит на ягодах румяных
Росы колье.
Цветами вышиты поляны,
Как ришелье...

Там боровик под тьмою ели
В *plie* застыл.
Прядет паук свои кудели:
И фронт, и тыл...

Пушистых облаков отары
Белым-белы,
Играют бликами муара
Берез стволы...

Качели

Надсадно по саду пружины скрипели.
Качались от ветра большие качели.

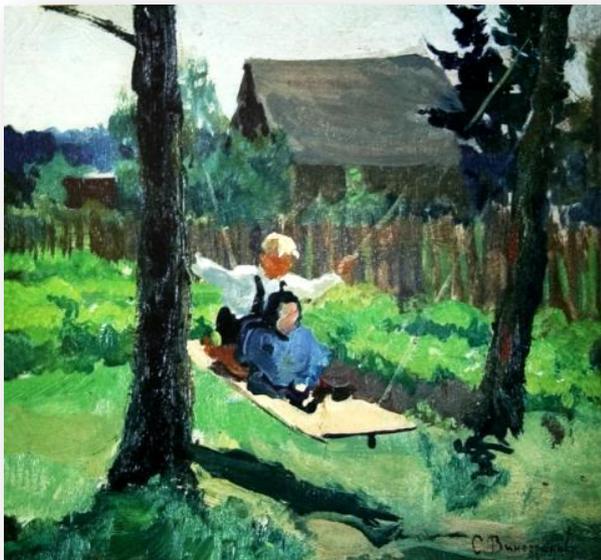
А яблони ветки то влево, то вправо
Сгибались, и яблоки падали в травы.

На клумбе левкои ответно кивали
Не знавшим покоя бутонам азалий.

Себя гувернанткую чужа неловкой,
Качалась с носком бельевая веревка.

Второй отлетел, зацепившись за сливу,
Вверх-вниз колыхаясь на сучьях игриво...

И с облаком солнце затеяло шалость...
Мне даже казалось, что небо качалось.

Между мирами

Пахнул пыльцою ромашковой вечер...
Солнечный диск, полыхнувший Икаром,
Падал, карминной пастелью очерчен,
Прямо над лесом оранжевым шаром.

День уходящий свой пыл поубавил.
Капли зари возрождая, в бессонье,
Жадно лиловую воду губами
Пили из речки неспящие кони.

Нежно ложился на конские спины
Воздух прохладный, рождающий блики.
Сизый туман расстилался в люпинах,
С искрами – вбрызг луговой земляники.

И неуверенно, чуть виновато,
Кралась с цикадами и комарами
Звездная полночь, играя стаккато,
В старый шалаш, ставший временным раем.

Грезами, явью ли?.. Как не бывало –
Между мирами застывшее лето...
Юность, мелькнувшая в кофточке алой,
Отсветом памяти, кромкой рассвета...

**С. А. Виноградов. На качелях. 1910 г.
Картон, масло**

Небо

Какая ночь! Романс бы на гитаре ей
Сыграть и спеть, чтоб звёзды вниз попадали...
Спугнуть луну, космической скалярией
Плывущую по вычурной параболе,

Нырять пузом желтизны яичневой
В случайное, затерянное облако...
Здесь даже небо, кроем не столичное,
Былинного не потеряло облика...

Над головою свод, как астрономия.
Горят Стрельцы, Ковши большие-малые,
И смотрят на мою физиономию,
И думают: чего бы понимала я?..

Художник Наталия Виллон

ПОЭЗИЯ

Аркадий Ляховецкий
(Германия)

У фасада дома

Взгляды мутные, завидушие,
Жадных рук не сочтешь кругом.
Голь, ушкуйники, люди ушлые
Ждут прохожего с кистенем.
В адидасовских мятых трениках
Затевают разор, бузу.
Превращаемся в неврастеников
От волнений, тревог, безумств.
Где бы ни были, чем ни заняты,
Каждый внутренне напряжен.
Старый дом. По фасаду здания
Лезут призраки на рожон!
Полулюди – лягушки с лапами,
Тетивою – изгиб спины.
Кто их вылепил, алебастровых,
И впечатал в массив стены?
Плод нелепой больной фантазии,
Страшный сон, воплощенный в явь!
Духи ада Передней Азии,
Африканских божков анклав?
Злою волей они поселены
В мир, чтоб темен он стал и плох.
Под окрасом болотной зелени
Неживая сухая плоть.

По периметру палисадника
Насаждений кустистых срез.
А вверху в створ окна мансардного
Ярко- красный стучится... бес!
Сонмом чудищ расколот вдребезги
Фронт фасада: разрушен стиль!
Мало шансов у дома-крепости
Снять осаду нечистых сил.
Можно долго стоять в смятении,
Осознав, что ваятель прав!
Оградить невозможно стенами
В подсознании скрытый страх.
И по-разному – болью, яростью,
Или творчества вызвав взлет, –
Обязательно он проявится
И тогда, может быть, уйдет.
Что ни день, ожидаем худшего,
Над проблемами морщим лбы.
Принимаем боксерской грушею
Все удары слепой судьбы.
А живем не всегда по совести,
Шаг вперед, два шага назад!
И тогда наши беды-горести
Никакой не скроет фасад.

Жил да был

Жил последний эстет в жестких ритмах железного века,
Рядовой гражданин без особых заслуг и примет,
В старом доме панельном на Сретенке, донельзя ветхом,
Предназначенном к сносу за полную выслугу лет.
Падал снег или дождь барабанил по сморщенным крышам,
По асфальтам истертым, по грубой брусчатке дорог,
Хлопнув дверью подъезда, скрижали окрестных мальчишек,
Он спешил по утрам до ближайшей платформы метро.
Где служил, как с делами справлялся, чем занят был раньше,
С кем ругался за фонды, с кем теплую дружбу водил?
Не имеет значения вовсе в истории нашей,
А о том, что имеет, еще будет речь впереди.
Жил последний эстет, до конца прозу жизни изведав,
Ни тебе степеней, ни знакомств в артистических кругах!
Возвращаясь домой и покончив со скромным обедом,
Он садился к столу с фолиантом старинным в руках.
Свет вечерней звезды отстраненный, тревожный, зовущий
Распадался на блики, в оконном проеме мерцал.
Раздвигались неровные стены приземистой «двушки»,
Горный луг открывался в немом окружении скал.
Растревоженный ветром, катился массив травостоя,
Пламенели на солнце бутоны ярчайших цветов.
Три красавицы юных в прозрачных одеждах Востока
Шли по влажной земле, оставляя цепочку следов.
Повторяя причудливый контур изгиба межгорья,
Окруженный нечастым, стремящимся ввысь сосняком,
Плоть от плоти глубин ювенильного древнего моря,
Отражая свод неба, овальный синел водоем.
Рядом с ним, пробиваясь сквозь зелень фруктовых деревьев,
Подымались строенья, и плоские крыши домов
В зыбком мареве знойном парили, кружа над деревней,
Как ковры-самолеты из детских утерянных снов.
Шли стада к водопою, сушились рыбацкие сети,
Бултыхалась в прохладной озерной воде ребятня.
Сладким соком в полях наливались колосья посевов,
Плыл обеденный полдень бескрайнего летнего дня.
Смуглокожие девы в садах наполняли корзины
Золотистой мякотью сочных округлых плодов.
Виноградные гроздья огнем фиолетово-синим
Полыхали сквозь зелень на склонах покатых холмов.
И тогда он спешил все запомнить и все опредметить.
Оживить и затем на грунтованный холст нанести
Перспективу долины, игру полутени и света,
Горизонт раскаленный и дневок пастушьих костры.
Потаенная область, домен тридевятого царства,

Уголок парадиза иль древнего племени скит?
 Ощущал он биение жизни на кончиках пальцев,
 Точно лекарь, считающий пульс на запястье руки.
 Ближе к полночи, в куртке, надетой на голое тело,
 Выходил на балкон, затянувшись некрепким дымком.
 Город спал в тишине, только изредка звонкие трели
 Раздавались и гасли, дробясь, над трамвайным кольцом.
 Новый день начинался две тысячи энного года,
 Пристяжные прогресса тернистым тянулись путем.
 Ничего не менялось: Христос, Мухаммед, Иегова
 До сих пор не явились в своем воплощенье земном.
 Но за мутной цифирью победных финансовых сводок,
 Мониторов мерцаньем, свершением планов и дел
 Человек не от мира сего, сорока лет от роду,
 Над раскрытою книгой в глубоком раздумье сидел.
 Мы другие. Нам ближе рыбалка, футбол и работа,
 Груз житейских забот, непонятная логика жён.
 Просто добрые люди, и только, из крови и плоти,
 Для которых закон: «Береженого Бог бережет!»
 Мы другие. Мы скроены, видимо, в чем-то иначе.
 Но однажды, как будто внезапно очнувшись от сна,
 Вдруг поймем, что в кружении дней до конца не растрачен
 Свет далекой звезды, в миг рожденья заложенный в нас.
 Может в этом таится причина великих наитий,
 Обжигающих слов, откровений сонат и картин...
 Спит последний эстет, чуть балконная дверь приоткрыта,
 Звездный ветер колышет прозрачные сборки гардин.

Восковая спелость

Восковая спелость кукурузы,
 Полуднем оплавленная степь.
 Заполнялся золотистым грузом
 Распряженный тракторный прицеп.
 На тугих спеленатых початках
 С хрустом рвался жестких листьев слой.
 Ныли руки, прожигало пятки
 Деревенской стоптанной кирзой.
 Корабельный лес стволов зеленых,
 Шла работа споро дотемна.
 Из бочонка ковш воды студеной
 Силы восстанавливал сполна.
 Нам всего четырнадцать, не боле,
 Но без всяких скидок пацанве,
 Каждый день родной стране и школе
 Выдай норму, а стараясь – две!
 Жили просто. Вязкий сон в бараке.
 В клубе фильм крутили про войну.
 Заполночь окрестные собаки
 Хором завывали на луну.
 Поднимались с утренним туманом.

В маленькой столовке, сев рядом,
 Снедали горячими блинами
 И горячим, с пенкой, молоком.
 Никаких особенных идиллий!
 В тусклых лампах керосин чадил.
 На бестарке, не автомобиле,
 Объезжал угоды бригадир.
 Свет давали в клуб и «на правленье»,
 Полевых работ свершался цикл,
 В праздничные дни и воскресенья
 Разговлялись деды и отцы.
 Пережив напор десятилетий,
 Повзрослев в трудах и возмужав,
 Помним, той страны великой дети,
 Шум и ярость битв за урожай!
 Не забыли, как жилось и пелось,
 Как считали, верою полны,
 Идеалов восковую спелость
 Высшим достижением страны.

Игроки

Гимназистам советы маменьки
 Ни к чему держать в голове.
 Отчего не сыграть по маленькой,
 Затянувшись дымком «Salve»?
 Скоро выпуск, причина веская
 Завоевывать взрослый мир.
 Кто в студенты пойдет путейские,
 Кто другой предпочтет мундир.
 Но февраль октябрем кончается,
 (Все смешалось на небеси!)
 И губернии ополчаются
 Друг на друга по всей Руси.
 Жизнь мальчишки на карту ставили:
 Выбор сделан – другого нет!
 Не избавиться от лукавого,
 Не остаться им в стороне.
 Наземь сбросив шинели мятые,
 К трехлинейкам примкнув штыки,
 Шли последней лихой атакою
 Ротной численности полки.
 Где они, молодые, дерзкие?
 Отчего не пошла игра?
 Не носить шнуры офицерские,
 Не вальсировать юнкерам!
 Были ставки неверно сделаны
 Или просто масть не пришла?
 Битой картой идея белая
 В крымский красный отбой легла.
 Море Черное, пена проседью
 На загривках чубатых волн.
 Заливало штормами осени
 Пляжи кромки береговой.
 Были смыты, в безвестье канули
 Гимназисты конца времен.
 Ни скрижалей, ни знаков памятных,
 Ни оставленных нам имен.
 Год двадцатый сгорел в пожарищах.
 Победители, смяв врагов,
 Нас учили забыть о жалости,
 Не жалея ни дел, ни слов.
 К братьям нашим по роду-племени
 По привычке храним вражду,
 Позабыв и не дав прощенья,
 Во спасенье погибших душ.

Сибирь

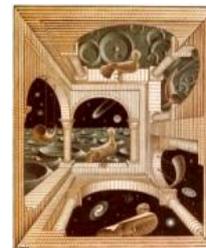
Известный всем испанец Писарро
 Взял целую империю на приступ.
 Но у России собственный герой,
 Возглавивший сибирскую конкисту.
 Кому судьба – сума или тюрьма,
 Кому – хоромы с шапкою собольей.
 А казаку по прозвищу Ермак –
 Пищаль, да огневой запас, да воля!
 Лес корчевал и ставил городки,
 Ясак шерстил по станам и улусам.
 Меха копил... Как будто не с руки
 Его примером выставлять для русских?
 Землепроходец, (кто ему судья?),
 Не досыпал, терпел нужду и хвори.
 Шел напролом и даже, слышал я,
 Слыл на Дону «разбойником и воровом».
 Ни школ, ни академий не кончал,
 До баб охоч, любитель доброй чарки.
 И нерадивых часто привечал
 Куда ни попадя плетеною свинчаткой.
 В истории далекой той поры
 Его фигура саженого роста
 Не только потому, что покорила,
 Привел к присяге царской инородцев.
 Он не считал раскосость за порок
 И не крестил огнем народ негодный.
 Да, землю брал, взамен вводя налог,
 Как говорят сегодня, подходящий.
 России стать сильнее подсобил,
 Ее полпредом был, лихим солдатом.
 Но на плечах своих принес в Сибирь
 И дух колониального захвата.
 Не стоит нам его искать вины,
 Так выпало: судьбу не выбирают.
 Рождения ребенка и страны
 Без крови и страданий не бывает.
 Каленая стрела, последний бой,
 Сибирские полки, Москва, салюты...
 Как странно связаны между собой
 Легенды, быль, события и люди.

Красный дом

Заставы, рогатки, кордоны,
 Запретов и правил не счесть!
 Республика Красного дома
 Их все отменила как есть.
 Здесь все, даже стены и своды
 Из плотно подогнанных плит,
 Дарили нам чувство свободы,
 Которое не утолить.
 В спирали крутых лабиринтов,
 По лестничным маршам скользя,
 Жиганом быть можешь и принцем,
 Не знающим слова «нельзя».
 Простенки, проходы, проемы,
 Провалы, разлом, недострой...
 Республика Красного дома
 В руинах отеля «Бристоль».
 Зброшенный древний помпезный
 Кирпичный насупив фасад,
 Притягивал он, точно бездна,
 Ватаги окрестных ребят.
 Потертые сбросив портфели,
 Забыв материнский наказ,
 Бегом сквозь препятствия к цели,
 Единственно важной для нас.
 Неверная ветхость карнизов,
 Сплетения балок разбег –
 Дворовому рыцарству вызов,
 Всем страхам, живущим в тебе.
 Бил озноб опасности близкой,
 (Шаг вправо, шаг влево, обрыв!),
 Пьянило отчаянным риском
 Мужской полувзрослой игры.
 Нелепость, пустая бравада?
 Геройства фальшивый мотив?
 Но не было выше награды
 Не сдрейфить, решиться, пройти!
 В преддверии бед и поветрий,
 Свар будущих, взглядов косых
 Шла жизненных взглядов поверка
 И проба мальчишеских сил.
 Метала милиция громы,
 Горели ремни у отцов.
 Республика Красного дома,
 Ты помнишь своих храбрецов?
 Уверен, мы встретимся снова,
 Еще не забыт адресок:
 Московская, угол Свердлова,
 От детства чуть наискосок

ПОЭЗИЯ

Надежда Цыплакова
(Липецк)

Пригрезилось

Пригрезилось: вздохнула половица,
и запах яблок из окошка – в дом;
над дальним лесом, в дыме поездов,
за вёслами над чахнувшим прудом
крылом взмахнула шалая зарница...

Пригрезилось: там музыка играет –
внутри ли, рядом, к счастью ль, на беду?
Дорожка мальв, алеющих в саду,
показывает мне – я не в аду,
но все никак не доберусь до рая...

Пригрезилось: озноблена листва,
и звезды ждут рассвет на дне колодца.
Так хочется солодкой уколоться!
На волю сердце, словно птенчик, рвется,
а это значит: я еще жива!

А дома нет – в нем огонек не вспыхнет,
и мать ушла, а с ней и благодать.
Но иногда из детства вдруг окликнет!
Послышится: калитка горько всхлипнет.
Еще год-два – и станет холодать...

Стерпится и слюбится?

Над землей луна туманным серпиком
разрезает серость облаков...
Говорят, что слюбится и стерпится,
если сердце рвется из оков.

Говорят, что время – утешение,
зарубцует раны навсегда:
Позабудешь жизни искушения,
если ты стареешь и седа...

Птицей в тесной клетке междурёберной
сердце будет биться, как в тюрьме,
тщетную надеждою угроблено
ожиданья светлых перемен?

Время перемелет все пророчества,
равнодушным помыслом верша
самый краткий путь – до одиночества...
Ну а как же все-таки душа?

Ведь она не может *вдруг* состариться –
Юной, ей все помнить до конца:
как зарей купались в тихой старице,
как на тройке мчались в бубенцах!

...Над землей луна туманным серпиком
жнет плоды своих ночных полей...
Говорят, что слюбится и стерпится.
Врут – с годами только тяжелей!

Салют, Новый год!

Фейерверком расколото небо,
вчера еще целое...
Я прождал два часа. Неужели сегодня конец?
Натянув тетиву,
ты безжалостно в сердце прицелилась,
и оно заметалось в предчувствии, словно птенец...

Я, наверно, напьюсь.
Не шампанским, так умбрией⁴ марочной.
Упаду на диван. Будет влажно смотреть спаниель,
и с одной неигрушкой –
колечком в коробке подарочной, –
не дождавшись тебя, растревожится чуткая ель...

Мне пригрезится вдруг:
тьнь вошла и, немного озябшая,
наклонилась, шепнув виновато: «Сломался
трамвай...»

Ты такую в тот миг
станешь близкою и настоящею,
что я тотчас проснусь, нежных рук ощущая овал!

Будет небо в фонтанах
сверкать над неспящею площадью.
Стрелки-ножницы щелкнут, отметив исход и
приход...

Воплотится ли в явь
сон уставшей надежды из прошлого:
провести новый год так, как встретил?
Салют, Новый год!

Если ты со мной

Август лету напоследок
Щедрый день припас –
Одарил плодами с веток
Яблоневого Спас.

Ароматом яблок спелых
Пахнет вдоль села...
Что же мне такое сделать,
Чтоб со мной была?!

Набухают вереницы
Облаков дождем,
Там, за речкой, у криницы
Ждет тесовый дом,

Дождь у неба солнце выкрал,
Спрятал за бугром...
Знаешь, если вместе крикнем,
Приплывет паром!

Мокрый ветер лижет кожу,
Речка дождик пьет...
Знаешь, если ты сможешь,
Мы построим плот!

Ты шагнула, оступилась,
Взглядом ищешь крепь,
А в реке лежит, заилясь,
Лодочная цепь.

Только лодке не плывется –
Заржавел замок,
Чайка серая смеется...
Ждет нас теремок!

Ты вздохнула за спиною...
Не грусти – оставь,
Если ты ещ есо мною,
Мы рванемся вплавь!

⁴ *Итальянское вино, которое производилось еще при этрусках. В данном случае – красное крепкое.*

Слышишь?!

Через океан сиротою – стон – сердца стук,
 слышишь?
 Путь нашей любви черным крестом нитью разлук
 вышит
 в канве, где желание тепла твоего –
 пальцами...
 О ветер, коснись волос искрово
 его пальцами
 Мимолетно... Расколдуй, разбуди дрожью рук
 жарких!
 И пусть остановятся удивленные вдруг
 Парки.
 Обманем судьбу и сожжем мои вышивки
 тоже.
 Прилетай поскорей. Умру без тебя... Слышишь?!
 Боже!..
 Через льды всех гренландий кричу, ненаглядный,
 слышишь?!
 Знаешь, хитрое время – такой беспощадный
 рикша:
 Бежит, но не лечит неспящую память
 движеньем:
 лишь тебя вижу в млечную заметь
 снов отраженьем!
 Сожги очищающим смерчем дотла в страсти,
 слышишь!
 Пусть море легкой волной до утра счастье
 колышет!
 Новая встреча омой живым родником
 взгляды,
 Хочешь, я стану мостом облаков – с неба
 гирляндой?!
 Через моря, где бушует в рассветах прибой,
 слышишь?!
 Сделай же так, чтоб не стал беззаветно родной
 бывшим!
 ...Вижу взмах рук твоих, вскинутых ко мне,
 вслед лайнеру –
 обреченных, отчаянных, беспомощно
 раненых...
 ...Через дым разлуки в черных крестах-надóлбах,
 слышишь!
 ...Здесь, в нашей России, цветут так недолго
 вишни...
 ...Как трудоны, Господи, эти пути
 покаяния...
 ...Я так люблю его, слышишь... прости...
 пожалей меня!

ПОЭЗИЯ

*Иван Андросчук
(Украина)*

Кентавр

Выхожу из стены, как выходят слепые из плена,
А потом, как мустанг, пораженный копьем на бегу,
Перед спящей тобой упаду на четыре колена,
Зарыдаю во сне. И проснуться уже не смогу.

Чуть глаза приоткрыв, ты увидишь одними белками,
Как в оранжевом свете клубится светящийся снег,
И к тебе простирает кровавое сердце из камня
Полуявь, полусон, полуконь и чуть-чуть человек.

Ты забудешь. Ведь сны иногда и ужаснее видят.
Путру ты вернешься к делам безнадежно живых.
И кому-то расскажешь: «Приснился кошмар по Майн Риду.
Только всадник – нормальный. А конь – не имел головы».

Полыхают на небе костры созвездий,
Изнывают равнины под лунным звоном,
И всплывает забытое в неизвестном:
Я давно уже умер и похоронен.

Этих снежных равнин голубые чаши
Отдаленно на что-то во мне похожи.
Растворяется прошлое в настоящем,
Как толпа сумасшедших в толпе прохожих.

Может, снова моими шагами некто
Где-то мерит пустыни тоски и снега,
Может, я еще жив на других планетах –
Но, конечно, не здесь. И не в этом веке.

И, не зная о том, кто бесплотней тени –
Невидимце, которого нет в природе –
Незнакомые люди, дожди и стены
Сквозь меня и куда-то во мне проходят

Сквозь шторы крон из окон льется свет.
Так странно все, так близко, так знакомо –
Обои, двери, интерьеры комнат, –
Но ты здесь не был. И тебя здесь нет.

На темном кресле – потускневший плед,
На книжных полках выстроились томы,
И пожелтевший твой фотопортрет
Вдруг открывает, что тебя здесь помнят –
В такие годы. Через столько лет.

И, странной этой памятью согрет,
Ты будто бы уже соображаешь,
Что́ этот дом. И женщина – чужая –
Идет к тебе. Ее – ты помнишь? – нет.

Грифоны мрака в четырех углах
Заклекотали, сердце заглушая,
Не сбавив шаг, не опуская глаз,

Она все ближе. Сквозь тебя прошла.
И ты, отпрянув, тонешь в зеркалах,
Которые тебя не отражают.

Время лежит на мне пластами тяжелой глины,
Люди лепят из глины себе подобных.
Слепыми пальцами рук перебираю ребра –
Их у меня на одно больше, чем у другого мужчины.

Жизнь оставлю земле и снизойду на вершину,
Выращу души змей в нежном бутоне розы.
Слепыми пальцами глаз перебираю звезды –
Их у меня на одну больше, чем у зимы снежинок.

Кровью, вином и словом глину разбавлю в меру,
Вылеплю бога. Вдохну в него жизнь. На ощупь
Выломаю ребро: «Отче! Спаси меня, если
хочешь...»
Небо станет слезой: «Кто я тебе без веры?»

Сброшу лицо и тень. Крыльями станут ноги.
Плача от смерти, пойду за собственным гробом.
Люди лепят из глины себе подобных.
Люди забыли себя. У них не выходят боги.

С. А. Виноградов. Утро. 1925 г.

Большие деревья

Боюсь шевельнуться, боюсь твое имя назвать –
 В священном лесу даже шепот покажется грубым.
 Стоят неподвижно большие деревья-слова,
 Пока еще веря, что к ним не придут лесорубы.

Нас двое, и лес – это сердце из трех половин,
 Мы – духи лесные и чьи-то секретные слуги.
 ...Подслушали змеи, как мы сознавались в любви
 Под деревом-богом, еще неизвестным науке.

Захлопали крылья, и шелест пронесся в листве,
 И в ужасе птицы кричали, что лес расколдован;
 Молчание встало и вышло в закрытую дверь,
 И нас погубило упавшее дерево-слово.

В умершем мгновенье, где быть мы живыми посмели,
 Встречаются тени.
 В мерцающем тлене
 Найди мое сердце, где все опустело.
 И розы уснули в разбросанной ветром постели
 В умершем мгновенье,
 Где быть мы живыми посмели.

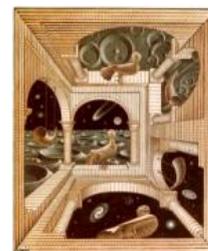
Любимая, встанем,
 Уж ночь зализала травинкам и листикам раны,
 Любимая, встанем!
 В серебряном плесе купается Лунная Панна,
 И с нею русалки плывут в хороводе тумана –
 Любимая, встанем!

Любимый, останься – видения дымом растают.
 Любимый, останься –
 Мы снова проснемся с поросшими дерном глазами,
 Едва в Черном Замке, который висит над мирами,
 Погаснут огни
 И закроются ставни.
 Любимый, останься!

Рассвет полыхнул,
 И из чрева уютного ночи
 Громадные скалы
 Кровавой короной взлетели.
 Не светятся очи,
 Не движутся тени
 В умершем мгновенье,
 Где быть мы
 Живыми посмели...

ПОЭЗИЯ

Юлия Сорокина
(Москва)

Черешня

А у дома моего
Осыпается черешня,
Ароматом сладким, нежным
Сон тревожа, от того,

Что, как лодочку в реке,
Снова жизнь меня качает:
То в водоворот бросает,
То пригреет на песке.

Только сердце не унять;
Мне бы парус, мне бы весла,
Мне бы скинуть зимы-вёсны
Да все заново начать...

И наперекор годам
Куролесить, веселиться,
Не бояться оступиться –
В прошлое шагнуть, а там...

Звезды плещутся в пруду,
И малина обливная,
И, подругу зазывая,
Соловей свистит в саду,
Разнося благую весть.

Над черешневою рощей,
Свет закатный, словно росчерк,
Словно знак, что счастье здесь –
Здесь, у дома моего.

Осыпается черешня,
Ароматом сладким, нежным
Сон тревожа, от того,

Что душа еще поет,
Что живет мечтой далекой,
Что по речке неглубокой,
Словно лодочка, плывет.

Бабье лето

Давай выпьем лето до дна!
Давай не оставим в бокале
Его золотого вина.
Чтоб осенью, в хмурые дни,
Нас чувства с тобой согревали.
Назад не вернутся печали –
Мы больше не будем одни!

Заалели рябины в срок,
Спелой ягодой вяжут горько.
А года летят, словно с горки,
И осталось – один глоток.

Осень дарит нам волшебство:
Птичьи стаи уже на взлете,
Тополя горят позолотой,
Как игрушки на Рождество.

А казалось, еще вчера,
Белый пух кружился над нами,
Словно снег, лежал под ногами,
И цветенья была пора.

Что осталось нам от весны?
Потерялось с годами где-то...
Было много тепла и света –
Их теперь не возьмешь взаймы.

Но зато – подними глаза –
Солнце жаркое не остыло,
И для нас – усталых, бескрылых,
Открываются небеса.

На последний, крутой виток,
Словно птицы, сорвемся с ветром.
Мы до дна выпьем наше лето!
Жаль, осталось – всего глоток.

На переломе

На переломе сентября
Меняет оперенье осень.
Жар-птицей сказочной горят
Леса. Берез тугие косы

Ветра шальные расплели –
Шумят, своей затее рады;
Листвой опавшей замели
Дорожки городского сада.

В прудах зеленая вода
Хранит застывшие картины.
И птичий крик на проводах
Повис предвестием уныний.

Придет октябрь, крадясь, как вор.
А следом заморозков братия.
Поблекнет праздничный узор,
Помнутся на деревьях платья.

И небо ливнями падет
На город, на лесов хоромы.
И задрожит свинцовый свод,
В высокие упершись кроны.

И снисхождения не жди.
Волшебная исчезнет сказка:
Глумясь, холодные дожди
Размоют огненные краски.

Ах, только б было все не зря:
И крики птиц, и тяжесть неба.
На переломе бытия
Так хочется дожждаться снега.

Чаша

Ты из этой чаши не пей –
В ней мое вино.
Не смотри, что других светлей, –
Горькое оно.

Наливала я до краев –
С милым чтоб до дна,
Но сказала: оно мое!
Вот и пью одна.

Ты не слушай меня, не слушай,
Ведь в моих глазах
Пустота всех пустынь, всей суши,
Чернота всех плах.

Поцелуй на губах горчит,
А вино, как мед.
Кто пригубит его в ночи,
Тот меня поймет.

О любви своей не жалея,
Счастья не тая.
Но из чаши моей не пей,
У тебя – своя.

Солнцеворот

Душный июнь. Вечер.
Солнце яблоком алым
В круговорот вечный
За горизонт упало.

Жаркий венок лета
Вниз унесло теченье.
Птичий народ – в клетках,
Ночь прирастает тенью.

Рыжим хвостом лисьим
Осень след замечает.
Ярко горят листья,
В небо рвутся, как стая.

День обеднел – время
Тает, как воск в ладони.
Спит без тепла семя,
Небо в сугробах тонет.

Волчью тоску носит
Ветер неугомонный.
Луч свой луна бросит
В окна, на пол холодный.

На островок света
Я босиком встану.
И призову лето,
В ночь на зимнюю Анну.

Земная

Мне в эдемовы не попасть края
Потому, что грешная и земная.
Потому, что здесь и сейчас – твоя.
Потому, что я – это я! И знаю,

что в сегодняшнем и вчерашнем дне,
от его рождения до заката,
ты присутствуешь, ты живешь во мне!
И не страшно, если не будет завтра.

И неважно, что там молва кричит –
твое слово в тысячу крат дороже...
У любви моей нет никаких причин,
и ее ничто отменить не может.

И никто не в праве ее судить,
и скупой Прокрустовой мерить мерой.
А иначе просто не может быть.
Потому, что ты. Потому, что верю!

Не чувствую время

Не чувствую время. Года пролетают, как дни.
Закрыты ли тучами или наполнены светом –
То все отнимают, то дарят надежду они,
Порой оставляя вопросы мои без ответов.

Сменяются веснами зимы, снегами дожди,
И в даль, к горизонту, дорог расползаются змеи.
Меняются мода и вера, герои, вожди...
Но хода событий никто изменить не посмеет.

И я не посмею. И помню, вверяясь судьбе:
От праздника жизни один только шаг до
распятья.
И, духом собравшись, борюсь, не сдаваясь беде,
И миру без страха опять раскрываю объятья.

Не помня о боли, доверившись только мечтам,
То падаю в бездну, то вдруг поднимаюсь все
выше.

Да, в поисках смысла я счет потеряла годам –
Не чувствую время. Но ритм его бешенный
слышу!

С. А. Виноградов. Яблочный цвет. 1927 г.

Улетай

Улетай, догоняй, опаздывай,
 Потеряйся в мечтах и во времени,
 Счастье спрячь, как котенка, за пазуху –
 Возле сердца, над солнцесплетением.

Возвращайся, встречай, загадывай
 Сто желаний – одно да исполнится.
 Признавайся, прощай, откладывая
 Разговоры до новой бессонницы.

Уходи, обижайся, мучайся,
 Поднимая крылья бумажные.
 Отдавайся на волю случая
 И используй попытку каждую.

Но потом не жалея, не жалуйся,
 Даже если слова царапают,
 Даже если душа сжимается
 Под когтистой и мягкой лапою.

Свобода

Ты дал мне время. Что еще желать?
 Все передумала и приняла решение,
 И научилась рано засыпать,
 И не скрывать плохое настроение,

И не искать причин, чтобы уйти,
 Молчать, не обещать, не возвращаться,
 И не бояться руку отпустить... –
 И шар земной не перестал вращаться!

Я научилась не смотреть назад,
 Не ждать гостей, не принимать подарки,
 Грустить, болеть. И ты не виноват,
 Что прошлого мне потерять не жалко.

Я просто научилась жить одна.
 Свобода – оправдание всего лишь.
 Когда поймешь, как я тебе нужна,
 Меня найдешь, и Землю остановишь!

Бальзаковский возраст

У любви моей возраст бальзаковский.
 Аромат ее сладкий – ваниль.
 Снова осень почти по-приятельски
 Назначает ей встречи свои

В старых парках, где сумерки прячутся,
 В потускневших нарядах аллей.
 У любви моей в прошлом не значатся
 Имена мной любимых людей.

У любви моей голос простуженный,
 Цвет волос – теплый свет по плечам.
 Пробираясь осенними лужами,
 Подкрадется печаль невзначай.

Гонят прочь ее воспоминания,
 Еще близких и радужных дней.
 У любви моей крылья – желания,
 Чем не сбыточнее, тем сильней

Верить хочется, что все исполнится,
 Не подступится вновь темнота.
 У любви моей ночи – бессонница,
 Каждый день – на душе маета,

Вздых нечаянный, нежность знакомая
 Непослушных доверчивых глаз.
 У любви моей сердце бездонное –
 Прячет слезы мои всякий раз,

Лишь почувствует боль притяжения
 Бесприютной и близкой души.
 Забывая о прошлых падениях,
 На свидание снова спешит.

У любви моей возраст бальзаковский,
 Вкус ее – дорогое вино.
 Только взгляд из под челки предательски
 Говорит: ей за тридцать давно.

Расстояние

Встречи и расставания –
 Это все дело случая.
 Чувства на расстоянии –
 Сердце тоска не мучает.

Не придаем значения,
 Не говорим намеками,
 Только, плывя по течению,
 Трудно не быть жестокими.

Послано испытание –
 И по воде, как посуху.
 Но на одном дыхании
 Жить не хватает воздуха.

Миримся с неизбежностью –
 Скомканное прощание.
 Сколько в объятьях нежности,
 Столько в глазах отчаянья.

В будущем наше прошлое,
 А в настоящем – трещина.
 Столько всего хорошего
 Было другим обещано.

Столько уже не сказано... –
 Спрячь в поцелуй молчание.
 Мы навсегда наказаны
 Чувствовать расстояние.

Наследник. Последний сон

Утро. Скоро проснется наследник,
 Но пока этот час не настал.
 Он не знает, что это последний
 Сон, как в книжках Жюль Верн обещал.

Вырываясь из сумрачной спальни,
 Устремляясь на зов парусов,
 Океан его снов и желаний
 Разбивает границы миров.

Приключение не выбирают:
 Плыть – так плыть, а лететь – так лететь!
 Время старым буксиром вздыхает:
 Без волшебных сапог не успеть.

Земли новые он открывает,
 Он – герой, он отважен и юн!
 И таинственный берег сверкает
 Золотистыми крошками дюн.

Цесаревич – романтик, мечтатель,
 Ждет его опустевший дворец.
 Он во сне Исполин, Созидатель,
 Победитель стихии, Творец.

Фантастическим, сказочным, древним
 Сном объят. И не знает о том,
 Что его океан белым гребнем
 Опрокинет Ипатьевский дом.

Имя

Я просыпаюсь с именем Твоим,
 И новый день рождается для света.
 Твой нежный взгляд почти неуловим –
 Не оставляет сердце без ответа.

Твой голос слышен в шелесте дождя,
 В раскатах грома молнией сверкает.
 Ничто не существует без Тебя,
 Не начинает быть, не умирает,

Не движется, не прекращает бег,
 Не одаряет спелыми плодами...
 Среди других созданий человек
 Лишь наделен небесными чертами.

И устремляя взоры в Твой предел,
 Свою надежду вкладывает в слово
 И верит: будет так, как Ты хотел,
 И только Твой закон – всему основа.

Я засыпаю с именем Твоим.
 Твоей любовью этот мир храним

Бессонница

Бессонница – и шансов никаких
Договориться с ней. А утром – кофе,
И на часах, как будто к катастрофе,
Большая стрелка движется к шести.

В метро толпа, под землю этажи,
И паника – опять забыла зонтик.
И где-то на далеком горизонте
Маячит отпуск – до него б дожить.

Звонки подруге, планы на обед –
Прогулка в парке, чай в кафе напротив.
Карандашом в журнальном развороте
Ответы на кроссворд, в кино билет.

И кажется, нет никаких причин
Грустить по пустякам – не виновата
Она, что не заметила когда-то
Единственного в череде мужчин.

Холодный дождь прозрачной льет стеной
Заставит задержаться на работе.
Отчет квартальный и бассейн в субботу,
И каждый вечер на такси домой.

На подоконнике жасмин цветет,
Друзья онлайн, котов соседских драка,
И невозможность завести собаку –
А вдруг она однажды не придет?

Не пишется

Не пишется, не плачется. Душа
Как будто в ожидании начала,
Что все, о чем когда-нибудь мечтала,
Вдруг сбудется, неверие круша.
Исполнится, остановив отсчет
Рассветов тусклых, дней пустых и вьюжных,
Что кто-то станет бесконечно нужным,
Что этот кто-то тоже очень ждет.

Случилось

Случилось, и из тысячи дорог
Пересеклись и зачеркнули – было –
Лишь две. И нам с тобою невдомек:
Откуда это вдруг? Какою силой,
Физическим законам вопреки,
В пространстве возникает напряжение?
От легкого касания руки,
От поворота плеч. И притяжение
Срывает с ритма пережитых лет,
И оттолкнуть друг друга мы не можем.
И прошлого как будто больше нет –
Есть только мы, и ничего дороже,
И беззащитнее, и бесконечней дней,
Когда не вместе, и тепло теряем.
Сжав линии судьбы в руке своей,
Не верим, точно будущее зная.

На линии огня

Знакомый голос в тишине
Звучит так резко,
И пляшут тени на стене
От занавески.
На полуслове оборви,
Мы не играем.
Мы признаемся в нелюбви –
Мосты сжигаем.
Мы, как на линии огня,
Друг друга раним,
И не пытаемся понять,
Швыряем камни.
Мы вспоминаем все грехи
И все обиды,
Без оправданий шелухи,
Друг другу выдав
Все тайны, так что не простить...
И лишь с рассветом
Поймем, что чудом пережить
Смогли все это.

Вместо сердца

Вместо сердца – дыра.
Дон Кихот заболел и умер.
Я сказала: пора.
В городском ненасытном шуме

Расставаться легко –
Отпускать, обижать, не верить.
Падать не высоко
С тротуара. Свои потери

Не копить, не считать
С осторожностью дилетанта.
Незаметно мечта
Тихой поступью Росинанта,

Оглянувшись, уйдет,
Уступая чужой фортуне.
И никто не спасет –
Дон Кихот заболел и умер.

Однажды будет такое утро

Однажды будет такое утро,
Когда ответы на все вопросы
Найдутся вдруг, и поверить трудно
Станет, что в мире этом все просто.

А жизнь казалась нам очень сложной,
Такой серьезной и непонятной,
Но мы по полочкам все разложим,
И ничего не вернем обратно.

Мы дорисуем у солнца лучик,
Сухую ветку поставим в вазу.
Так будет легче, так будет лучше,
Почти не больно, если не сразу.

Если привыкнуть, если нечасто,
Если в глаза не смотреть друг другу,
Если забыть о возможном счастье,
И не пойти по второму кругу.

Растают звезды, прольют прохладу
Дождей осенних на сонный город.

Раз не случилось, значит, так надо, –
Будет для новой надежды повод.
Я стану старше, ты станешь мудрым,
Забудем, как в метро целоваться.
Однажды будет такое утро...
И не захочется просыпаться.

Замечаю

Попрощались, встретимся не скоро.
Дни летят, наш парк уже в снегу.
Позвонишь, чтобы сказать мне снова:
«Извини, приехать не смогу».

Как я без тебя? – Грущу, скучаю
И тревожусь часто без причин.
Но с недавних пор я замечаю,
Стало больше в городе мужчин.

Коньяк

Пью кино и смотрю коньяк –
Нет, конечно, наоборот.
Только лучше, чтоб было так,
Но за окнами снег идет.
И уже не найти следов,
И совсем не понятно, как
Мне дождаться твоих шагов.
Фильм закончился – пью коньяк.

Кошка

Я стану кошкой – ты меня
Пусти к себе пожить.
Я буду греться у огня,
Из блюдца есть и пить,
Клубком свернувшись на груди,
Ночные песни петь,
И никуда не уходить,
И из окна смотреть.
И взгляд твой стану понимать
Я лучше, чем теперь.
А надоем – так ты меня...
Тихонечко за дверь.

Сдалась

Незаметно шагами легкими,
И глазами синее синего
С перламутровой поволокою,
И звучанием тихим имени,
Расставаниями, ошибками,
Прядью светлых волос – колечками,
Недосказанностью, улыбками,
Оправданиями бесконечными,
Ожиданиями, надеждами,
Беспощадным теченьем времени,
Обещаниями небрежными,
Тонких пальцев прикосновением –

Ты могла удержать, не пустить,
Но сдалась и дала уйти.

Рысь

Я знала, что не вернусь,
Я все решила сама.
Отмучаюсь, оторвусь,
Чтобы до самого дна –
Стремительно и легко,
Свободу деля на глотки.
Не остановит никто –
Подобраны коготки.
И каждый пружинит шаг,
И кровь как вино на вкус,
И умирает страх,
И ужас в твоих глазах –
Я знала, что будет так,
Я знала, что не вернусь.

Я тобой переболела

Я тобой переболела,
Я беду пережила,
Я любила, как умела,
Я жалела, как могла.

Я немножко повзрослела:
Научилась понимать.
Я немножко постарела:
Научилась забывать.

Ты уже не потревожишь
Мой усталый ровный свет.
Ничего отнять не сможешь –
Твоего здесь больше нет.
И вернуть уже не в силах
Ничего, что слово – ложь.
Даже если попросил бы,
Даже если ты придешь,

Вновь тебе я не доверю
Сердце хрупкое нести,
Не поверю, что потеряю
Перестала счет вести.
Я в глазах твоих увижу:
Ты далекий и чужой.
Почему стою на крыше?
Почему ты не со мной?

Колесо

Вдоль разбитого бездорожья
Тихий бор, как зеленый щит.
Там пронзительно и тревожно
Колесо телеги скулит.

Там качаются кроны сосен,
Птичий слушая разговор,
И дожди проливные косят
Земляничных полян ковер.

Там забытая деревенька
Утопает в густых садах,
И скрипит на крыльце ступенька,
И прозрачна в реке вода.

Там каурой худобой правит
Бородатый веселый дед.
Там нет глупых ненужных правил.
Там июнь, и мне восемь лет.

ПОЭЗИЯ

Сергей Гамаюнов (Черкесский) (Кисловодск)

Шаги по Израилю...

После суток перелета –
Долгожданный Тель-Авив.
Что в реале, что на фото –
Город призрачно красив.
По земле обетованной
Путь мой дальше, в Нацерет.
Гость залетный, хоть и званный,
Я улыбками согрет.
Мы в кофейне без кокетства
За кошерным за столом
Выпьем чаю с другом детства,
Посудачим о былом...
Солнце крупным апельсином,
Желтый жар, как липкий сок.
Шлейф песка, что плащ хамсина⁵,
Лег вдоль улиц и дорог.
Здесь богаты урожаи,
Но дается все – трудом.
Здесь ты всеми уважаем,
Коль войдешь с улыбкой в дом.
И пожнешь лишь то, что сеешь:
Мир так мир, войну – войну...
На скрижали Моисея
Я с надеждою взгляну
И коснусь камней священных:
Путь прозренья – тяжкий путь!
Искра Божья в наших генах –
Только б вспомнить,
И шагнуть...

Не сотвори...

*«На земле весь родъ людской
Чтитъ одинъ кумирь священный,
Что царитъ надъ всей вселенной:
Тотъ кумирь – телець златой».
Гете. Фаустъ. Арія Мефистоф.*

Блуждать во тьме привычен род людской.
И Моисей, конечно, свой найдетcя,
И поведет. Так было. И такой
Сюжет известен. Летопись ведется...

Царям, вождям, пророкам несть числа!
Ну, а народ – заложник лицедеев.
На свете нет древнее ремесла,
Чем ремесло героев и злодеев...

Так повелось: заблудится народ,
Ища дорогу верную к Синаю,
И на пути готов явиться тот,
Что сотворит кумира, ибо знает,

Как Аарон создал поводыря
Из золотых нательных украшений.
И все пойдут, Тельца боготворя,
Тропой надежд, исканий и лишений...

Но в том пути конец один всегда:
Война и кровь, и меч, что брат на брата...
«Не сотвори...» – у вышнего суда
Всегда готовы счет, весы и плата!

⁵ Сухой, изнуряюще жаркий местный ветер южных направлений на северо-востоке Африки (Египет, Судан) и в странах Ближнего Востока (в т.ч. в Израиле). Температура воздуха нередко превышает +40°C при штормовой силе ветра.

В тени неопалимой купины

*И Моисей сказал: «Позволь мне свернуть
и посмотреть на эту великую
достопримечательность;
почему кустарник не сгорает?»
(Исход 3:3)*

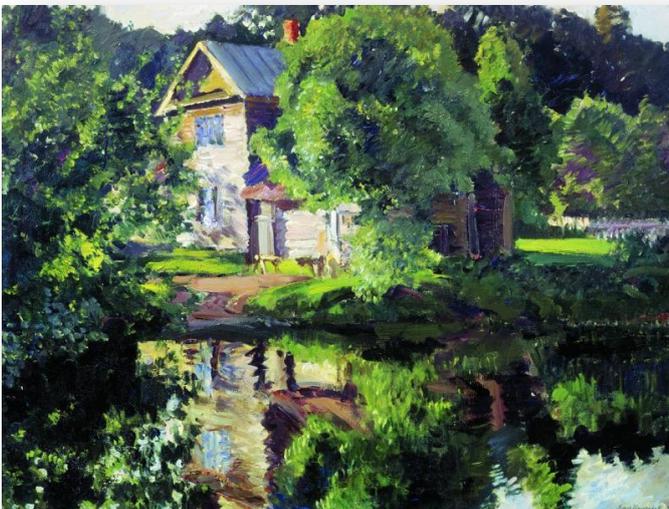
*«In the shadow of a burning bush, and in
its light, we gaze beyond the desert dunes,
Beyond the desecrated Temple ruins
Where Temple priests had once atoned our sin.
In the bush's shadow, and its light, a thin
Unbroken thread of grace is seen, which moons
Had woven here on sunless afternoons
To be a string for David's violin...»*

(By Yakov Azriel)

Терновый куст неопалимый в тени своей скрывает всех.
И пусть вокруг лежит пустыня,
Где храм в руинах был доньше, —
Здесь божий дух Отца и Сына, здесь искуплен народа грех.

Не прячет тень изящных линий, звенящих звонче всяких струн.
Здесь пел кинор в руках Давида,
Здесь меркнул горе и обида,
И благодать небесной сини вплелась в лучи вечерних лун.

Терновый куст священной веры – не поддается он огню!
Огонь тот сжег ворота Храма
И души наши жжет упрямо.
Рукам жестоким был доверен, но не спалил страну мою.
А листья влажные тернины хранят следы святых имен.
И дивный сад в песках у Храма стоит, водою напоен.

**С. А. Виноградов. Летний пейзаж.
Зофино. 1936 г.**

Осень. Октябрь
(Из цикла «Времена года»)

Слетают желтые листья, как календарные страницы.
Сжигает осень все мосты, надеясь снова возвратиться.
Иконописны небеса над белым ликом колоколен,
Рисуют тучи образа, нам всем знакомые до боли.
И словно звуки тропаря⁶ выводит ветер чуть печально...
Люблю приметы октября, что неизбывны изначально.
Развеив шаль из паутин, уходит к югу бабье лето
И сыплет в листья по пути осколки бус янтарноцветных.

С. А. Виноградов. Алупка. 1917 г.

Бабушкины пальцы

Подарила мне бабушка пальцы:
«Помни, внученька, бабку свою!
А чтоб ты не поранила пальцы,
Я наперсток в придачу даю».

Бесприданницей быть не желая,
Вышивала она рушники...
Два платочка, рубашка ночная,
Блузка, юбка, да половики –

Вот и весь незатейливый прикуп,
Все, что было в ее сундуке...
До сих пор я никак не привыкну –
Баба Ира теперь вдалеке...

Мне досталась в наследство подушка –
Кошка-рысь улеглась на кровать.
Ну а пальцы остались игрушкой:
Не понравилось мне вышивать...

⁶ Тропарь (от греч. τροπάριον – тон, лад, мелодия) – краткое песнопение, в котором раскрывается сущность праздника или прославляется святой (святые).

Поднять якоря, флибустьеры!

Не каждый мальчишка мечтал о морях,
Но все мы играли в пиратов...
«Веселого Роджера» – с черепом флаг –
Я прятал от младшего брата:

Братишка безумно любил голубей
И к книжкам был индифферентен.
Он флагом пытался не раз, хоть убей,
Шугать голубятню. Но эти

Проказы его забывались тотчас,
Как снова призыв раздавался:
«Поднять якоря! Ждут красавицы нас.
С добычей. Натягивай галсы!⁷»

В крапиве хранили мы свой арсенал:
Кинжалы, пистолы и сабли.
И каждый мальчишка, наверное, знал,
Где спрятан наш славный кораблик.

Нам гаванью бабушкин был огород,
А шхуною – старая тачка.
С задором сражался ребячий народ,
И были и штормы, и качка,

И ядрами тыквы летели в кусты,
Свистели фруктовые пули...
И с ветрами странствий мы были на «ты»,
Страшась только грозной бабули...

Мальчишечье братство крепчало в боях –
Надежное братство пиратов!
Ведь если мы вместе – не страшен нам враг.
(Бабуля не в счет, это – свято!)

И пусть возмужали мальчишки уже
Под бременем лет и карьеры –
Романтика моря осталась в душе...
Поднять якоря, флибустьеры!

⁷ Часть такелажа парусных судов, простые тросы, которыми оттягивают к носу шкотовые или галсовые углы косых парусов и крепят их.

Киевская весна

Люблю я перелистывать неспешно
Альбома пожелтевшие листы,
Где с фото так наивно и безгрешно
Взираю я из юности.
Просты

Казались мне грядущие дороги,
Заманчива – перронов череда.
Принцессами девчонки-недотроги
В той данности остались навсегда...

Мелькают Севастополь и Одесса,
Вельможный Киев, море и Дніпро,
Крещатика каштаны и Пересыпь –
Как в кадрах черно-белого кино...

Весна была,
Но разная повсюду:
У моря абрикосы зацвели,
А в Киеве – неся озноб, простуду –
Метели запоздалые мели.

Но все же о весне заговорили.
И ветер, огрызаясь, отступил.
Любимым не безделицы дарили –
Цветы несли.
И я тогда купил...

Любовь нас нежно кутала крылами,
И шли мы старой рощей вдоль Днепра,
Где Лавра золотыми куполами
Сияла от закатного костра.

Эх, снова прогуляться бы дубравой –
Наперсницей поэта-кобзаря⁸.
Но время так жестоко, боже правый,
И призрачно, по правде говоря.

Оно сжигает годы неизбежно,
Ничто пред ним заслуги и талант.
И только память трепетно и нежно
Листает нашей жизни фолиант...

⁸ Имеется в виду Т. Г. Шевченко.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Александр Балтин

(Москва)

ВАСИЛЁК И ВОДЯНОЙ

Сказка

Не каждый мальчишка может похвастаться знакомством с домашним Водяным. Василёк – может.

Он, собственно, не Василёк, а Василий, но больно не нравилось это имя и ему, и его маме.

Но отец настоял – он вообще всегда настаивал на своём.

Строго, как врач, говорил он некогда маме, а она (спустя сколько-то лет) рассказала об этом Василию, который уже был Васильком:

– Василий – значит царственный. Время сейчас жёсткое, недоброе, так пусть это имя поможет ему быть успешным.

И они – Василий и его мама – договорились, что для отца он будет Василием, а для себя самого и мамы – Васильком.

Но всё это теперь не столь интересно Васильку. Интересен ему – Водяной. Его знакомый домашний – весёлый и лукавый – Водяной, живущий в кранах, в разлёте душевых струй, в наполняющей ванну воде, живущий в тысяче различных капель и чудесных струек и, разумеется, невидимый для других.

Дело было так. Однажды, вернувшись из школы, где особенно ни с кем не дружилось, пообедав и сделав уроки, Василёк – в полном одиночестве – сидел и мечтал: «Вот бы такого друга, которого ни у кого не было! Такого, чтобы другие его и видеть не могли, и с которым весело б было, и секреты бы ему доверить любые...»

Одиночество, сколь бы полным оно ни было, всегда имеет своего гномика, собственно, вокруг него оно и существует; гномик, конечно, незрим, но слышит и видит человека, пребывающего в его силовом поле, и иногда помогает ему. Но только если человек такой, что ему стоит помогать.

И вот именно такой гномик подсказал Васильку пойти на кухню, поставить чайник, хотя мальчишке и не особенно хотелось чаю. Но гномик обладает чудесной властью – и человек подчиняется ей, даже не зная, зачем ему это нужно.

Итак, Василёк пошёл на кухню и уже было взял красный, бокастый чайник за чёрную, гнутую ручку, когда заметил у крана, у гнутой шеи его, именуемой забавно «гусёк», некое шевеленье. Мальчик не поверил сперва – он точно знал, что в квартире один, а никаких маленьких животных, какие бы могли убежать и устроиться у крана, у него не было; но пригляделся – и увидел человечка, сидевшего возле крана с красной крышечкой. Человечек был прозрачно-синим, и невозможно было понять, одет он или маленькое тельце издаёт

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

нежное, синеватое сиянье; он сидел, как уже было сказано, возле крана и болтал ножками, не то обутыми в некое подобие туфелек-ласт, не то тоже светившимися синевато.

– Удивлён? – спросил человечек, глянув на Василька, причём глаза его вспыхнули лукавыми искорками.

– Ага, – ответил Василёк, забыв про чайник, который он, кстати сказать, даже и не поднял со столешницы.

– Ещё б, – сказал человечек довольно. – Не каждый может увидеть настоящего домашнего Водяного.

– А ты Водяной? – с замиранием сердца спросил Василёк, ещё до конца не веря, что это реальность.

– А то! – бодренько отозвался человечек.

Василёк протянул – робко и неуверенно – палец: уж очень хотелось коснуться человечка, но тот, подняв ручку, помахал ею в воздухе.

– погоди, – молвил он. – Сейчас я спущусь, сделаю побольше, и тогда мы сможем познакомиться, как следует.

– А мне что делать? – не очень к месту спросил Василёк.

– Ничего, – ответил Водяной. – Отойди чуть от раковины.

Василёк отошёл, не сводя глаз с человечка, а тот ловко, как по зимней снежной горке, съехал по белому боку раковину, причём лёгкий след, чем-то напоминавший след улитки, секунду померцал и пропал, и возле самого стока, куда вечно забивается мелкая чепуха, человечек завернулся прозрачным винтом, вытягиваясь вверх и слегка брызгаясь.

Василёк отскочил, хотя совсем не боялся воды, и вот рядом с ним возник Водяной – чуть меньше мальчишки ростом.

Он был в синем костюмчике с нежными зеленоватыми разводами, крепенький, как боровичок, с забавной, впрочем, такого же цвета, как и у людей, рожицей, и очень лукавыми, синими, конечно, глазками.

– Вот, – сказал Водяной, протягивая ручку, которую хотелось назвать лапкой. – Ты, я знаю, Василёк, а я – Водяной.

Они обменялись рукопожатием. Причём у водяного ладошка, как и ожидалась, оказалась влажной, что было вовсе не противно, а приятно, и чуть щекотно.

– Ты вот об улитке подумал, когда след за мной на раковине увидел, да? – спросил Водяной.

– Да, – ответил Василёк удивлённо. – А откуда ты знаешь? Ты умеешь читать мысли?

– Мысли я умею читать иногда – когда они касаются воды, и разных существ, связанных с нею. Но вообще мысли обитателей квартир читать совсем не сложно – они простенькие очень и совсем одинаковые. Но дело не в этом. Я просто знаю, что когда я маленький и съезжаю по раковине, то остаётся коротко светящийся след.

– А я никак не мог понять, – сказал Василёк – ты одет или это такое вокруг тебя свечение?

– Я могу и так и так, – ответил Водяной. – Когда я маленький, я свечусь, а когда увеличиваюсь, на мне появляется эта водяная одежда.

**С. А. Виноградов. Сад. 1910 г.
Бумага на картоне, смешанная техника**

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Почему водяная?

– Потому что я Водяной. Но если ты будешь бесконечно прерывать меня, мы никогда не дойдём до улитки.

– А мы должны дойти до неё?

– Конечно. Ибо все улитки, которых ты встречал до этого, вовсе не улитки, а так, мелочь, чепуха пузатая.

Василёк стал вспоминать разных улиток, которых ему доводилось видеть – на даче, ползущих по листьям, в прудах, в аквариумах знакомых...

– И не вспоминай, – прервал его Водяной, и Василёк вспомнил, что тот легко читает мысли, связанные с водными существами. – Всё это – не улитки. Вернее, не настоящие улитки.

– А какие настоящие? – полюбопытствовал мальчик.

– Настоящая улитка, – и Водяной поднял назидательно палец, – та, что имеет домик, в какой могут зайти её друзья.

– Ух ты! – восхитился Василёк. Он никогда не слышал, что улитки бывают настоящими и ненастоящими.

– И тебя, раз ты в меня веришь, – и лукавые искорки полетели, вернее, поплыли по воздуху, поскольку водяной посмотрел на мальчишку, – я возьму в гости к одной из настоящих улиток.

– Правда? – обрадовался мальчишка.

– Конечно правда. А иначе зачем я здесь?

– И как же поедим к этой настоящей улитке?

– На водном транспорте, конечно, – важно произнёс Водяной. – К настоящей улитке иначе никак не добраться.

– А где мы возьмём такой!

– Ох, какой любопытный мальчишка! Впрочем, конечно, другой бы меня не увидел. – Тут Водяной коснулся чайника. – Транспортom будет он, ведь мы познакомились с тобой благодаря ему.

И тут из носа чайника вырвался пар, хотя он стоял всего лишь на столешнице, а не на плите. Пар разлетелся тысячей загадочных брызг, окутал чайник, и он стал меняться на глазах – бока его разошлись в стороны, нос вытянулся вперёд, недра раскрылись, и внутри, оказалось, есть уютные – синенькие, конечно, – сиденьца.

Кухня тоже слегка увеличилась, и чайник – размером с маленькую лодку – пробасил:

– Ну, поплыли?

– Вот здорово! – восхитился Василёк. – У нас будет говорящая лодка.

– Я не лодка! – обиженно пробасил чайник. – Я чайник, временно ставший лодкой.

– Прыгай! – скомандовал Водяной.

И они прыгнули одновременно.

– Какие мягкие сиденья, – Василёк ещё несколько раз – осторожно и аккуратно – подпрыгнул на синеньких подушка.

– А то, – сказал Водяной, махнув ручкой.

И тотчас кран – такой обычный, скучный кран – вытянулся, как хобот слона, раскрылся, как ворота, и зазвучала тихая музыка синевато-серой, похожей на речную воды.

Вода качнулась, чайник, временно ставший лодкой, легко взлетел и сразу же приводнился, мерно покачиваясь, постоял минуту-другую, и поплыл сам собою, легко и свободно.

– А далеко ли плыть до настоящей улитки? – спросил Василёк нового знакомого.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Это зависит от самой улитки. Они бывают двух видов – совсем настоящие и настоящие понарошку. Те, какие понарошку, только делают вид, что они настоящие, они совсем неинтересны, но настоящие... о, это чудесные улитки...

– Так к какой же мы плывём? – слегка запутался Василёк

– К самой что ни на есть настоящей! – гордо молвил Водяной. – Разве повёз бы я тебя к другой?

Берега вокруг текли и переливались многокрасочно. Длинные лианы тянули свои зеленоватые руки к геометрическим плодам, росшим на деревьях, чьи странные формы не могли не повеселить. Василёк глядел, как один подвижный треугольник, оторвавшись от ветки, покачнувшейся слегка, увернулся от лапки лианы и, проскользнув в толстое тело круга, растворился в пространстве.

– Ну и ну!

Водяной коротко усмехнулся.

– Тебя больше не интересует далеко ли до настоящей улитки?

– Интересует, конечно, – откликнулся Василёк. – Но тут вообще столько всего интересного!

– Так вот: настоящие улитки живут везде, – авторитетно сказал Водяной.

– То есть? – переспросил Василёк, наблюдая за манипуляциями ромба: тот стремился нанизаться на красную светящуюся пирамиду, что никак – ну совсем никак – не удавалось.

– То есть мы можем приплыть в любой момент. Или отодвинуть этот момент.

– А разве момент можно отодвинуть?

– Вообще это зависит от самого момента. Бывают, конечно, особо упрямые. Но наш – покладистый. И мы его легко отодвинем. Итак, если тебе надоело плыть, то мы уже приплыли.

– А мне не надоело, – сказал Василёк.

– Тогда поплаваем ещё немножко.

– А нельзя ли заманить какую-нибудь из фигурок к нам в лодку?

– Попрошу не забывать, – басовито напомнил чайник, – что я чайник, временно ставший лодкой.

– Конечно, конечно, извини, – быстро сказал Василёк.

– Можно, – ответил Водяной. – Вон тот квадрат, по-моему, вполне подходит на роль гостя прогулки.

– А бывают такие гости?

– Бывают. Гости бывают всякие. – И Водяной обратился к шустрому квадрату, перепрыгнувшему только что катившееся куда-то кольцо.

– Уважаемый квадрат, не угодно ли?..

– Угодно, – прервал его нагловатый квадрат, сделал длинный прыжок и оказался между Водяным и Васильком.

– Всем привет, – крикнул он, одной из сторон своих снимая шляпу, которую раньше не было видно. – Я квадрат, что понятно, а вы?

Друзья представились.

– А плывём мы, – сказал Василёк, – на чайнике, временно ставшим лодкой.

Чайник басовито погудел.

– А куда плывёте? – спросил квадрат.

– Мы плывём к настоящей улитке, – с гордостью сказал Василёк, помня, что немногие знают настоящим улиток.

– О-о-о! – протянул квадрат и подбросил вверх свою шляпу. Та взмахнула крылышками и полетела за неуёмным кольцом. – Тогда стоит спеть!

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

И он затынул:

*Мы плывём, мы плывём, в гости мы плывём к улитке,
Никакой, никакой вовсе нету здесь ошибки –
Нету совершенно никакой.
Ждёт ли нас? Нет, не ждёт никого вообще улитка,
Ничего, раз добра, нету никакой ошибки,
Никакой, никакой
Вовсе нету здесь ошибки.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля,
Тру-ля, тру-ля, тру-ля-ля...*

При этих «тру-ля-ля» квадрат поймал из воздуха шляпу, так никого и не догнав, дважды подкинул её и окончательно отпустил на волю.

– Не хотите ли с нами к улитке, уважаемый квадрат? – спросил Водяной несколько церемонно.

– Нет, благодарю, – ответил тот. – Я был у неё вчера. И к тому же мне надо решить проблему с треугольником. Он сильно зазнаётся, будто забыл, что у него только три стороны, а у меня – четыре. К тому же надо догнать кольцо.

– Тогда мы приплыли, – сказал Водяной.

– Прощайте, – весело крикнул квадрат. – Приятно было познакомиться.

Он выпрыгнул за борт и, весело брызгаясь, покатился по реке.

– Как же мы приплыли? – Спросил Василёк.

– А вот так, – ответил Водяной.

И Василёк увидел: в тени дерева, чьи корни уходили прямо в воду, а крона упиралась в небо, цветасто составленное из разных геометрических фигур, находился домик, напоминавший раковину, и над овальным входом была надпись: «Дом настоящей улитки».

Они сошли на берег, и трава прошелестела им приветствие.

– Траве необходимо ответить, – сказал Водяной. – Жаль, что мы не захватили для неё гостинец.

Чайник, издав довольно сложный гудок, быстренько свернулся и принял свой изначальный вид.

– А это, – после того как они поприветствовали траву, сказал Водяной, – гостинец для улитки.

И он подхватил – ловко и кругло – первоначальный чайник.

– Как? – растерялся Василёк. – А на чём же мы поплывём назад?

– Не беспокойся, – басовито ответил чайник, – чайники вроде меня, то есть настоящие чайники, умеют отбрасывать тень. Тень эта подождёт вас и послужит вам лодкой.

С. А. Виноградов. В саду. 1910.

Холст, масло

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

И действительно: на траве обозначилась приятная серая тень, несколько продолговатая и уютная.

– Я подожду, – подтвердила она.

Водяной позвонил.

Улитка, напоминая уютную бабушку в чепчике, из которого мило поднимались мягкие рожки, и в сереньком платьице, плавно отворила дверь.

– А, это вы, – пропела она. – Заходите, заходите. Я почему-то так и подумала, что это вы.

– Мы привезли вам чайник, досточтимая настоящая улитка, – молвил Водяной, протягивая ей чайник.

– Чудесно, чудесно. – Голос у улитки был округлый и влажный. – Тем более что вы уже плыли на нём и, значит, опыт его обогатился. А чайники с обогащённым опытом всегда интереснее просто чайников. Ну, прошу.

И они проследовали в единственную, тоже округлую, но совершенно не влажную, комнату настоящей улитки. Стол был, естественно, зелен, и стульев вокруг него – точно три. Под балдахином из чего-то зелёного, слегка качавшегося, располагалась постель, а мебель, низенькая, коричневая – комоды, шкафы и прочее, – стояла, как ей и полагается, вдоль стен.

Чайник поставили на тумбочку, и он закипел сам, бодро выбросив струйку пара.

Тут же весёлым рядом вылетели из комода чашки, ложки, сахарница и разместились аккуратно на столе. А варенье улитка достала сама.

– Варенье требует особого отношенья, – пояснила она. – Никуда не годится, если оно обидится. Обиженное варенье становится горьким и вообще может уйти из дома.

– Как же оно уйдёт? У него же нет ножек... – усомнился Василёк.

– Это совершенно неважно, – пояснила Улитка. – У обиженного варенья вполне могут вырасти лапки, и оно пойдёт искать себе другого хозяина.

Улитка предложила садиться. Взлетевший чайник наполнил чашки, причём из носика его лился самый настоящий карминно-крепкий чай, а вовсе не кипятки; и они расселись, раскладывая по розеточкам – те проступили на столешнице сами, без напоминанья – варенье.

– Думаю, – сказал Водяной. – Нашему другу будет интересно узнать, из чего оно.

– О, это особое, улитковое варенье, – с гордостью произнесла улитка. – Его рецепт перешёл ко мне от бабушки, а той... Уже сложно сказать, от кого. И главная его особенность заключается в том, что никто не знает, из чего оно.

– Как же так? – растерялся Василёк.

– Очень просто. Вы ставите пустую банку в комод и очень просите варенье – тут главное не просто попросить, а очень попросить, – чтобы оно поселилось в нём. В зависимости от силы просьбы оно появляется или на другой день, или через месяц...

– Или вообще никогда, – закончил Водяной. – Я слышал про это улитковое варенье. Но главное – у него такой вкус, какой тебе хочется.

– Правда? – обрадовался Василёк, скорее зачерпывая ложечкой массу. – О, – довольно зажмурился он, – клубника.

– А у меня, – деликатно пробуя, сказал Водяной, – вода.

– Как вода? – не понял Василёк.

– Ну, я же не питаюсь ничем, кроме воды, – пояснил Водяной. – Только в качестве варенья у меня особенно густая вода.

– А что у вас? – вежливо поинтересовался Василёк у улитки.

Улитка зажмурилась, точно прислушиваясь к ощущеньям.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Никак не привыкну к его свойствам, – призналась она. – Иногда оно напоминает по вкусу цветы кувшинки, иногда становится совсем безвкусным. Сейчас... пожалуй, оно походит на вкус треугольника.

– А разве треугольники едят? – удивился Василёк.

– Да, но только треугольники. Ни в коем случае нельзя есть ромбы, квадраты и прочие фигуры, а треугольники весьма легки и приятны на вкус.

– А с нами плыл один квадрат, весёлый такой, у него была шляпа, и он пел песенку, – сообщил Василёк.

– Я знаю этот квадрат, – сказала улитка. – Он, бывает, заходит ко мне в гости. Иногда рассказывает забавные истории. Правда, в последнее время зациклился на кольце, которое он должен почему-то догнать. Втемяшилось ему в голову...

– Разве у него есть голова?

– Не знаю, – честно призналась улитка. – Но думает же он чем-то, когда распевает песенки.

– Дорогая улитка, – сказал Водяной, прихлёбывая чай, – многие существа способны думать желудком, ногами или другими частями тела. Так что я не стал бы утверждать, что у квадрата есть голова.

– С другой стороны, – задумчиво произнёс Василёк – я никогда не встречал квадратов с ногами или желудком.

– Бывают невидимые желудки, – авторитетно пояснила улитка. – У треугольника он, например, может помещаться в самом его центре. Но ноги ему действительно ни к чему – он и без них шустро двигается.

– А вот мне интересно, уважаемая улитка, – произнёс Василёк, – как же вы раньше пили чай, если у вас не было чайника.

– О, это совсем не сложно, – пояснила улитка. – Во-первых, у меня было несколько чайников – поочерёдно, не сразу. Но все они обиделись – чайники вообще обидчивый народец – и ушли. У обиженных чайников, как и у обиженного варенья, тотчас отрастают ножки. Они думали, что лишат меня возможности пить чай. Но не тут-то было! Мои друзья – водяные лилии и кувшинки, которые столь добры, что позволяют мне иногда полакомиться своими частями, – охотно производили чай для меня. Они умеют выращивать его, прямо горячий, карминно-красный, в недрах своих цветков и щедро делятся с друзьями.

– Хотел бы я попробовать такой чай, – мечтательно протянул Василёк.

– Увы, – отозвалась улитка. – Этот чай только для настоящих улиток.

– Вот видишь, – обратился Водяной к Васильку, – как мы угадали с нашим подарком.

– Да, – молвила улитка, – нет ничего важнее, чем угадать с подарком. Но, друзья мои, – спросила она, – мне любопытно, куда вы плыли вообще? Был ли у вас маршрут?

– Нет, никакого, – честно признался Василёк.

– Ну как же, – заметил Водяной. – Маршрут, конечно, был, просто ты его не заметил. Маршрут – уплыть от одиночества, гномик которого может дать замечательные подсказки.

– А, этот гномик известен мне, – воскликнула улитка. – Он иногда заходит, рассказывает всякие истории.

– Значит, вы видели его? – спросил Василёк.

– Нет, увы, его невозможно видеть. Да и слышать, что он говорит, можно только в себе.

– Я слышу, – сказал Василёк. – Такое нежное что-то. Иногда, правда, очень скучное, сероватое...

– Главное – слышишь, это уже хорошо.

Чай закончился, и улитка спросила:

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Но куда же вы планировали отправиться, навестив меня?

Василёк пожал плечами.

– Куда? – переспросил Водяной. – О, это просто. Чудесная наша водная тропка сама приведёт куда-нибудь. Если, конечно, Василёк захочет плыть.

– Я? Я? Здорово! Только и мечтаю об этом.

– Тогда, – сказал Водяной, – отправимся, не будем тянуть. Спасибо за чай, дорогая улитка, и всего хорошего.

Улитка, двигаясь привычно плавно, проводила их до дверей и объяснила, что улитки, особенно настоящие, вообще не любят покидать своего домика.

Потом улитка стояла и смотрела, как Василёк и Водяной подошли к терпеливо ждавшей их тени чайника, и та стала расти, плавно стекая в воду, покачиваться, превращаясь в удобную лодку; и когда они устроились на подушках, Василёк помахал улитке рукой, а она в ответ прощально качнула рожками.

– Какая она милая, – сказал Василёк.

– Настоящие улитки все милые, – объяснил Водяной. – Они никогда не ворчат и всегда всех угощают чаем. Если у них, конечно, есть чайники.

Серая вода переливалась синими не крупными волнами, иногда вспыхивала майской зеленью, а то вдруг отливала золотом августа, и Василёк поинтересовался, куда они на этот раз.

С. А. Виноградов. Пруд. 1918 г.

верит, ни один Водяной никогда не решится. Таково наше правило.

– А есть ещё и другие?

– Есть, – ответил Водяной. – Но они – неинтересные. Вон, глянь, – тут же показал он на облачко брызг, двигавшееся довольно быстро. – Это же наш знакомый – квадрат.

И точно, быстро-быстро, как маленький пароходик, им навстречу мчался квадрат.

Когда поравнялись, он развернулся, и они поплыли рядом.

– Вам удалось догнать кольцо, уважаемый квадрат? – поинтересовался Василёк.

– Нет, – ответил квадрат, отфыркиваясь. – Всё время убегает куда-то.

– А зачем оно вам вообще?

– Пожалуй, – задумчиво сказал Водяной, чуть увеличившись в размерах, – я познакомлю тебя с весёлыми креветками.

– А почему ты стал больше?

– Разве? – отозвался Водяной, принимая прошлое обличье. – Я и не заметил. С Водяными, когда они задумаются, такое случается – то они чуть вырастут, то уменьшатся.

– Только не уменьшайся, – попросил Василёк. – Если ты уменьшишься, а потом исчезнешь, то как же я попаду домой.

– О, об этом не беспокойся, – твёрдо пообещал Водяной. – Бросить тебя я не могу. Потому что ты веришь в меня. А бросить того, кто в него

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– А я хочу спросить, – не замедляя хода, сказал квадрат, – как мне стать кольцом. Думаю, оно не хочет отвечать, вот и убегает постоянно.

– А зачем?

– Зачем убегает? Ну я же сказал, чтобы не отвечать.

– Нет, зачем вам становиться кольцом?

– А мне надоело быть квадратом. Представляешь, какая тоска – всё время квадрат да квадрат. Даже песенки не помогают. Думаю, поискать его за домиком улитки, это вредное, как повидло, кольцо.

– Разве повидло бывает вредным?

– Повидло-то? Конечно. Вот варенье – никогда.

– Ладно, поплыву, – и квадрат развернулся на ходу. – Пока.

Вода вспенилась, он пропал на миг, но тут же вынырнул, и быстро-быстро, как маленький пароходик, помчался... вернее, поплыл...

– Итак, креветки, – сказал Водяной, зачерпнув воды и плеснув ею себе в лицо. Капельки прошли сквозь кожу, и на секунду лицо Водяного сделалось румяным от счастья. – Как ты понимаешь, креветки очень не любят, когда их едят. Особенно если это весёлые, жизнелюбивые креветки. Поэтому, в отличие от настоящих улиток, которые живут везде, креветки прячутся. Опять же весёлым креветкам тягостно одиночество, даже если они распевают внутри него, шевеля усиками. Именно поэтому живут они в основном парами – пара тут, пара там. Иногда можно все глаза проглядеть, выискивая их: по всем признакам, тут должны быть креветки, а их почему-то нет. Но мы найдём. Не переживай.

– Найдёте, конечно, – промолвила лодка, которая раньше была тенью чайника. – Тем более что одна пара живёт вон там.

– Где? – спросил Водяной. – Ты не могла бы сказать точнее?

– Там – это означает там. А не здесь, и не тут.

– Ну хотя бы рукой покажи.

– Я показала бы, – несколько обиженно сказала лодка. – Но у меня нет руки. А там – это значит приплыли.

И она остановилась посередине водной тропы, покачиваясь недовольно.

– Ну вот, стали, – разочарованно протянул Василёк.

– Стали потому, что надо, – сказала лодка. – Прислушайтесь.

Друзья прислушались.

И услышали:

*Мы весёлые креветки,
Наши усики, как ветки,
Ими шевелим всегда,
Чтоб не смыла нас вода.
Мы креветки, мы креветки,
Нам не нравятся объедки –
Только чистая вода
Наша милая среда.
Мы весёлые креветки,
Хоть отчасти привередки –
В грязной не живём воде
И не верим ерунде.*

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Распевают, – сказал Водяной. – Значит, они тут.

– Ещё бы, – отозвалась лодка. – Если есть песня, значит, будут и креветки. Не бывает же песня без креветки.

– Уважаемые креветки, – обратился Водяной прямо к воде. – Не могли бы вы показаться? Я бы хотел вас познакомить со своим другом. Он очень милый и воспитанный мальчик.

– Не-а, – послышалось из-под воды. – Лучше прыгайте сюда, к нам.

– Как же мы прыгнем к вам? – удивился Водяной. – Василёк же не сможет дышать под водой.

– Вот ерунда. Почему это? Надо просто представить, что вода – это воздух. Ну, давайте, прыгайте.

И друзья прыгнули.

Василёк усиленно представлял, что вода – это воздух. И – получилось. Дышалось легко и славно, как на природе, за городом.

Спустились к креветкам быстро. Те, как на креслах, сидели в углублениях больших коряг.

– Тут есть ещё несколько углублений, – сказала одна из креветок, покрупнее. – Вы можете сесть.

Друзья сели.

– Вот и славно, – сказала одна из креветок. – Мы бы вас чем-нибудь угостили, но у нас тут и у самих ничего нет.

– Чем же вы питаетесь? – любопытствовал Василёк.

– Той же водой, – ответила креветка.

Нагнувшись к Водяному, Василёк спросил его – тихо, чтоб не услышали креветки:

– Нужно бы узнать, как их зовут.

Водяной согласно кивнул.

– Уважаемые креветки, – сказал он. – Вот мой друг интересуется, как вас зовут. Согласитесь очень неудобно всё время называть вас просто креветками. Не говоря уже о том, что это было бы невежливо.

– А нас так и зовут – креветки, – ответила одна.

– И так же вы обращаетесь друг к другу?

– Ну да, – молвила та же. – Нас тут только две, так что не перепутаете.

– А что вы делаете целыми днями?

– Сидим в креслицах, – весело отвечала вторая креветка. – И горланить наши песенки.

– И много их у вас?

– Порядочно. Но главное, что это порядочные песенки. Например, вот эта.

И они заголосили:

Преста-вреста-преста-та,

Под водою красота,

ни тебе ужасных

хищных птиц опасных.

Ни жуков грозящих,

Ни забот манящих.

В общем, преста-вреста-та,

Под водою красота.

– Упс! – закончила уже одна из них.

– А что, «Упс!» нельзя петь вдвоём? – спросил Василёк.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Нет, конечно, – ответила креветка, но не та, что пропела «Упс!». – Вдвоём «Упс!» петь нельзя. Он может оскорбиться за раздвоенность, превратиться в кого-нибудь и уплыть.

– Или уйти, – предположил Водяной.

– Нет, – сказал креветка. – Под водою ходить нельзя, только плавать.

– Так или иначе, – подытожила другая креветка, – но «Упс!» вдвоём не поётся. В этом его особенность.

– А ведь, – лукаво улыбнулся Водяной, – вы были неправы, говоря, что нечем нас угостить. Вы угостили нас песенкой.

– Ну, если вам понравилось, чудесно! – произнесли креветки хором.

И одна – верно, она была любопытней – спросила:

– И как вам песенка на вкус?

– Славный вкус, – ответил Василёк. – Напоминает варёную креветку.

Он тут же спохватился, хлопнул себя по лбу – оказалось, в воде это сделать вовсе не сложно – и извинился, говоря, что не это имел в виду.

– А мы не обиделись, – сказала одна из креветок. – Мы очень умные креветки и знаем, что обида разъедает душу. Душа становится губчатой, по фактуре напоминающей изношенное лёгкое, а зачем нужна такая? К тому же часто мы поём сюжетные песенки, а те, кто поёт сюжетные песенки, никогда не обижаются.

– Это какие, например? – поинтересовался Водяной.

– Ну, хотя бы эту, – ответили креветки хором, точно готовясь, и запели:

*Дикотаса-бур-бур...
 Дермалиновый тужур
 В гости к букре спешает,
 Нежно ушками моргает.
 Букря маленькая ждёт,
 И готовит вкусный йод.
 Йод приправит повиликой,
 Сушкой, золотой клубникой –
 Будет вкусно им вдвоём.
 Мы же песенку поём.
 Дикотаса бур-бур...
 Жил подводный дикий щур –
 Щурился на всё на свете,
 И его боялись дети.
 Ох, недобрый этот щур
 Дикотаса-бур-бур...
 Съест такого щура щука,
 Будет всем другим наука –
 Не гляди на свет вокруг
 С прищуром недобрый, друг...*

– Хорошая песенка, – сказал Василёк. – Но у меня есть замечание.

– А мы всегда готовы выслушать замечанья, – заметила одна из креветок. – Порой они помогают.

– Вот вы поёте: «будет всем другим наука», а потом – идёт слово «друг». К кому же вы обращаетесь: ко всем или к вашему другу?

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– О, это совершенно неважно, – ответила одна из креветок. – Главное, обратиться хоть к кому-то. К тому же друг может рассказать другим друзьям, и те разнесут нашу песенку по всему свету. И все будут знать, что с прищуром не стоит глядеть вообще. Конечно, если этот прищур недобрый.

– А если добрый? – спросил Василёк.

– Тогда сколько угодно.

Лиловая тень проскользнула рядом.

– Знаете, – сказал Василёк, – мне кажется, мимо нас проплыл добрый прищур.

– Конечно, – ответила креветка. – Он часто тут плавает.

– Но вот что мне интересно, – Василёк поглядел вокруг. – Мы уже довольно давно у вас гостим, а ни одна рыба не проплыла мимо. Как так может быть?

– Очень просто, – отвечала креветка. – Это наш, креветочный уголок, и рыбы тут не плавают. Бывает, впрочем, иногда. Вот хотя бы сом. Он старый, большой и мудрый и никогда не попадает в неприятные ситуации. Вот, кстати, и он...

И точно: из лёгкой дымки воды появилась большая – усатая и лобастая – голова.

– Здравствуйте, – молвила рыба. – Кажется, вы говорили обо мне?

– Да, если вы сом, – ответил Водяной.

– Конечно, – ответил сом с достоинством. – Неужели вы, Водяной, не отличите сома от не сома?

– Я отличу, конечно, – сказал Водяной. – А вот мой друг, Василёк, может и спутать. – И он кивнул на Васильку.

– Правда? – поинтересовался сом, поворачивая большую голову в его сторону? – Тогда запомни, дружок: сом отличается от не сома, как я от не я.

– А чем отличается я от не я? – спросил Василёк, любясь плавными очертаниями большой рыбы.

– Я делает только хорошее, – объяснил сом. – А не я вечно подбивает его сделать гадость какую-нибудь – соврать там или испортить что-нибудь...

– А-а-а, – протянул Василёк, думая, что тут, под водой, всё так же, как дома, на суше...

– А мы, – сказал он неожиданно для себя, – были в гостях у улитки. У настоящей улитки, – добавил он, спохватившись.

– Это дело, – сказал сом. – Я порой тоже навещаю её.

– Интересно, интересно, – сказал Василёк. – И как же это происходит?

– Очень просто, – ответил сом. – Я подплываю к берегу, высовываю голову, и улитка наливает мне чаю. Мы пьём чай и беседуем.

– А знаете, – сказал Водяной, – мы тоже пили чай и беседовали.

– Естественно, – молвил сом. – А как же ещё может быть?

– А мне вот интересно, – спросил Василёк, – как же вы можете дышать вне воды?

– Очень просто. Ты же ведь дышишь под водой.

И правда, подумалось Васильку.

Тень пала на них, серая и серебристая одновременно.

– О, – протянул Водяной. – Это наша лодка напоминает, что пора бы и честь знать, как говорится...

Креветки полюбопытствовали, кем была их лодка до того, как стала лодкой.

– Тенью чайника, – сообщил им Василёк.

– Тогда неудивительно, что она отбрасывает тень, – резюмировала одна из креветок.

Стали прощаться.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Сом заявил, что был бы рад видеть их вновь, и даже ради этого лишний раз готов навестить улитку, хотя вообще-то боится быть надоедливым. Креветки тоже приглашали, обещая к следующему их визиту сочинить много новых песенок.

Друзья благодарили, Водяной даже выглядел растроганным.

Они, распрощавшись, оттолкнулись от кресел, и точно взмыли вверх.

Лодка предупредительно слегка наклонилась, но осторожно, так, чтобы не зачерпнуть воды, и приняла их на борт, вернее – на подушки.

Что удивительно, друзья были абсолютно сухими.

– А ничего удивительного нет, – констатировал Водяной. – Когда выходишь от друзей – от настоящих друзей – с тобой ничего плохого не может случиться. А быть мокрым – плохо.

– Ты же Водяной, – удивился Василёк. – Разве для тебя быть мокрым плохо?

– Плохо это для тебя, – пояснил Водяной. – А раз мы друзья, что плохо для тебя, то плохо и для меня.

Лодка тихо плыла вперёд.

Внезапно она сказала:

– Извините меня, но...

– Что такое? – забеспокоился Василёк.

– К сожаленью, мне пора возвращаться в состояние тени.

– А как же...

– Не беспокойся, дружок, – произнёс Водяной. – Конечно, конечно, милая тень, мне понятно ваше желание. Трудно долго быть не самим собой. О нас не беспокойтесь – мы отправимся к старому джинну, и он доставит нас домой. Не думаю, чтобы он отказал нам в этом.

Лодка подплыла к берегу, чуть накренила нос, и друзья вышли, легко и спокойно, не замочив ног. Серые языки воды нежно наплывали на берег, и в них резвились крошечные пузырьки.

– Вот кто нам нужен, – сказал Водяной.

– Не понял, – произнёс Василёк.

– Пузырьки, – пояснил Водяной.

Он помахал ладошкой, и несколько маленьких перламутровых шариков выскочило из воды. Все они легли на ладошку Водяного, и он, ласково дунув на них, спрятал их в карман. Лодка стала таять на глазах, уменьшаться... и вот серая тень легла на синюю воду, тень, имеющая очертания чайника, и из неё послышалось:

– Прощайте, друзья, прощайте, рада была познакомиться с вами и оказать вам эту пустяшную услугу.

– Прощай, лодка, – сказал Василёк.

– Прощай, милая лодка, – сказал Водяной уплывающей тени и, обращаясь к Васильку, пояснил:

– Нужно было добавить к слову «лодка» что-нибудь ласковое. Запомни, дружок, всем и всегда надо говорить нечто ласковое.

С. А. Виноградов. Сбор грибов в лесу. 1927 г.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Даже тем, кто недружелюбен к тебе?

– Им особенно. Они изменятся тогда, ибо их недружелюбие растворится в твоей ласке. – А теперь идём, – сказал он. – Джинн заждался.

– Разве он ждёт нас? Он даже не знает, что мы к нему идём.

– О, мой дружок, джинны всегда знают всё. Этот особенно.

– Почему?

– Потому что он очень стар, и у него нет больше сил любить себя. Только других.

Они прошли по золотистому песку, который перемигивался с ними, вступили в милое царство изумрудной травы, поприветствовали её и, как и полагается, подошли к тёмной, старой, мхом покрытой лампе, лежавшей на земле.

– Тут? – спросил Василёк.

– Ага, – ответил Водяной. – Разве ты не знаешь, что джинны живут только в лампах?

– А вот и нет, – послышалось из воздуха. – Я теперь могу жить везде, ибо я очень стар и не имею никаких желаний.

– Это ты? – спросил Водяной.

– Конечно, – отвечал воздух. Небольшая часть его сгустилась, и джинн – в синенькой курточке, маленький, ростом не больше куста, в забавных раздувающихся панталончиках и, естественно, с белоснежной серебристой бородой – возник перед ними.

– Здравствуйте, – поздоровался Василёк очень вежливо, ибо никогда ещё не видел джиннов и не знал, как держаться с ними. – А у меня к вам вопрос.

– Только один? – улыбнулся джинн, и с лысой головы его посыпались звёздочки, хотя был день... ну, по крайней мере, светло. – Обычно у всех ко мне масса вопросов. Впрочем, я давно не общаюсь со всеми. Итак, что же ты хочешь спросить?

– А вот вы сказали, что не имеете никаких желаний. Разве это хорошо?

– Конечно, мальчик. Желания питаются тобой, а не ты ими. Они такие мутные, сонные, и им всего вечно мало. А когда их отгонишь от себя, ты поймёшь, как ярко светит солнце и как прозрачен воздух, и тогда у тебя останется одно только желание – помогать другим.

– Правда? – недоумевал Василёк.

– Неужели ты думаешь, что такой старый джинн, как я, будет тебя обманывать?

– Нет, просто...

– О, ты ведь всего только маленький мальчик, к тому же впервые путешествующий всерьёз... Ты ещё не можешь знать, что помогать другим – это единственная радость на свете. Но, я надеюсь, ты узнаешь это со временем, узнаешь обязательно, ибо если тебе это не удастся...

– Ой, джинн, – прервал его Водяной так, будто они были старыми приятелями, – не путай моего маленького друга.

– Почему же только твоего? – удивился джинн. – Нашего.

– Ладно, если Василёк не против – нашего.

Джинн потеревил чуток свою прекрасную серебряную бороду, и сказал:

– Итак, вас надо отправить домой?

– Да, – молвил Водяной.

– Чудесно, – сказал джинн, ибо всё было чудесно: и солнышко, золотым кружком сиявшее высоко-высоко, и река, серо-синевато текущая так, будто была лишена течения, и изумрудное царство травы, о котором стоило бы написать особо, и...

– А, мы забыли, – воскликнул Водяной. – Мы ж принесли тебе шарики.

– Да ладно, – сказал джинн. – Разве можно забыть нечто важное?

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Водяной сунул руку в карман, вытащил оттуда несколько перламутровых шариков, и они заиграли, заискрились на солнце...

Он протянул их джинну, и тогда...

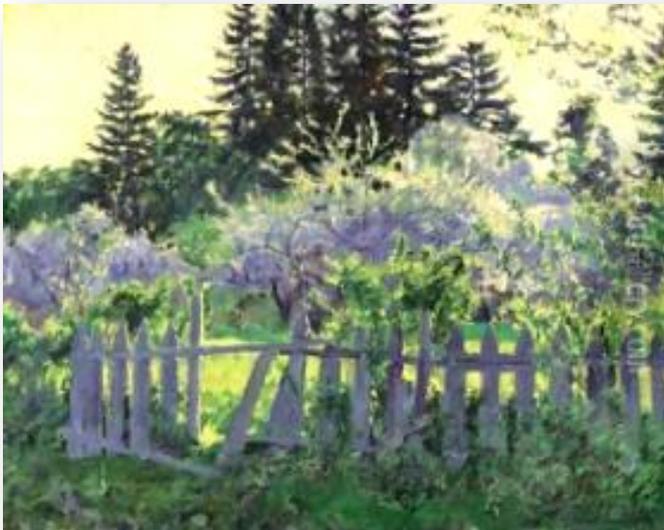
Каждый шарик был превращён в замечательную зверушку, пушистую ли, нежную, зубастую – не страшно зубастую, а забавно, – с тонкими крылышками или вьющимся хвостом. Зверушки эти, умевшие и летать, и бегать, и плавать, радостные, как будто нигде, никогда нет и не было бед, разбегались, или разлетались, или расплывались – кто, как хотел, благодаря джинна кто помахиваньем крыльев, кто причудливым зигзагом хвоста, кто словом, мерно тающим в воздухе.

– Теперь пора, – сказал джинн, когда все зверушки исчезли. – Вы готовы?

– Конечно, – ответил Водяной, беря за руку Василька.

Джинн возгласил:

– Три-четыре, может, встретимся ещё мы в этом мире!

С. А. Виноградов. Сад с сиренью

И тотчас закружилось всё, завертелось. У Василька появилось чувство, что он летит и плывёт одновременно, чувство сладкое, как варенье настоящей улитки, и забавное, как пенёк креветок, чувство, которое хотелось бы продлить, но оно закончилось, закончилось сразу и резко, и появился двор, столь знакомый двор, старый, любимый.

Водяной стоял рядом и держал Василька за руку.

– Значит, всё было на самом деле? – спросил мальчик.

– Конечно, – ответил водяной. – Ничего никогда не бывает понарошку.

Огорчился Василёк или обрадовался?

Кусок шланга, валявшийся около куста сирени, обратился в нестрашную змею и, плюнув – вовсе не презрительно – водою, отполз, чтобы не мешать приятелям.

– О, а я и не знал, что он – змея. Он давно... лежит, – Василёк хотел сказать «валяется», – тут.

– Конечно, он змея. Но не страшная – никого никогда не ужалит и знает толк в сказках.

– А бывают такие змеи?

– Бывают. Хотя и редко.

Прощаться надо было, но не хотелось, совсем не хотелось.

– Не переживай, Василёк, – сказал Водяной. – Мы ещё встретимся.

– Точно? – спросил чуть расстроенный мальчишка, понимая, что о бывшем с ним никому нельзя рассказать – ни маме, ни папе.

– Обещаю! – улыбнулся Водяной.

Он стал уменьшаться, потом вдруг вырос, стал струистым, окутался аурой, сверкнувшей синевой, и превратился в маленькую перламутровую капельку. Василёк подставил ладонь, и капелька упала на неё, блеснула и испарилась.

А Василёк пошёл домой.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Даниил Петрович

(Москва)

12 лет, ученик лицея 1575, любит читать, а с недавнего времени стал писать стихи и прозу. Еще Даня любит рисовать, конструировать, создавать макеты из бумаги, воплощая свои мысли в творчестве.

РАССКАЗЫ ПРО ДЕВОЧКУ ДОМУ

Первый и последний проказ Вани

На свете жила семья из трех человек: папа, мама и четырехлетний сын Ваня.

Однажды Ваня проснулся рано утром и, как обычно позвал, маму. Но ему никто не ответил... Тогда Ваня встал и приоткрыл дверь. Опять позвал маму. И опять ему никто не ответил!

Ваня вернулся в комнату, взял игрушечный меч и начал осматривать дом. Сначала он пошел на кухню и направился к холодильнику. Мальчик открыл его и отпрыгнул. Там было очень холодно. Ваня осторожно подошел, стянул шоколадку и быстро отправился дальше.

Потом заглянул в большую комнату и, не найдя там ничего интересного, направился в гостиную. Там он долго глядел под диваны и даже пытался забраться на люстру. Но у него это не получилось, и Ваня направился в ванную. Там он долго открывал разные краны и даже нашел паука. Его Ваня не пощадил. Паук оказался в воде. В унитазной воде. А потом Ваня смыл его.

Ваня осмотрел весь дом. Но мамы в доме нет. Может, сегодня его день рождения и мама сделала ему сюрприз, как в прошлом году: сама ушла, а Ваня бегал по дому и рыдал... Нет, сегодня не 5 мая. А, нет! Сегодня пятое число. Только сегодня не май.

И тут Ваня вспомнил. Мама ушла в роддом. Ведь она вчера говорила, что утром она уйдет. А позавчера говорила, что у него будет сестра. Ваня, как самостоятельный, взрослый Иван, подошел к компьютеру, включил, набрал пароль и зашел в интернет. Дальше все легко! Включаем Яндекс-карты, набираем: «роддом»... Но результатов нет! Почему? Эх, дурацкий компьютер!

Ладно, тогда ищем карту. Она была в шкафу. Ваня подошел к шкафу, но вспомнил, что в нем много вещей. Так что отрывать его надо аккуратно. А тогда Ваня аккуратно ничего делать не умел. Придется опять искать в компьютере. Заходим в Яндекс-карты, ищем: «роддом». Опять не подошло! Может быть, это не так пишется? Набираем: «роддом»... Вот! Неужели компьютер не распознал слово с *одной* неправильной буквой?! Ладно. Неважно. Запомнил Ваня адрес. И пошел одеваться. Сам оделся! И сам пришел к роддому!

Прокрался под носом у охраны и все этажи обошел. Лишь на третьем этаже остановился. Смотрит: мама с папой сидят. И Ваня к ним побежал. Как увидела мама сына, сразу начала причитать: «Ой, Ванечка! Я же говорила, что мы уйдем!» Ну а папа удивлялся: как Ваня сам сюда пришел?

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

И тут у мамы сильно заболел живот, и они с папой куда-то убежали. А бумаги забыли. Ваня нашел в кармане ручку и написал прямо в строке «Имя девочки» слово «дом»:

Девочка – дом

И захихикал. Девочка-дом! Но потом подумал, что родители обидятся, потому что он назвал их девочку Дом. И Ваня написал, что:

Девочка – дома

Ведь она и правда будет дома! Но вот идут родители. Ваня спрятал ручку и сел прямо. Папа забрал бумаги и ушел, а мама села рядом и спросила:

- А что ты делал, склонившись над документами, сынок?
- Я? Рассматривал!
- А ручка для чего?
- Так я же сбиваюсь! Вот и вожу ручкой по строчкам.
- Ну ладно, верю.

С. А. Виноградов. Играет

А в это время папа Вани шел к информационному центру. Заполнять бумажки про новорожденную. Вот папа вошел и очень удивился. Он ожидал увидеть белые стены, скучный письменный стол с горами бумаг. Ничего этого не было. Был черный деревянный стол с современным компьютером, голубенькие обои с портретами разных известных поэтов. Ни люстры, ни лампы здесь вообще не было. Зато была целая стеклянная стена. Свет проникал через нее очень хорошо. За столом сидел дядька с огромными, сильными волосатыми руками. Дядька был в майке и модных рваных джинсах.

Таких докторов папа никогда не видел. Поэтому он смутился и решил, что ошибся дверью, но доктор попросил его сесть и дал ему десять минут для заполнения бумажек. Папа послушался дяденьку и сел. И начал заполнять бумажки. Раз бумажка, два бумажка, три бумажка... всего четырнадцать бумажек заполнил папа! А последнюю,

с именем девочки, забыл. Как раз ту, на которой Ваня написал «Дома». Папа преспокойно отдал бумажки, и доктор начал их осматривать и записывать информацию в свой компьютер. А после этого рвал бумажку. Дойдя до последней, он очень удивился, но все же написал в своем компьютере имя девочки. К папиному позднему сожалению, папа это не заметил, так как читал газету. Но вот доктор попросил папу выйти, и папа пошел забирать, сам того еще не зная, девочку Дому. Папа шел и думал, что что-то забыл. Но он никак не мог понять, что именно.

Папе благополучно отдали девочку, и он, сюсюкая с ней, направился к маме с сыном. Его встретили с восхищением. Особенно Ваня. Новая сестра! Он целых четыре года был без нее. А теперь можно поиграть, подраться! «Жаль, надо ждать», – подумал Ваня и не утерпел – ткнул девочку в бок. Она тут же заорала, а папа набросился на мальчика:

– Маленьких девочек нельзя тыкать! Она же слабенькая! А ты...

– Да что ты кидаешься на ребенка?! Он же не знал! – вступилась за Ваню мама. И тут она спросила: – А ты написал «Лизочка» в строке «Имя девочки»?

– Да... Нет. Вот я старый дурень! Я забыл имя девочке дать!

– Как же ты мог!

– Ладно. Это дело поправимое. Сейчас я пойду к тому дяденьке...

– Нет уж. Лучше я. А ты останешься с детьми.

И мама ушла. Ване было очень страшно. А вдруг родители узнают, что он писал в документах? Ему очень хотелось сознаться, все рассказать, но что-то удерживало его. И тут мама пришла. Она была очень злая.

– Ваня, ты наказан! Месяц без сладкого!

– А что случилось? – удивленно спросил папа.

– Этот мальчик написал, что нашу девочку зовут Дома!

– Как? – только и смог выговорить папа.

– А вот так!

Тут Ваня не выдержал, он разрыдался. И рыдал всю дорогу домой.

А дома он дал клятву: не баловаться больше никогда. А также очень обиделся на сестру.

Дома узнает, кто ее так назвал, и война на карнизах

Дома жила и думала: почему у нее такое странное имя. Ей говорили, что это в роддоме ошиблись. Но девочка знала, что это не так! Может, она раньше была дочерью короля какого-нибудь острова? А может, она с луны свалилась, как некоторые? Например, ее брат Ваня. Сидит себе! Важная персона! В первом классе он. Подумаешь! Ну и пусть сидит. Один. Побыстрее протухнет. И тогда сам попросится поиграть. А поздно будет!

Но вот вошла мама и прервала Домины думы:

– Привет, моя девочка! С добрым утром!

– Привет, мамочка!

– Твой завтрак на столе. Можешь идти есть.

– Хорошо, мама!

Вот мама ушла. А Дома, несмотря на свои три года, вылезла в окно и пошла по карнизу посмотреть, что делает Ваня. Она делала так каждый день. Вылезала, подходила к окну Вани, смотрела, что он делает, и дразнила его. Ваня тут же бежал к окну и пытался схватить девочку. Но она убегала на середину карниза и дразнила его оттуда. А Ваня не умел лазать по карнизу, поэтому он ругался на Дому, а потом уходил завтракать и жаловаться маме. Но она не верила, что трехлетняя девочка лазает на такой высоте по карнизу. И тут как ни в чем не бывало приходила Дома. Живой пример того, что она не лазала по карнизам. Тогда Ваня обижался и уходил с завтраком к себе.

Однажды, когда Дома лезла к Ване, кто-то из соседей увидел ее и испугался, но девочка помахала ему. Но сама чуть не упала. В этот момент Ваня схватил ее за ногу и втащил к себе.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Ему представился случай расквитаться. Мальчик закрыл окно и пошел закрывать дверь, но в этот момент Дома молниеносно открыла окно и убежала к себе.

Правда, ненадолго, ведь в этот раз девочке не удалось подразнить Ваню. И вот еще одна вылазка: карниз – окно брата. Шторы были задернуты, а окно крепко-накрепко закрыто. Тогда Дома решила послушать, что он там делает. И вот что услышала: «Эх! Вот я дурень! Надо было эту сестру как-нибудь поужаснее назвать. Например, Бурдолина... Да, надо было. Если бы я знал!»

Дома отпрянула от окна. Оказывается, это *он* назвал ее Домой! В девочке загорелось чувство мести. Но ее она отложила на потом. Дома забралась к себе в комнату и оттуда пошла завтракать. За столом с обычным важным лицом сидел Ваня. Девочка показала ему язык и взялась за манную кашу. К счастью, Ваня не заметил высунутого языка. А если бы заметил, то был бы скандал: каша на полу, а Ваня с Домой дерутся.

Но этого не было. Дома сидела и думала: «Может, мышеловка сработает? Хотя нет. Папа тоже раскладывает мышеловки, и все могут разозлиться на него. А что, если поставить на дверь банку с водой? Да! Больше никто этим не занимается, а Ваня любит эксперименты», – со злой ухмылкой подумала Дома.

Однажды, когда никого не было дома, Дома взяла стеклянную банку и налила в нее воды. Взяла стул, забралась на него, приоткрыла дверь и аккуратно поставила банку наверх. Убрала стул. Побежала в свою комнату и стала ждать.

Тут дверь открылась, и вошел Ваня. «Сейчас начнется!» – подумала девочка и зажмурилась. Она начала ждать. 10 секунд, 15, 20, 30... Ничего не происходит! Странно. Дома осторожно пробралась в коридор, пошла на цыпочках к двери Вани и заглянула в комнату. Там был Ваня. Он преспокойно сидел и что-то рассматривал. Но как? Дома посмотрела наверх: на двери была банка с водой. Очень, очень странно. Может, он прошел сквозь дверь? Или просто проскользнул в щель открытой двери. Или снял банку и поставил обратно.

Пока Дома размышляла, Ваня увидел ее и пошел к ней, открыл дверь и... Бум! Банка с водой упала на Ваню! С банкой на голове и весь мокрый, он стоял, ничего не понимая. Но так продолжалось секунды три. Дальше Дома рванула к себе, а Ваня за ней. Но так как спортом он занимался мало, Дома успела добежать до своей двери и почти закрыла ее... Ваня схватился за ручку и стал тянуть на себя. И тут раздался спасительный звонок в дверь! Ваня, злой и мокрый, пошел открывать. На пороге стояли его друзья по школе. Отъявленные хулиганы и двоечники. Не думайте, что Ваня был такой же! Просто всем, кто предлагал ему дружить, он говорил «да». И им тоже.

Вот они и пришли. И много чего с собой принесли: чипсы, кока-колу, один даже пиво принес! Увидев Ваню с банкой на голове, они расхохотались. Но после рассказа Вани друзья пообещали помочь отомстить. Они подошли к комнате Домы, но дверь была закрыта. Оттуда раздавались звуки телефона. «Только не маме», – подумал Ваня. Тогда они пошли в комнату Вани, выглянули в окно и увидели там... Дому! Она показывала им язык и кричала: «Попробуйте догоните!»

К ее несчастью, один друг Вани тоже умел лазать по карнизам. Он вылез в окно и угрожающе начал надвигаться на девочку. Но она, как бы не замечая его, оперлась на подоконник и рассматривала свой маникюр. На самом деле она пристально следила за ним. Так как драться она не умела, да и не могла физически, она решила взять его измором.

Когда Петя (так звали друга) подошел очень близко, Дома прыгнула вверх и зацепилась за балкон тети Кати, подтянулась и забралась на него. В это время Петя тоже начал лезть на балкон. Но Дома взяла варенье (у тети Кати всегда варенье на балконе) и начала осторожно лить на Петю. Мальчик недолго думал. Он открыл рот и начал ловить варенье ртом. Но так как

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

он сильно раскачивался, варенье лилось в основном ему на голову, рубашку, джинсы. Поэтому он прекратил это занятие. Петя сыпал проклятиями, а его друзья в окне просто умирали от смеха.

Когда Петя залез на балкон тети Кати, он был весь в варенье и ничего не видел. Пока он вытирал с лица варенье, Дома ущипнула его и перепрыгнула на другой балкон. Петя взбесился и уже мстил не только за Ваню, но и за себя самого. Он рванул за девочкой. Но Дома лазала лучше. Она спрыгнула обратно на свой карниз и начала ждать Петю.

В это время к дому подъехала пожарная команда. Увидев мальчика и девочку, бегающих по карнизам, пожарные расстелили внизу большую подушку.

«Так вот кому звонила сестра!» – понял Ваня.

В это время Петя тоже спустился на карниз. Он уже не надвигался на девочку. Он бежал!

С. А. Виноградов. Барышня в сарафане. 1930.
Холст, масло

Дома опять залезла на балкон тети Кати и взяла еще одну банку варенья. Но теперь Петя был умней, забрался с другой стороны балкона и кинулся на девочку. Но девочка перепрыгнула на соседний балкон и, как только заглянула в окно, поспешила дальше. Дело в том, что там мылся дядя Миша, а это зрелище могло напугать людей и постарше Домы. К сожалению, дядя Миша заметил девочку. Он завязал полотенце на талии и поспешил к своему балкону спасти Дому. Но на балкон вместо крохотной девочки припрыгал Петя – мальчик вполне хулиганского вида, да еще и перемазанный вареньем. И именно Петя получил внушительный удар по голове. Дядя Миша еще бы надавал мальчику, но тут с мужчины спало полотенце и он поспешил удалиться в дом.

Петя оправился после удара, нашел глазами Дому и ринулся дальше. Дома была на первоначальной позиции. Она рассматривала свой маникюр. Петя спустился на карниз и побежал к девочке. Когда оставалось несколько сантиметров, Петя поскользнулся на оставленной Домой банановой шкурке и начал падать вниз. Летя, он поклялся отомстить виновнице его падения. К счастью, Петя упал на пожарную подушку. Тут же приехала скорая и забрала мальчика.

Ну а Дома спокойно вернулась к себе в комнату.

И тут в дверь позвонили. Угадайте кто? Это была мама Вани! Тут же все друзья были выставлены за дверь, а Ваня наказан.

День рождения Вани

4 мая. Дома сидела у себя в комнате и думала: «Завтра день рождения у Вани. И что ему дарить? В машинки и в другие игрушки он не играет. Может, подарить ему колбу с кислотой? Или с колбасой? А где я ее возьму? Нет. Надо что-нибудь еще. Что можно подарить человеку, который ни во что не играет? Придумала! Я ему сама подарок сделаю!»

На следующий день вся семья с небольшим количеством друзей отправилась в зоопарк. К облезлым и вонючим (почему их не моют?!) бегемотам, медленным и огромным слонам. К глубоководным рыбам в темный аквариум, где ничего не видно. Ваня был в полном восторге, но не Дома! Там жутко пахло и было очень скучно. Единственное, что было нескучно – мороженое. Оно было очень вкусное и пахло вкусно, хотя называлось «Вонильное».

Когда обошли весь зоопарк, Ване начали дарить подарки. Всего шесть подарков (не считая Доминого). Набор юного химика, настольная игра «Эволюция», «Как сделать вулкан у себя дома», набор динозавров, которые издавали странное рычание, мяч и набор для мыловарения.

Подошла очередь Домы. Она скромно достала из кармана коробочку, украшенную камешками и ракушками, и дала Ване. Ваня осторожно открыл коробку и увидел там монетку. Он сделал презрительное лицо, но все же сказал «спасибо» и спрятал коробочку в пакет с игрой.

Дальше именинник с семьей поехал домой. Но домой они не доехали, так как по дороге им попала пиццерия. Все захотели пиццу, и папа зарулил на стоянку.

Пиццерия была очень странная. Столы были подвешены к потолку, да и людей что-то не было видно. Все невольно отступили назад к двери.

Но тут выбежали клоуны и посетители и закричали:

– С днем рождения, Ваня!

Тут были и друзья Вани, и родные, и даже его бабушка с далекого Севера. Ваня ее не видел так давно, что вытянул руки и хотел уже побежать, но... Да-да, все дело в этом «но». Тут на руки ему упала большая пицца. Ваня отложил ее и побежал дальше, но... Теперь уже ему на руки упал стакан с соком. Ваня еле поймал его. Столов рядом не было, поэтому Ваня вернулся к входу и поставил стакан на единственный стол, стоящий на полу. Он хотел опять побежать, но передумал и пригласил всех за этот стол. Там он наконец обнял бабушку, и все принялись есть.

За столом не было никаких происшествий, поэтому рассказывать даже не стоит.

Но вот вся семья, с бабушками и дедушками, поехала домой.

А дома всех ждал большой шоколадный торт. Он был такой большой, что занимал половину стола!

Когда всем разложили по кусочку, семья начала есть. Но тут начались тосты, поздравления, и для торта не осталось времени.

Когда тосты закончились, Ваня встал на стул и начал говорить, что он очень благодарен и все в этом роде, но вдруг не удержался и начал падать на стол. А его голова нацелилась прямо в *торт*! Папа попытался отодвинуть торт, но через мгновение подвинул его обратно. Потому что лучше носом падать в торт, чем в стол.

Когда Ваня выпрямился, все попадали на пол от смеха. Ваня был мрачнее тучи. И не столько от того, что упал в торт, сколько от улыбок взрослых. Ведь очень не смешно, когда твои мама, папа, бабушка и дедушка над тобой смеются! Но больше всего Ваня рассердился, когда увидел, что смеется Дома. Он стер торт с лица и с криком «Аа-а!» побежал за сестрой. А

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

сестра, захлебываясь от смеха, побежала от Вани. Но попробуйте бегать смеясь – это очень сложно. Поэтому брат догнал свою сестру и уже занес кулак, но в этот момент откуда ни возьмись подбежал клоун, сказал, что сейчас начнутся конкурсы, взял Ваню в охапку и пошел к другим появившимся как из воздуха клоунам. А Дома осталась лежать на полу, плача от смеха. Она была умной девочкой и понимала, что участвовать в конкурсах сейчас опасно для жизни, поднялась и пошла за стол. А мрачного Ваню-именинника пытались развлечь клоуны. Конечно, это было смешно, но не для него. Однако Ваня был вежливый, поэтому неискренне смеялся вместе с клоунами. На самом деле он хотел лишь одного – побить Дому. Вот это было бы для него смешно, а не какие-то дядьки с красными носами.

Все бы так и продолжалось, если бы папе не позвонила какая-то тетенька с работы и не сказала, что он опаздывает на собрание. И папа быстро укатил на свое собрание. Без папы взрослые как-то приуныли. Видимо, папа всем не давал скучать. В общем, мама тут же вспомнила про домашние дела, а дедушка с бабушкой тоже что-то пробурчали. Начали собираться домой. Так как время у клоунов не закончилось, они бегали между всеми и пытались развеселить общество. На них никто не обращал внимания, только дедушка вяло улыбнулся одному. Но у клоунов была задача развеселить, поэтому они такое начали придумывать! Один начал червяком ползать по полу, другой взял гитару в зубы и начал играть на ней (Когда этот клоун пришел домой, у него выпало четыре зуба!). Однако праздник уже закончился и клоунов попросили на выход.

С. А. Виноградов. Галинка

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Юлия Сорокина

(Москва)

Рояль

Мне недавно рассказали,
у рояля есть педали,
рама есть, три колеса...
Это что за чудеса?

Я конечно не поверил,
я пошел, и сам проверил.
В первый ряд, в концертный зал
папа два билета взял.

Мы увидели рояль,
в центре сцены он стоял:
молчаливый, черный, строгий,
однокрылый и трехногий.

Вышел к залу музыкант,
на груди поправил бант,
белых клавиш он коснулся,
и рояль запел, проснулся.

Из-под черного крыла
к нам мелодия текла.
Папа шепчет мне: «Смотри,
есть педали – целых три!

Если правую нажать,
будет музыка звучать
переливом, плавно, громко,
ярко, красочно и звонко.

Жмешь на левую педаль –
музыка, как будто вдаль
мягко, тихо улетает,
разливается и тает.

Ну а средняя – она
очень редко нам нужна.
Не для всех она подходит,
лишь для избранных мелодий».

Зал, заслушавшись, молчит.
Только музыка звучит.
Вот так сказочная птица –
То-то мама удивится!

Дождик

Дождик брызнул, как из лейки,
намочил в саду скамейки,
сбил колючие каштаны,
набросал листву в фонтаны,

со двора прогнал котов,
что гуляли без зонтов,
нарезвился, нашалился
и до капельки пролился.

Снова солнечный денек.
В быстрый чистый ручеек
мы пустить кораблик сможем.
В добрый путь! Спасибо, дождик!

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведёт Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

СТОЛИК У ОКНА, или МИР ПОНАРОШКУ

Весна накрыла Москву своим трепетным крылом, и свежий ветер успешно выдувает из наших голов зимнюю скуку. Горожане, по-весеннему красивые, потянулись в многочисленные кафе. Их в Москве невероятное количество. На все вкусы и кошельки, самых разнообразных стилей и направлений. Я задалась вопросом: для чего люди ходят в кафе? И, поверьте, ответ оказался совершенно неоднозначным.

Разумеется, кто-то посещает места общепита именно из-за желания поесть, но ведь далеко не все. В кафе и ресторанах назначают деловые встречи, решают вопросы бизнеса, договариваются о сотрудничестве. Подобные посетители приходят в разном составе – по двое, четверо и даже небольшими коллективами. Это зависит от серьезности ситуации.

Выпить кофе забегают и влюбленные парочки, которым хочется уединиться, отгородившись от шумного мегаполиса. Заглядывают и те, кто только-только познакомился и пытается лучше узнать друг друга за беседой и чашкой горячего ароматного чая.

Есть также и те, кто использует кафе именно в качестве места, где можно встретить свою половинку. Обычно такой охотой промышляет прекрасная, но весьма одинокая часть населения. Девушки часами высиживают с одной или двумя чашками кофе в ожидании чуда. Вот сейчас откроется дверь, и войдет *он*. Заметит, оценит, полюбит... в общем, все будет как в сказке.

Встречи с друзьями и подругами тоже давно и прочно перетекли с домашних кухонь в уютные кафешки. Так гораздо удобнее: поговорили, поели-попили, и посуду мыть не нужно. Одни плюсы!

Но существует еще одна веская причина, по которой люди приходят в кафе – поработать! Сегодня, в век компьютеров и высоких технологий, стало так легко заниматься важными делами удаленно, используя компактный гаджет: ноутбук, планшет, телефон. Вот и я люблю посидеть у большого окна, за столиком любимого кафе. Я много лет прихожу сюда специально, чтобы писать. Уж не знаю отчего, но в кафе сосредоточиться намного легче, чем в родных стенах. Наблюдая за людьми на улице через большое окно, я уплываю в придуманный мир, мир понарошку. И в голову сами собой приходят новые сюжеты. Строка за строкой нанизываются, словно бисеринки в бусах, а приятная обстановка помогает добавить нотку юмора и щепотку волшебства в мои истории.

Дома же меня отвлекают страшные враги. Телефон, обычно молчаливый, даже если у меня есть время поболтать, тут словно просыпается, и звонки следуют один за другим. То про меня вспоминают давние друзья, то подруге срочно нужен совет. Как-то ведь неудобно сказать: «Знаешь, мне не до тебя, я творю!» Так что я терпеливо слушаю о чужих страданиях и

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

наблюдаю, как Муза, сидящая в соседнем кресле, сердито стучит пальчиком по изящным часикам на призрачном запястье, хмурит брови и обижается, угрожая улететь, бросив меня с неоконченным рассказом.

Только сосредоточишься на работе, опять звонок. Звонит оператор из «Мосводоканала», интересуется, поставлены ли у меня счетчики воды. Или ворчливая тетя с телефонной станции, пугая меня плохой связью, настаивает на прокладке нового кабеля. До кучи еще обязательно позвонят из какой-то там супер-пупер-косметической компании с уговорами во что бы то ни стало опробовать их средства и услуги. Да и вообще само ожидание возможного звонка отвлекает и мешает сосредоточиться.

А холодильник! Совсем не дает работать, то и дело зазывая «на перерыв». Заманивает то фруктами, то временем положенного обеда, то запрятанным далеко от самой себя десертом.

Казалось бы, все: взяла себя в руки – не бегаю к холодильнику, не отвечаю на звонки, вроде можно и поработать. Не тут-то было! Увидела непорядок в комнате и поплелась убирать, а то и вообще двигать мебель, организовывая для себя любимой новый уютный интерьер. А что поделать? Накатило! Спротивляться нереально. Ну вот и как тут можно писать!

То ли дело кафе! Пришла, отключила звук на смартфоне и открыла ноутбук. Вдохновение появляется почти сразу, и довольная улыбающаяся Муза по праву занимает второе кресло за моим столиком. Вместе мы создаем, выдумываем, правим и корректируем. Так появляются сказки, рассказы, эссе...

Прошло уже пять лет с того дня, как родился журнал «Московский BAZAR». Он еще малыш, но уже окреп и смело шагает по жизни маленькими ножками, раскрашивая мир вокруг яркими красками. А следом за первым выпуском журнала, спустя буквально несколько месяцев, появилась и наша рубрика «Столик у окна». Название пришло само, легко и естественно. Ведь начало было положено в том самом кафе, после чашки горячего ароматного кофе. И хотя наш «Столик» тоже еще дитя, он уверенно размахивает совком, формируя ряд куличиков, состоящих из неожиданных поворотов, интересных идей, юмора и фантазии. Там вы найдете светлые мысли, трогательные сюжеты, забавные ситуации и фантастическое решение всех проблем, потому что *мы* решаем их легко и играючи. Ведь если относиться к себе и к проблемам слишком серьезно, без иронии, можно даже заболеть.

О результате написанного судить вам. А я очень надеюсь, что вам будет интересно и приятно читать нашу рубрику.

Заходите, присоединяйтесь, присаживайтесь за мой столик! Вас там всегда ждут!

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2016